

В.А. СОМОВ

**ПО ЗАКОНАМ
ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

В.А. Сомов

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

*Очерки истории трудовой политики СССР
в годы Великой Отечественной войны
(1941-1945 гг.)*

Монография

Издательство Нижегородского госуниверситета
Нижний Новгород
2001

УДК 9 (47+57) 27
ББК Т 3(2)622.9-2
С 61

Рецензент: д.и.н., профессор *Ю.А. Перчиков*

Научный редактор: профессор *В.И. Белоус*

Под общей редакцией академика *О.А. Колобова*

С 61 **Сомов В.А.** По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. 2001. 154 с.

В монографии на основе широкого круга источников юридического и конкретно-исторического характера рассматривается одна из наименее разработанных в современной историографии проблем внутренней политики СССР в годы Великой Отечественной войны – проблема организации труда, анализируется мобилизационный принцип привлечения рабочей силы в народное хозяйство, причины и методы борьбы с нарушениями трудовой дисциплины.

Издание предназначено для специалистов – историков, аспирантов, студентов и преподавателей, а также для всех, кто интересуется историей России.

ISBN 5-85746-491-9

ББК Т 3(2)622.9 - 2

© Сомов В.А., 2001

ВВЕДЕНИЕ

История Великой Отечественной войны Советского Союза, героической борьбы советского народа, его трудового подвига остается и еще долгое время будет оставаться актуальной. Мы не должны забывать о том, какой ценой была достигнута победа, какие беды принесла война. Задача историков – открыть новые факты минувшей войны и донести их до следующих поколений. Эта задача отвечает благородным целям – предотвращению новой трагедии и сохранению исторической памяти о героических подвигах наших предков.

Рассекречивание спецхранов отдельных архивных фондов и появление новых источников открывает сегодня для исследователей широкие перспективы изучения различных аспектов такого неординарного и во многом неоднозначного события как Великая Отечественная война. Историк в условиях отсутствия жестких идеологических рамок исследования (и в этом одно из немногих преимуществ современного российского общества) при наличии новых, еще не привлекавшихся в научный оборот источников просто обязан использовать их в работе. Это позволяет восстановить картину прошлых событий во всей ее полноте, богатстве красок и оттенков. В этом заключается научная актуальность такой работы.

При всем многообразии и всей многочисленности исторической литературы, посвященной исследованию вопросов работы тыла советских вооруженных сил, военной экономики и труда в годы войны, следует признать, что недостаточное внимание в этих исследованиях уделяется изучению проблемы привлечения к труду и трудовой дисциплины. Тема мобилизации трудовых ресурсов в 1941-1945 гг. была даже специально предложена для изучения всесоюзной конференцией «Историография Великой Отечественной войны» в 1980 году.¹ Но с тех пор разработка

¹ Историография Великой Отечественной войны / Под ред. М.П. Кима. М., 1980. С.280.

этой темы велась фрагментарно, в контексте более общих проблем работы советского тыла.

Вопросу о состоянии трудовой дисциплины, которая являлась одним из важнейших условий эффективной работы военной промышленности и народного хозяйства в целом, в исследованиях уделялось незначительное внимание. Это, скорее всего, связано с несоответствием методов укрепления трудовой дисциплины господствовавшей государственной идеологии СССР, которая определяла трудовую дисциплину исключительно как продукт самосознания народных масс.¹

В период войны поддержание трудовой дисциплины обеспечивалось применением репрессивных и принудительных мероприятий. Сегодня, когда отсутствуют идеологические ограничения в подходах к изучению проблемы, ликвидация подобных «белых пятен» должна осуществляться путем привлечения нового фактического материала. Благодаря этому наши представления о характере труда в годы Великой Отечественной войны станут более полными и объективными.

Данное исследование актуально и с точки зрения сегодняшнего дня. Коренные изменения, происходящие в нашем обществе в последнее десятилетие, к сожалению, не сняли, а наоборот – обострили проблему эффективности организации труда и трудовой дисциплины. Как известно, одним из методов достижения успеха в процессах «перестройки» и «ускорения» было названо «укрепление производственной дисциплины». ² Одной из главнейших задач проводимых сегодня реформ считалась и продолжает считаться задача преодоления в исторически кратчайший срок отставания производительных сил нашего общества от производительных сил ведущих стран Запада. Многие из разработчиков концепций выхода России из кризиса обращали внимание на падение трудовой дисциплины как на дестабилизирующий фактор, мешающий нормальному производственному процессу. «Каждый, кто сталкивается с западной цивилизацией не только на уровне круизов и супермаркетов, понимает, какой ценой дается «то» изобилие, какая *супермобилизация* (курсив мой – В.С.) присутствует в слоях, которые обеспечивают выс-

¹ Пашерстник А.Е. Дисциплина труда в СССР. М., 1950; Абрамова А.А. Дисциплина труда в СССР. М., 1969; Рабочий класс и дисциплина труда / Под ред. П.Т. Тимофеева. М., 1988.

² Согрин В.В. Политическая история современной России. М., 1994. С. 14.

шую производительность «той» экономики»¹ – вот лейтмотив недавних, но пока не востребованных предложений о методах повышения эффективности производства.

В истории России уже имеется опыт выхода из ситуаций экономического кризиса, вызванных разными по своему характеру обстоятельствами. Изучение этого опыта представляется сегодня вполне своевременным.

Актуальность данного исследования определяет и территориальный фактор. Горьковская область – один из наиболее индустриально развитых регионов бывшего СССР. Демографическая ситуация и состояние трудовых ресурсов в Горьковской области были *типичными* для центральных тыловых областей СССР в предвоенный и военный периоды. Процентное соотношение городского и сельского населения, а также возрастные характеристики, позволяют говорить о Горьковской области как о *показательной* в отношении количественного и качественного состава трудовых ресурсов.

Изучение малоизвестных фактов из истории военной экономики области является, в свете развития регионалистики, первостепенной задачей. Многими исследователями отмечается, что сегодня мало изучены факторы, определявшие повседневный интенсивный труд в работе на войну, не освещен в нужной мере мобилизационный характер большей части мероприятий труда и производства.² Проблему пополнения рядов рабочего класса, транспортников, лесо- и торфозаготовителей за счет крестьян Горьковской области вообще называют «ценным пластом местного краеведения».³

Таким образом, разработка данной проблематики, основанная на материалах из истории Горьковской области, занимавшей одно из ведущих мест по уровню промышленного и сельскохозяйственного производства,

¹ Кургинян С.Е. и др. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М. 1990. С. 15.

² Федоров В.Д. Состояние и проблемы изучения истории Горьковской области в годы войны // Горьковская область в Великой Отечественной войне. Взгляд через 50 лет: Материалы научно-практической конференции. Н. Новгород, 1995. С. 42.

³ Анисков В.Т. Общее и особенное из истории нижегородской деревни 1941-1945 // Там же. С. 31.

позволит сделать конкретно-исторические выводы и открыть пути к более общим исследованиям.

Поэтому предметом исследования данной работы является *привлечение к труду и трудовая дисциплина* в годы Великой Отечественной войны. Привлечение к труду понимается как совокупность мероприятий партийных и государственных органов, направленных на обеспечение народного хозяйства рабочей силой. Эти мероприятия были юридически обоснованы и соответствовали советскому законодательству. Прежде всего, это мобилизация, привлечение к трудовой повинности и мобилизационный призыв в школы ФЗО и РУ.

Часто в документах и в научной литературе привлечение к труду определяется термином «мобилизация», что в данном случае не совсем верно. Мобилизация в годы Великой Отечественной войны понималась как приведение всей страны в готовность к борьбе, переход ее на рельсы военного времени.¹ Трудовая мобилизация, являясь составной частью мобилизации всеобщей, в то же время представляет одну из форм привлечения к труду. Она, в отличие от других форм, имела свои особенности и поэтому должна рассматриваться особо.

Трудовая повинность – еще один способ привлечения в обязательном порядке населения к выполнению работ, имеющих в военное время чрезвычайный или оборонительный характер: заготовка топлива, работа на оборонительных рубежах.²

Привлечение к труду, нередко опиравшееся на методы принуждения, ставило перед государством проблему борьбы за укрепление трудовой дисциплины. Это сыграло огромную роль в период войны и явилось одним из решающих условий победы СССР над гитлеровской Германией. Трудовая дисциплина военного времени понималась как неуклонное, четкое, беспрекословное выполнение всеми трудящимися приказов и производственных заданий,³ основанное на сознательном отношении к труду, как к «делу чести, делу славы, делу доблести и геройства».⁴ Уже в

¹ Энциклопедический словарь. Книга II. Л. 1927.

² Большая Советская энциклопедия. Т.51. М.: ОГИЗ. 1947. С.79.

³ Правда. 1942, 19 апреля. См. так же: Отрадинский А. Обеспечить четкое выполнение ст. 59(6) УК РСФСР // Социалистическая законность. 1942, №8; Лизунов Н. Дисциплина и организованность – важнейшее условие победы над врагом // Пропаганда и агитация, 1944. №10.

⁴ Большая Советская энциклопедия. Т.51. М.: ОГИЗ. 1947. С.78.

период войны сформировались принципы отношения к нарушителям трудовой дисциплины как к дезорганизаторам социалистического производства. Активно проводилась идеологическая работа, с целью вызвать «народное одобрение» борьбы с нарушениями. «На боевые действия воинов Красной Армии тыл отвечает новым трудовым подъемом. Поэтому рабочие и служащие с особым отвращением относятся к дезертирам трудового фронта и с удовлетворением встречают приговоры военных трибуналов, строго наказывающих за дезертирство с фронта труда»¹ – вот характерный пример официальной точки зрения на проблему трудовой дисциплины, которая долгое время занимала господствующие позиции в советской историографии.

Прежде чем приступить к обзору литературы необходимо заметить, что достаточно полного и всеобъемлющего исследования по теме в отечественной историографии не существует. Это, отчасти, объясняется ее «непопулярностью» в рамках господствовавших идеологических убеждений социалистического общества. Привлечение к труду в порядке принуждения и репрессивные правовые методы борьбы за трудовую дисциплину не входили в число перспективных проблем, так как не соответствовали представлениям о свободном характере труда в СССР. Отсутствие специальных научных исследований по данной тематике можно еще объяснить и тем, что внимание историков уделялось, в основном, героическим страницам экономической победы над Германией, величию трудового подвига советского народа. Кроме этого, отсутствие до последнего времени прочной источниковой базы делало подобную научную работу почти невозможной.

В многочисленных публикациях, монографиях, диссертациях, вышедших в свет за более чем полувековой период и посвященных военной экономике СССР, все же достаточно много внимания уделяется проблеме привлечения к труду. Автор согласен с точкой зрения Е.Л. Храмовой, которая считает, что критериями при периодизации исторической литературы следует считать «качественные и количественные изменения, достигнутые в разработке темы, введение в оборот новых комплексов источников и фактов, появление крупных научных трудов и документов, возникновение новых направлений в изучении темы» и что «необходимо учитывать исторические условия, в которых развивалась

¹ Военные трибуналы в условиях Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1942, №7.

данная тема».¹ Согласно этим критериям, представляется возможным говорить о четырех периодах в развитии историографии проблемы привлечения к труду и трудовой дисциплины.

В качестве первого периода следует выделить 1941-1945 годы. Литература этого периода носила пропагандистский характер и отвечала целям идеологической поддержки организации труда в годы войны.

Уже в ходе войны вышли в свет несколько работ, в которых затрагивались проблемы обеспечения производства рабочей силой. Как правило, эти работы не носили научного характера и, в основном, раскрывали механизм подготовки рабочих кадров непосредственно на производстве и в школах ФЗО.² Труд колхозников Горьковской области посвящена книга первого секретаря Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионова.³ В ней, что характерно для работ изданных в эти годы, говорится о преимуществах советского социалистического государственного строя, который в сочетании с советским патриотизмом вдохновлял колхозников на самоотверженный труд во имя победы. В соответствии с государственной идеологией этого периода выдержана и работа доктора экономических наук Л.Гатовского: «Социалистический строй породил великий трудовой подвиг нашего рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции – всего советского народа, вдохновленного благороднейшими целями Великой Отечественной войны».⁴

Проблема трудовой дисциплины не являлась в этот период предметом специального анализа.

Второй период (1945-1965) явился решающим этапом в плане накопления фактического материала и формирования идеологических и научных концепций в развитии изучения проблемы привлечения к труду. После 1956 года (XX съезд КПСС) историки впервые стали обращать внимание на трудности, которые сопровождали процесс организации труда во время войны, что обусловило привлечение новых источников.

¹ Храмова Е.Л. Поволжье в годы Великой отечественной войны. (1941-1945). Проблемы историографии и источниковедения. Самара, 1993. С.8.

² Мовшович Г. Отечественная война и подготовка рабочих кадров. Куйбышев, 1942; Мирошниченко Б., Сонин М. Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. М., 1944.

³ Родионов М.И. Колхозы Горьковской области в дни Великой Отечественной войны. Горький, 1944.

⁴ Гатовский Л. Экономическая победа советского народа в Великой Отечественной войне // Спутник агитатора. 1944. №22.

Очень мало внимания уделялось изучению трудовой дисциплины, хотя большинством авторов она признавалась одним из решающих факторов победы. Борьба за ее укрепление представлялась почти исключительно как комплекс идеологических мероприятий и методов убеждения.

В литературе второго периода не получили необходимого освещения некоторые стороны проблемы рабочих кадров в военные годы. Не была изучена глубоко текучесть кадров в ряде важнейших отраслей промышленности, ее влияние на производство и меры по ее ликвидации, принимавшиеся партией и государством.¹

Однако второй период, включающий в себя два послевоенных десятилетия, ознаменовался появлением работ, которые определили направление дальнейшего изучения проблем военной экономики. Это сборник выступлений и речей И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза»² и книга председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны».³ Эти издания вполне можно назвать «каноническими», поскольку литература этого и следующего периодов во многом опиралась на положения, выдвинутые авторами. В частности, Н.А. Вознесенский впервые написал о трудовой мобилизации как о дополнительном источнике рабочей силы для народного хозяйства СССР.⁴ Аналогичный характер носит работа А.П. Теряевой, посвященная труду колхозников.⁵

Научные труды первых послевоенных лет были ориентированы на раскрытие причин победы СССР в войне. Одними из главных считались экономическое превосходство и народный патриотизм.⁶ Впервые непо-

¹ Беляков А.П. Историография трудового подвига советского народа в период Великой Отечественной войны. Дисс... канд. ист. наук. М.1964. С.232.

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ. 1947.

³ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ. 1948.

⁴ Вознесенский Н.А. Указ. соч. С.110.

⁵ Теряева А.П. Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. М., 1948.

⁶ Соколов И. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне // Пропагандист и агитатор. 1949, №11. С.45; Калинин Д.И. Патриотизм трудящихся Кировской области в дни Великой Отечественной войны (1941-1945) // По родному краю. Вып. 1. 1951; Александров П.А. Источники силы и могущества Советского Союза в Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 1952, №5; Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в

средственно к проблеме обеспечения отраслей народного хозяйства рабочими кадрами обратились З.И. Гильманов¹ и В.Б. Тельпуховский.² Опираясь в основном на указы и постановления правительства, авторы рассмотрели основные формы привлечения к труду, дали краткую характеристику каждому из них. Основное внимание в их работах уделяется описанию положительных результатов проведения в жизнь мобилизационной политики правительства. Однако оценка этих результатов не всегда подкреплена достаточным количеством источников. Отсюда формулировки: «Указ *должен был* регулировать порядок дальнейшего пополнения рабочей силы», «*Это дало бы* возможность значительно улучшить обеспечение промышленности рабочими кадрами» (курсив мой – В.С.).

В указанных работах в качестве основных недостатков, которые наблюдались на протяжении всего советского периода отечественной историографии, можно назвать также отсутствие детального анализа юридической базы привлечения к труду и идеологические штампы, мешавшие выработке объективных оценок.

Внимание к фактическому материалу в 60-е годы позволило историкам делать более четкие и объемные выводы по проблеме. Так, П.В. Соколов в своей работе предметно рассматривает проблему форм и методов привлечения к труду.³ Но и здесь преимущественное внимание уделяется привлечению женщин и подростков на производство, эвакуации. В меньшей степени отражены мобилизационные и принудительные методы обеспечения рабочей силой, вообще не говорится о трудовой повинности.

годы Великой Отечественной войны. М., 1954; Серебров М.Г. Трудовой подвиг автозаводцев (1941-1945) // Социалистическое строительство в Горьковской области: Сборник статей / Под ред. Н.М. Добротвора. Горький, 1957; Василенко В.С. Труд во имя Победы. М., 1959.

¹ Гильманов З.И. Об источниках пополнения рабочей силы в промышленности и сельском хозяйстве в первый период Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского государственного университета. Т.117. Кн.10. 1957.

² Тельпуховский В.Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941-конец 1942) // Вопросы истории, 1958. №11; Его же. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в период Великой Отечественной войны: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1960.

³ Соколов П.В. Война и людские ресурсы. М., 1961. С.134.

Впервые историки этого периода обратились к изучению проблемы борьбы за трудовую дисциплину. Среди наиболее заметных следует назвать работу А.Е. Пашерстника.¹ В ней, на основе ленинских методологических подходов к проблеме, дается характеристика дисциплины труда. Интересно, что в этой характеристике органически сочетаются положения о сознательном отношении к труду и его добровольном характере (как основе социалистической дисциплины труда) и о беспрекословном и немедленном выполнении приказов и распоряжений руководителей (как о ее сути). Последнее определение, несомненно, несет отпечаток понимания дисциплины труда в условиях военного времени. Появление книги А.Е. Пашерстника на долгое время почти «закрыло» тему трудовой и производственной дисциплины. Лишь в некоторых работах этого периода авторы косвенно обращались к ее разработке, при этом не отступая от уже сформировавшихся ленинско-сталинских оценок. Так, З.П. Красильникова отмечает некоторые факты невыполнения производственных заданий некоторыми предприятиями Горьковской области, наличие рабочих, не выполнявших нормы выработки и т.п.² Это, безусловно, можно назвать одной из первых попыток показать, что далеко не всегда трудовая дисциплина была на высоте. Но все же, на наш взгляд, автор несколько идеализирует состояние дисциплины труда в годы войны, особенно в колхозах Горьковской области. Она пишет: «Колхозный строй выработал у крестьянства новое отношение к труду, воспитал глубокое чувство советского патриотизма, вызвал к жизни колоссальные творческие силы, таящиеся в народе... Коммунисты-колхозники подавали личный пример трудовой дисциплины и самоотверженного труда».³ Такие оценки, как уже говорилось выше, были обусловлены стремлением автора не отходить от позиций понимания социалистической дисциплины труда, а также отсутствием источников или нежеланием их привлекать.

Таким образом, в указанный период происходило формирование потенциала исторических исследований, посвященных теме труда в годы войны, который, в основном, реализовался в течение третьего периода.

¹ Пашерстник А.Е. Дисциплина труда в СССР. М., 1950.

² Красильникова З.П. Горьковская область в годы Великой Отечественной войны // Социалистическое строительство в Горьковской области: Сборник статей / Под ред. Н.М. Добротвора. Горький, 1957.

³ Там же. С.330.

Третий период в развитии историографии (1965-1991) начинается с пересмотра отношения к «культу личности» И.В. Сталина на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС (15-18 марта 1965 г.) в связи с подготовкой XXIII съезда КПСС. С этого момента в работах, посвященных войне вообще и военной экономике в частности, больше внимания уделяется не роли И.В. Сталина (позитивной или негативной), а «героическим усилиям партии и народа в борьбе за социализм». ¹ Такая ориентация, а также накопленный фактический материал позволили ученым-историкам приступить к работе над обобщающими трудами, в которых описывался трудовой подвиг советского народа под руководством КПСС, раскрывались различные аспекты функционирования тыла советских вооруженных сил. ² В этих работах, как правило, лишь вскользь упоминаются проблемы нехватки рабочих рук в народном хозяйстве и пути их решения.

В 1980 году проблема мобилизации трудовых ресурсов страны в 1941-1945 годах была рекомендована для научного исследования Всесоюзной научной конференцией «Историография Великой Отечественной войны». ³ После этого в разработке данной проблематики наметились некоторые сдвиги. Ю.Л. Дьяков, А.Д. Колесник, Л.М. Володарский начинают в своих работах говорить о мобилизационной деятельности советского государства в годы войны, о привлечении трудящихся на

¹ Красильникова З.П. Указ. соч. С. 330.

² Беликов А.М. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М., 1969; Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1970; Гладков И.А. Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970; Сосновская Р.П. Героический труд во имя Победы (КПСС – организатор трудового подвига рабочего класса в период коренного перелома в Великой Отечественной войне). Л., 1973; Советский тыл в Великой Отечественной войне. Книга 2. Трудовой подвиг народа. М., 1974; Сидницын А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1975; Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1975; Плотников Ю.В., Чабан И.Н. Тыл советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975., №1; Беликов А.М., Куманев Г.А., Митрофанова А.В. Военная экономика СССР на службе фронту // СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933-1945. М., 1976; Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне / Под ред. С.К. Куроткина. М., 1977.

³ Историография Великой Отечественной войны / Под ред. М.П. Кима. М., 1980. С.280.

стройки и в промышленность из числа не занятого на производстве населения. Правда, эти работы грешат односторонностью в подаче материала и некоторой идеализацией степени патриотического подъема населения. ¹

Аналогичные оценки имели место и в последующих работах, посвященных проблеме советской военной экономики, ² хотя в некоторых из них идет речь о применении трудовой повинности как об одном из действенных методов привлечения к труду. ³

Накопленный фактический материал, появление мемуаров участников событий сделали возможным написание в этот период специальных работ, в которых внимание ученых было сосредоточено на отдельных отраслях народного хозяйства и отдельных мобилизационных мероприятиях правительства.

История советского крестьянства стала предметом изучения в работах Ю.В. Арутюняна, И.Е. Зеленина, А.П. Плотникова. ⁴ Событием в разработке проблем деревни и крестьянства периода войны стал выход третьего тома Истории советского крестьянства. ⁵ При описании привле-

¹ Дьяков Ю.Л. Подвиг строителей индустрии тыла. 1941-1945. М., 1981; Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982; Кирсанов Н.А. Военно-мобилизационная деятельность Советского государства // История СССР, 1984. №6; Володарский Л.М. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории, 1985. №7.

² Великая Отечественная война: вопросы и ответы. М., 1985; Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: Учебное пособие по истории СССР для студентов вузов / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1986; Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / Под ред. Г.А. Куманева. М., 1988.

³ Панов В.П. Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны // Вопросы экономики. 1985, №5.

⁴ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; Зеленин И.Е. Вклад тружеников сельского хозяйства в достижение победы в Великой Отечественной войне // История СССР. 1985, №3; Плотников А.П. Миграция населения и трудовые ресурсы советской деревни в годы Великой Отечественной войны (По материалам центральных областей РСФСР) // Население и трудовые ресурсы советской деревни (1917-1984): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 2. Таллин, 1987.

⁵ История Советского крестьянства. Т.3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной Войны. М., 1987.

чения к труду в этих работах основное внимание уделено методам морального и материального стимулирования.

В контексте рассмотрения форм и методов привлечения к труду в период войны хочется отметить исследование А.Ф. Максименко,¹ предметом изучения которого стала мобилизация на строительство оборонительных рубежей на Украине и в Крыму в первый период войны. Это единственное специальное исследование конкретного мобилизационного мероприятия. Хотя цели работы не выходили за рамки общих целей для данного периода – раскрыть опыт организаторской деятельности КПСС и показать трудовой героизм трудящихся, – эту работу нужно выделить особо, как первую попытку сосредоточить внимание на конкретных мобилизационных мероприятиях правительства СССР в годы войны. В работе отсутствуют анализ юридической основы мобилизации, автором не четко раскрывается смысл понятия «мобилизация», преимущественно рассматривается идеологическая работа партии.

Следующая проблема – вопрос о подготовке рабочих кадров через школы ФЗО и РУ – начала активно разрабатываться в этот период. Ее разработка продолжается и сегодня. В работе Э.С. Котляра «Государственные трудовые резервы в годы Великой Отечественной войны», наряду с описанием процесса обучения молодых рабочих, речь идет и о некоторых трудностях при мобилизационном наборе учащихся. Следует, однако, сказать, что вопросу комплектования училищ и школ не уделено должного внимания.

Вопросы привлечения к труду в промышленности также рассматривались в работах третьего периода.² Особенно нам хотелось бы отметить статью Ю.Л. Дьякова,³ в которой приводится обстоятельный анализ источников пополнения состава рабочих-строителей в годы войны. Автор обращает внимание на правовые аспекты привлечения к труду, рассмат-

¹ Максименко А.Ф. Деятельность Коммунистической партии по мобилизации трудящихся Украины и Крыма на строительство оборонительных рубежей в первый период Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. М., 1983.

² Ивашкин С.С. Из истории помощи рабочего класса сельскому хозяйству в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975, №3; Ильин Г.В. Помощь трудящихся Московской области фронту во время битвы под Москвой // История СССР, 1981. №5.

³ Дьяков Ю.Л. Источники пополнения рабочих строителей в 1941-1945 гг. // Укрепление союза рабочих и крестьян в период социалистического строительства. Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1986.

ривает (хотя и кратко) некоторые указы и постановления правительства. Мобилизация оценивается в работе как «форма государственно-правового оформления и перераспределения рабочей силы в условиях военного времени, осуществлявшегося на основе специальных правительственных постановлений в целях оперативного решения конкретных задач общегосударственного значения». В работе нет полного анализа юридической базы мобилизации.

Третий период в развитии историографии трудовых отношений в годы войны ознаменовался выходом в свет академических обобщающих изданий по истории рабочего класса. Главными из них, безусловно, следует признать работы А.В. Митрофановой, Г.Г. Морехиной и Я.Э. Чадаева.² Прделав огромную работу, оперируя обширным фактическим материалом, авторы осветили почти все стороны военной экономики СССР, и в частности, мобилизации рабочей силы для народного хозяйства.

Отдельно здесь следует сказать о работах А.В. Митрофановой. В них дается достаточно полная характеристика всех форм мобилизации трудовых ресурсов, раскрывается смысл перевода системы трудового обеспечения на военный лад. Много внимания уделяется описанию источников пополнения рабочего класса, приводятся статистические данные. Ценность работ А.В. Митрофановой заключается в четкости методологических построений и принципов в изучении данной проблематики.

Помимо обобщающих трудов, следует отметить и работы регионального характера, которые во множестве появлялись на протяжении всего третьего периода. Обращение к истории края – еще одна характерная черта этого периода в развитии историографии. Основной смысл этих публикаций – показать трудовой героизм народа в условиях всеобщей мобилизации на конкретно-историческом материале.³ Развитие регио-

¹ Дьяков Ю.Л. Указ. соч. С.21.

² Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; История советского рабочего класса / Под ред. А.В. Митрофановой. Т.3. 1938-1945. М., 1984; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне (ноябрь 1942-1943 год) / Под ред. А.В. Митрофановой. Л., 1989; Морехина Г.Г. Великая битва за металл. М., 1974; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.

³ Беспятых И.Ф. Героический трудовой подвиг Советского народа в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Горьковского педагогического института. Вып. 67. Горький, 1968. С.93; Горьковская партийная организа-

нальной историографии в 1965-1990 годах отмечено значительными успехами в изучении народного хозяйства области в годы войны. Однако основное внимание историков края было сосредоточено на исследовании роли промышленности и рабочего класса в достижении победы. Такие вопросы, как привлечение к труду в сельском хозяйстве, трудовая дисциплина, остались недостаточно изученными.

Проблема дисциплины труда, по нашему мнению, также не получила достаточного освещения в работах третьего периода. Из имеющихся научных изданий по этой проблеме можно, пожалуй, отметить лишь две. Это работа А.А. Абрамовой¹ и коллективный труд «Рабочий класс и дисциплина труда в СССР» под редакцией П.Т. Тимофеева.² Если первая книга интересна для нас лишь с точки зрения определения понятия «дисциплина труда», то во второй присутствует отдельная глава, посвященная трудовой дисциплине на производстве в годы Великой Отечественной войны. При ее создании авторы использовали ленинскую методологию изучения роли рабочего класса в укреплении дисциплины труда. Ее сущность раскрывается в книге как «сознательное творение, прежде всего, рабочего класса и самих трудящихся масс» и в этом смысле авторы используют ленинское понятие «самодисциплина».³ Понимание

ция в годы Великой Отечественной войны. Горький, 1975; Ефимов В.И. Патриотический подъем трудящихся Горьковской области в ответ на нападение фашистских агрессоров // Социально-экономическое и культурное строительство в Горьковской области. Горький, 1977; Киселев В.П. Трудовой вклад горьковчан в годы Великой Отечественной войны // Политическая агитация. 1980, №8; Рубинчик Е.Э. Сормовские «Т-34» // Кузница Победы. М., 1980; Перчиков Ю.А. Советы депутатов трудящихся Горьковской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Учебное пособие. Горький, 1982; Его же. Организаторы оборонной работы. Советы – фронту // Политическая агитация. 1985, №4; Серебрянская Г.В. Трудовой подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны (На материалах областей и автономных республик Волго-Вятской зоны Центрального региона РСФСР): Автореф. дисс... канд.ист.наук. Горький, 1986; Ее же. Рабочий класс в процессе перевода промышленности на выпуск военной продукции в 1941-1942 гг. (По материалам Волго-Вятского региона) // Укрепление союза рабочих и крестьян в период социалистического строительства: Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1986.

¹ Абрамова А.А. Дисциплина труда в СССР. М., 1969

² Рабочий класс и дисциплина труда в СССР / Под ред. П.Т. Тимофеева. М., 1988.

³ Там же. С.9.

суги социалистической дисциплины труда как «подчинения» или «соблюдения правил» называется авторами «методологическим изъяном»,¹ который, по их мнению, принижает роль рабочего класса в борьбе за создание и укрепление дисциплины и порядка на производстве. Именно с этих позиций рассматривается дисциплина труда на производстве в годы войны. В работе совершенно справедливо замечено, что в числе причин снижения уровня дисциплины – «существенные изменения качественного состава рабочего класса, вызванные многочисленными мобилизациями на производство».²

В качестве методов борьбы за укрепление производственной дисциплины в работе называются идеологические методы, метод убеждения и воспитания трудящихся в духе сознательного отношения к своим обязанностям. Подчеркивается роль старых кадровых рабочих в укреплении трудовой дисциплины среди молодежи. Особо отмечается социалистическое соревнование как действенный фактор в борьбе за высокую дисциплину труда.³ Однако цели работы, идеологические рамки и некоторая узость методологической основы не позволили авторам уделить достаточно внимания таким важным вопросам, как выяснение роли репрессивных мероприятий в деле укрепления трудовой дисциплины. Слабо вскрыты причины ее нарушения (хотя магистральное направление определено верно – связь дисциплины труда с трудовой мобилизацией).

Дисциплине труда в колхозах неоднократно уделял внимание В.Т. Анисков. Признавая применение в годы войны правовых мер как «побудительного средства воздействия на общественный труд», он отмечает незначительный характер такого применения. В этом автор видит «один из замечательных парадоксов военного времени», главной форой борьбы за укрепление трудовой дисциплины В.Т. Анисков считает методы убеждения, которые, по его мнению, преобладали, «несмотря на всю строгость военного времени».⁴

Из кандидатских и докторских диссертаций в этот период было написано несколько работ, посвященных дисциплине труда. Все они рас-

¹ Рабочий класс и дисциплина труда в СССР / Под ред. П.Т. Тимофеева. М., 1988. С.10.

² Там же. С.96

³ Там же. С.110.

⁴ Анисков В.Т. Основные итоги организаторской деятельности партии в колхозной деревне в годы Великой Отечественной войны // Партия – организатор подвига советской деревни. Ярославль, 1984.

смаатривают проблему, основываясь на ленинском принципе и по хронологии лишь отчасти совпадают с темой данного исследования.¹

Характеризуя период в целом, следует отметить, что типичной особенностью для исследований стало отражение трудовой активности масс в контексте вопросов социалистического строительства и показ объективных трудностей военного времени.

В работах 80-х годов присутствует определенная тенденция в оценке причин увеличения производительности труда в годы войны. Идеологические ограничения не позволяли рассмотреть всей сути трудностей решения проблемы рабочих кадров. Историки этого периода основное внимание уделяли преимуществам социалистического строя, стимулировавшим, по их мнению, героический труд. Среди качественных недостатков работ этого периода следует назвать неполное раскрытие всех форм привлечения к труду в годы войны. Термин «трудовая повинность» замалчивается или не объясняется.

Мало внимания уделяется проблеме трудовой дисциплины. Это, на наш взгляд, не способствует формированию объективной оценки способов решения кадровой проблемы в 1941-1945 гг.

Происходящие в России с 1985 года реформы нашли отражение в исторической науке. Ликвидация жесткой государственной идеологии позволяет сегодня историкам делать более объективные, независимые выводы, использовать новые источники. В 1991 году был ликвидирован СССР и вместе с ним руководящая роль коммунистической партии. Поэтому в особый, четвертый период следует выделить историографию наших дней. Сегодня большое внимание уделяется историками характе-

¹ Федяшин В.П. Деятельность Башкирской партийной организации по укреплению социалистической дисциплины труда в промышленности в годы предвоенных пятилеток (1928-1941 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1982; Буянов Е.В. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по формированию социалистической трудовой дисциплины у рабочих совхозов (1929-1937 гг.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. Ковалева Л.А. Деятельность партийных организаций Урала по укреплению трудовой дисциплины на промышленных предприятиях в 1933-1941 гг. (На материалах партийных организаций Пермской, Свердловской и Челябинской областей). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1986; Аксенов В.А. Роль агитационно-пропагандистской работы в становлении новой дисциплины труда на промышленных предприятиях России (1921-1925 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1990.

ру мобилизационных мероприятий, методам их проведения и, в частности, трудовой повинности как основной форме принудительного труда, как в экономике СССР, так и других стран.¹

Впервые данные о количестве и формах привлечения к труду заключенных были приведены на заседании «круглого стола», материалы которого были опубликованы в «Военно-историческом журнале» в 1991 году.² В этой публикации анализируются некоторые аспекты правовой основы привлечения к труду (в частности, указ от 26 июня 1940 г.). Основное внимание сосредоточено на рассмотрении труда заключенных, которые являлись одним из источников пополнения рабочих кадров.

В 1992 году вышла книга «Скрытая правда войны: 1941 год – неизвестные страницы». Ее составитель – П.Н. Кнышевский – говорит в предисловии о некотором снижении уровня трудовой дисциплины в прифронтовых районах и связывает это с чрезвычайным характером власти и введением военного положения. Он пишет: «Однако принятие чрезвычайных мер для руководства жизнедеятельностью населения зачастую давало обратный эффект, особенно там, где уже слышались раскаты канонады».³ Эту мысль П.Н. Кнышевский развивает в своей публикации в журнале «Вопросы истории». Приводя здесь достаточно полный анализ трудового мобилизационного законодательства периода войны, он делает вывод: «Совокупность этих законов являла собой законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилиза-

¹ Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР 1929-1941 // Свободная мысль. 1992, №13; Лузгин В.П. Народное хозяйство Мордовской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1995; Каштанов О.А. Промышленность и рабочий класс Мордовии в период осуществления политики индустриализации страны (1926-1941). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Саранск, 1996; Ермаков А.М. Имперская трудовая повинность в национал-социалистической Германии (1933-1945). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1996; Цысь В.В. Всеобщая трудовая повинность на Урале в период военного коммунизма. (сер.1919-1921). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996; Чмырев В.А. Оборонительное строительство в СССР (30-е годы-1941 г.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 1997.

² ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола» // Военно-исторический журнал. 1991., №1.

³ Скрытая правда войны: 1941 год – неизвестные страницы Сост. П.Н. Кнышевский. М., 1992. С.112.

ции».¹ И хотя в заключении статьи говорится, что этот механизм «опирался на любовь к Родине и ненависть к врагу, на терпение народа, осознавшего необходимость военно-мобилизационных мер для достижения победы в войне», на наш взгляд, подобная оценка, наряду с преобладавшей в советский период, является крайностью.

В том же русле идут и рассуждения М.И. Вылцана, который в статье «Приказ и проповедь» приводит данные о необоснованном, по его мнению, привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в уклонении от мобилизации. По данным автора, такие дела составляли 30,9% от общего числа дел, переданных в суд за этот период.² Он объясняет это тем, что «командно-административная система действовала по принципу «лучше перегнуть, чем недогнуть».³ Трудовая мобилизация здесь представляется уже не следствием патриотического подъема, а результатом сугубо насильственных методов обеспечения промышленности рабочей силой.

Причины и источники трудового героизма в период войны продолжают оставаться предметом изучения в сегодняшней историографии. Наиболее сдержанными, взвешенными и объективными оценками, на наш взгляд, отличаются работы В.Т. Анискова,⁴ Н.Д. Козлова⁵ и В.Н. Данилова.⁶ Эти авторы видят в основе героического труда не преимущества социализма, а веру в существование этих преимуществ (Н.Д. Козлов), исконно российский и реально советский менталитет народа с его «славянски гордой и интернационально широкой душой» (В.Т. Анисков), безальтернативность общенациональной задачи борьбы с фашистской агрессией, в которой на карту ставилась судьба народа и государства (В.Н. Данилов).

¹ Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994, №2. С.54.

² Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1995, №3. С.72.

³ Там же.

⁴ Анисков В.Т. О бедной деревне замолвите слово... 1941-1945-199?. Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Вологда – Ярославль, 1996.

⁵ Козлов Н.Д. Великая Отечественная война: актуальные вопросы и ответы. СПб., 1995.

⁶ Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996.

В целом, в работах последнего периода аспекты проблемы привлечения к труду рассматриваются сквозь призму критической оценки деятельности Коммунистической партии по руководству страной и экономикой, а также с целью выяснить все причины и предпосылки самоотверженного труда в годы войны.

Характеризуя рассмотренную выше литературу, мы считаем возможным признать, что в работах, затрагивающих вопросы привлечения к труду, слабо освещен механизм деятельности мобилизационной системы, что связано с ограниченностью источниковой базы. Отсутствует полноценный анализ правового обеспечения привлечения к труду. Не четко и односторонне определен характер трудовой дисциплины. Не полностью выявлены причины ее нарушений. Именно поэтому можно сказать, что роль государства в решении общенациональных задач, связанных с организацией труда и преодолением кризиса выяснена не до конца.

Поэтому цель данного исследования заключается в том, чтобы проанализировать механизм функционирования государственного аппарата в чрезвычайных условиях на примере организации труда и борьбы за трудовую дисциплину.

Достижению этой цели соответствуют следующие задачи, поставленные в работе:

- проанализировать динамику развития трудового мобилизационного законодательства и изучить правовую основу привлечения к административной и уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины;
- описать процесс реализации на практике трудового и уголовного законодательства;
- определить источники, формы и методы привлечения к труду;
- дать оценку роли и места мобилизационных принципов в системе организации труда в годы Великой Отечественной войны;
- выяснить связь между мобилизационными принципами привлечения к труду и уровнем трудовой дисциплины;
- рассмотреть причины нарушений трудовой дисциплины;
- изучить методы и результаты борьбы за укрепление трудовой дисциплины.

Источниковую базу составляют, прежде всего, архивные материалы, опубликованные документы и периодическая печать. Первую группу источников составляют *нормативные акты и акты исполнительных*

органов советского государства. Законы, в которых выражается воля государства и его политический курс, являются одним из главных источников для изучения деятельности государственных органов. С этой целью рассматривается законодательная база привлечения к труду и борьбы за трудовую дисциплину: Конституция СССР, Уголовный кодекс, Кодекс законов о труде, Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления СНК СССР, решения Государственного и Горьковского городского Комитетов Обороны, декреты ВЦИК и др.

Документы исполнительных органов показывают, какими методами и средствами претворялась в жизнь политическая линия, сформулированная в законодательных актах. Среди них следует назвать решения Горьковского городского и районных исполнительных комитетов.

Наиболее объемной из исполнительных актов является *делопроизводственная документация государственных учреждений и общественных организаций*. Сюда относятся: организационная (положения, уставы, нормативы), а также распорядительная документация (приказы, инструкции, протоколы, стенограммы, текущая переписка предприятий и руководящих структур). Источники этой группы, как правило, обеспечивают наиболее высокую степень надежности и обоснованности исторических знаний, так как несут объективно-функциональный характер. Среди этих источников нам хотелось бы отметить *материалы Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР*. Долгое время они были недоступны исследователям, которым оставалось довольствоваться лишь упоминаниями о деятельности комитета в других документах (в частности, в постановлениях СНК). В 1993 году эти документы, хранящиеся в фонде №9517 Государственного архива Российской Федерации, были рассекречены. Фонд состоит из 46 дел, которые содержат исчерпывающую информацию о работе комитета, его отделов и бюро на местах. Наибольший интерес для исследователей, безусловно, представляют приказы, инструкции комитета, отчеты и статистические материалы. Использование документов Комитета позволяет увеличить количество информации о деятельности государственных органов по привлечению населения к труду в годы войны и качественно повысить уровень исторических знаний.

Кроме этого, особый интерес представляют недавно рассекреченные материалы областной прокуратуры (ГАНО, ф.5980): отчеты прокурора области в Прокуратуру СССР и в обком партии о ходе мобилизации и состоянии трудовой дисциплины в г. Горьком и Горьковской области.

Все эти документы имели гриф «секретно» и с большой степенью объективности отражают сложную ситуацию с мобилизацией трудовых ресурсов, сложившуюся в годы войны. Сегодня они представляют большую ценность для исследователей.

Ко второй группе источников можно отнести *документы ВКП(б)*. Поскольку в большинстве случаев эти документы разрабатывались специальными комиссиями и отделами, уже в процессе их создания осуществлялся анализ достоверности сведений и оценок, которые они содержали. Так, материалы Комиссии партийного контроля при Горьковском обкоме ВКП(б) достаточно объективно отражают состояние трудовой дисциплины и ход выполнения указов правительства. Во многом это обусловлено тем, что готовились они для «служебного пользования» и до последнего времени были засекречены. Кроме этого также используются материалы пленумов обкома ВКП(б), справки инструкторов и др.

Статистические материалы Главного и областного Управлений трудовых резервов, областной Прокуратуры и Комитета по учету и распределению рабочей силы, ЦСУ СССР позволяют судить о количестве граждан, привлекавшихся к труду.

Материалы *периодической печати* несут противоречивый характер. С одной стороны, ее изучение дает возможность определить настроения людей, отношение государства к вопросам мобилизации и трудовой дисциплины, уточнить суть некоторых понятий. С другой – периодическая печать Советского государства страдает тенденциозностью в подаче материала. Это было обусловлено агитационной направленностью большинства публикаций. В периодической печати периода войны несколько приукрашивается процесс привлечения к труду и состояние трудовой дисциплины. Практически не упоминается термин «трудовая повинность». Поэтому периодическая печать используется, в основном, для характеристики идеологической работы по привлечению к труду и определения смысла понятия «трудовая дисциплина».

Глава I

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Все мобилизационные мероприятия в определенной степени опираются на элементы принуждения, будь то военная мобилизация или мобилизация на производство. Как правило, мобилизации носят чрезвычайный характер и применяются лишь в случае крайней необходимости. В годы Великой Отечественной войны применение элементов принуждения при организации труда было не только оправдано чрезвычайными обстоятельствами, но и необходимо для обеспечения эффективного функционирования народного хозяйства в условиях острого дефицита рабочей силы.

Для того чтобы иметь более полное представление о характере мобилизационных мероприятий периода войны, методах борьбы за трудовую дисциплину, безусловно, нужно провести краткий анализ важнейших законодательных и административно-правовых актов Советского государства, которые действовали в указанный период. Предметом анализа являются: Основной Закон СССР – Конституция 1936 года, Кодекс законов о труде (КЗоТ), Уголовный кодекс РСФСР, указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения Советского правительства (СНК СССР), приказы и инструкции наркоматов СССР, распоряжения Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР.

Задачами анализа будут: определение сущности трудовой дисциплины (как она понималась в исследуемый период), форм нарушений трудовой дисциплины (состав преступления), а также характеристика динамики развития мер наказания за подобные преступления.

Поскольку значительная часть действовавших в период войны законодательных актов о труде относится к 20 – 30 годам, представляется вполне логичным именно с них начать анализ.

Кроме этого, в данной главе делается попытка описания структуры государственных, партийных и советских органов (которые принимали

и реализовывали на практике мобилизационное законодательство) и механизма их деятельности.

Основы трудового мобилизационного законодательства были заложены еще в первом советском Кодексе законов о труде 1918 года. Для всех граждан от 16 до 50 лет была установлена трудовая повинность. 15 ноября 1922 года постановлением 4 сессии ВЦИК 9-го созыва был введен в действие новый КЗоТ. Его действие распространялось на всех лиц, работавших по найму и было обязательно для всех предприятий, учреждений и хозяйств. Глава 3 Кодекса «О порядке привлечения к трудовой повинности граждан РСФСР» устанавливала, что все граждане РСФСР могут привлекаться к трудовой повинности с целью борьбы со стихийными бедствиями, или для выполнения важнейших государственных заданий. Освобождались от привлечения к трудовой повинности лица моложе 18 лет, а также мужчины старше 45 и женщины старше 40 лет, кроме них – лица, временно утратившие трудоспособность, и женщины, воспитывавшие грудных детей.¹

Основой 3 главы КЗоТ явился декрет ВЦИК от 21 сентября 1922 года «О привлечении населения к трудовой и гужевой повинности».² В развитие этих декретов, 18 июля 1927 года было принято совместное постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о привлечении населения к трудовой и транспортной повинности». Согласно этому положению, работы, проведенные в порядке трудовой повинности, подлежали обязательной оплате тем органом, для которого они производились и которым осуществлялось руководство этими работами. В случае, если в ликвидации стихийных бедствий были непосредственно заинтересованы все те граждане, которые привлекались к работам, оплаты работ не производилось.³ Организация и проведение мобилизационных мероприятий возлагались на исполкомы областных, краевых и уездных Советов.

Постановление 18 июля 1927 года не распространялось на местности, объявленные на военном положении. В положении не указывался

¹ Кодекс законов о труде. Юридическое издательство НКО СССР. М., 1938. С.12

² Забелин А.В., Левин М.Н., Эмдин Я.Р. Регулирование вопросов труда в промышленности. Практическое руководство по применению трудового законодательства. М.-Л., 1925. С.67.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отдел 1. 1927 г., 24 августа. №73. С.879.

конкретный срок, в течение которого население могло привлекаться к работам. В соответствии с инструкцией народного комиссара труда РСФСР от 5 февраля 1931 года, трудгужповинность для нужд военного времени должна была определяться специальными законами и постановлениями.¹

5 декабря 1936 года Восьмым Чрезвычайным съездом Советов Союза ССР была принята новая конституция, согласно которой установление основ законодательства о труде находилось в компетенции высших органов власти и государственного управления (Ст.14).²

Помимо законов о труде, указов Президиума Верховного Совета СССР, источниками советского трудового права, согласно конституции, являлись приказы и инструкции наркоматов СССР, решения и распоряжения местных Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов. Конституция определяла труд как обязанность и дело чести каждого гражданина (Ст.12). Соблюдение дисциплины труда ставилось в один ряд с соблюдением самой конституции и исполнением законов (Ст.130). Такой жесткий характер Основного Закона в определении трудовых отношений можно объяснить необходимостью осуществления «форсированного рывка», а также беспокойной международной обстановкой.

Еще в 1934 году И.В. Сталин, выступая на 17 съезде партии, сказал: «Дело явным образом идет к новой войне».³ Безусловно, в этих условиях, вопросы трудовой мобилизации и дисциплины приобретали решающее значение. От мобильности трудовых ресурсов и дисциплины трудящихся зависело четкое и слаженное функционирование зарождавшегося военно-промышленного комплекса. В этом отношении трудовое законодательство отражало политику партии и правительства в конкретный момент.⁴

Исключительное политическое значение в этом плане имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о

¹ См.: Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов Б. Суд и прокуратура на охране производства и труда. Ч.1. М., 1932. С.314.

² Конституция СССР 1936 года // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерки истории Советской Конституции. М., 1987. С.239.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1937. С.544.

⁴ Каринский С.С. Основы законодательства о труде рабочих и служащих промышленных предприятий. М., 1940, С.7.

запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».¹ В обращении ВЦСПС в тот же день говорилось: «...Возросла военная опасность для нашей страны, международная обстановка стала чревата неожиданностями... Для дальнейшего укрепления мощи своей Родины рабочий класс СССР должен пойти на необходимые жертвы. ВЦСПС считает, что нынешний 7-6-часовой рабочий день на наших предприятиях и в учреждениях в настоящее время недостаточен для выполнения задач, стоящих перед советской страной».²

Указ 26 июня 1940 года увеличивал продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях до 8 часов и вводил семидневную рабочую неделю. В соответствии с указом, запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и из учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения на другое, за исключением переходов по болезни или по причине поступления в ВУЗ. Руководители были обязаны бороться с самовольными уходами и несли ответственность за укрывательство нарушителей.

В качестве примера применения Указа от 26 июня на практике, можно привести письмо бойца пожарной охраны одного из лесозаводов Горьковской области И.В. Гвоздева в правление Горьктранслеса от 21 июня 1941 года. Гвоздев хотел уволиться с завода и уехать к семье в Вологодскую область. Директор лесозавода в просьбе отказал. Гвоздев писал: «...Я не думаю, что по такому простому вопросу надо беспокоить товарища Сталина. Полагаю, что директор лесозавода должен уметь смотреть несколько дальше экономики... Я слышал, что по закону от 26 июня 1940 г. увольнения с работы это исключительное право директора. Я даже не думаю, что правление треста может отменить резолюцию директора, и все же обращаюсь к вам с просьбой помочь мне уйти в колхоз вместе с семьей и не заставлять меня делать работу, ставшую для меня чужой. Посоветуйте директору уволить меня с работы на лесозаводе». На письме имеется резолюция от 25 июня 1941 года: «Ответ об отказе дан открыткой».³ Таковы были реалии процесса подготовки страны к войне.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. № 20, 1940 г., 5 июля. С.1.

² Правда. 1940 г., 27 июня. С.1.

³ ГАНО, ф.2969, о.1, д.8, л.263.

Как видим, трудовое принуждение имело место еще до ее начала. Указ 26 июня 1940 года явился определяющим нормативным актом в процессе закрепления рабочих за предприятиями. В сочетании с Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане накопления государственных резервов и мобилизационных запасов на 1940 год», которое было принято в августе 1940 года, этот документ отражает степень готовности советского тыла к войне. Именно в ходе войны, как отмечают Г.А. Деборин и Б.С. Тельпуховский, сказалась «прозорливость довоенной политики партии, которая обеспечила создание мощной индустрии, утвердила экономическую независимость нашей страны, укрепила обороноспособность государства». ¹ Указ 26 июня 1940 подготовил почву для объявления всеобщей трудовой мобилизации рабочих промышленных предприятий в 1941 году.

Мобилизационный принцип привлечения к труду стал использоваться правительством также при подготовке новых квалифицированных кадров. 2 октября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О государственных трудовых резервах». ² Указ предоставил право СНК СССР ежегодно призывать от 800 тыс. до одного миллиона человек городской и сельской молодежи в возрасте 14-15 лет для обучения в ремесленных училищах (РУ), железнодорожных училищах (ЖДУ) и в возрасте 16-17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения (ФЗО). ³

Новая система комплектования в порядке государственного призыва предусматривала, согласно указу от 2 октября, выделение председателями колхозов по 2 человека мужского пола на каждые 100 членов колхозов, считая мужчин и женщин, для обучения в школах и училищах. Все окончившие училища и школы по указу считались мобилизованными и были обязаны проработать 4 года подряд на одном из государственных предприятий. ⁴ В тот же день, пользуясь предоставленным правом, СНК СССР принял Постановление «О призыве городской и сельской молодежи в РУ, ЖДУ и школы ФЗО». ⁵ Для проведения призыва в городах и

¹ Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1995. С.226. См. также: Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне / Под. Ред. С.К. Куроткина. М., 1977. С.17.

² Ведомости Верховного Совета СССР. №7. 1940 г., 9 октября. С.1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

райцентрах должны были создаваться комиссии в составе представителя городского или районного исполкома Совета, представителя профорганизации и секретаря комитета ВЛКСМ. Для руководства подготовкой и распределением рабочей молодежи 2 октября 1940 года постановлением СНК было образовано Главное управление трудовых резервов (ГУТР) и его отделы на местах. ¹ Согласно Положению, утвержденному СНК 1 апреля 1941 года, ГУТР руководило комплектованием РУ, ЖДУ и школ ФЗО. ²

Система государственных трудовых резервов, созданная в предвоенные годы, сыграла важную роль в своевременной подготовке квалифицированных рабочих кадров для промышленности и транспорта. ³ Существует точка зрения, что совокупность этих указов, а также ряд судебно-правовых постановлений, о которых речь будет идти во второй главе, «...являла собой законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации». ⁴ Оставляя за автором прерогативу трактовки термина «казарменная экономика», хотелось бы отметить, что именно такая жесткая структура мобилизационного законодательства позволила в кратчайший срок подчинить работу промышленности нуждам фронта.

Правовые основы мобилизационного привлечения к труду, заложенные в 1918-30-е годы были развиты и применены в первые дни войны. 22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О военном положении». В местностях, объявленных на военном положении, военным властям (Военным советам фронтов, армий и военных округов, а там, где не было военных округов, – высшему командованию войсковых соединений) было предоставлено право привлекать граждан к трудовой повинности. В соответствии с действовавшими законами и постановлениями правительства, рабочая сила привлекалась для выполнения оборонительных работ, охраны путей сообщения, средств связи и других важнейших объектов, а также для борьбы со стихийными бедст-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. №7. 1940 г., 9 октября. С.1

² Государственные трудовые резервы: Сборник официальных и руководящих материалов. М., 1945. С.7.

³ Белоус В.И. Трудовые резервы в Горьковской области в годы Великой Отечественной войны // Записки краеведов. Горький., 1985. С.23.

⁴ Кнышевский П.Н. ГКО: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994, №2. С.54.

виями (ст.ст. 2-3).¹ Следует отметить, что по сравнению с предвоенным законодательством в указе особое внимание уделялось выполнению задач оборонительного характера.

В отношении рабочих кадров, которые на момент начала войны уже были заняты на производстве, стал применяться Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли было предоставлено право устанавливать, с разрешения СНК СССР, обязательные сверхурочные работы для рабочих и служащих. Продолжительность сверхурочных работ определялась от 1-го до 3-х часов (Ст.1). Оплата работ производилась в полуторном размере (Ст.4). Освобождались от сверхурочных работ беременные женщины и женщины, имевшие грудных детей в возрасте до 6 месяцев (Ст.3). Лица, не достигшие 16 лет, могли быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2-х часов в день (Ст.2).²

С образованием 30 июня 1941 года Государственного Комитета Обороны начала складываться система военно-стратегического руководства страны. Конституция СССР продолжала оставаться юридической базой всего законодательства. Нормы конституции, прямо касавшиеся обороны страны, – состояния войны, общей и частичной мобилизации, – приобрели особое значение.³ В Постановлении Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об образовании Государственного Комитета Обороны» говорилось о беспрекословной обязанности всех граждан, партийных, советских, комсомольских и военных органов выполнять решения и распоряжения ГКО.⁴ Председатель ГКО И.В. Сталин в обращении 3 июля 1941 года говорил: «...Необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. №29. 1941 г., 26 июня. С.1.

² Ведомости Верховного Совета СССР. №30. 1941 г., 2 июля. С.1.

³ История Советского государства и права / Под. ред. С.К. Косицына. Кн. 3: Советское государство и право накануне и в годы ВОВ. М., 1995. С.293. См. также: Морехина Г.Г. Партийное строительство в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. М., 1986. С.28.

⁴ Правда. 1941 г., 14 июля. С.1.

образом изменила положение...Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили свою работу на новый, военный лад, не знаящий пощады врагу».¹ Эта установка была определяющей в деятельности ГКО и его органов.

Однако помимо призыва к советским гражданам самостоятельно объявлять себя мобилизованными, руководство СССР прибегало также к юридическим методам мобилизации. С целью обеспечения эвакуированных предприятий военной промышленности постоянными кадрами рабочей силы, Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 года издал указ «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий».² Целью указа было «безусловное» закрепление рабочих и служащих за заводами, на которых они работали. Все эти рабочие объявлялись мобилизованными на весь период войны. 15 октября 1941 года СНК СССР своим постановлением предоставил на время войны народным комиссарам СССР и Совнаркомам союзных республик право продления трудовых договоров, заключенных предприятиями с колхозниками и единоличниками в порядке организованного набора рабочей силы. Интересно, что максимальный срок, на который предполагалось продлить действие договоров, был определен в один год.³

Тяжелая обстановка на фронте диктовала условия, в которых приходилось работать в тылу. К ноябрю 1941 года была оккупирована территория СССР, на которую до войны приходилось около 2/3 добычи угля, более 2/3 выплавки чугуна, 58% выплавки стали, 60% производства алюминия.⁴ На оккупированной врагом территории проживало 88 миллионов человек, или 45% от количества народонаселения СССР.⁵ Средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась с 31,8 миллиона человек в первом полугодии 1941 года до 22,8 во

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне советского народа. М.: ОГИЗ, 1947.

² Известия. 1941. 27 декабря. С.2.

³ Собрание распоряжений и постановлений правительства СССР. №18. 1941. 15 октября. С.553.

⁴ Локшин Э.Ю. Промышленность СССР. 1940 – 1963. М., 1964. С.49.

⁵ Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны., М.1971. С.65.

втором полугодии и до 18,4 миллиона к началу 1942 года.¹ В этих тяжелых условиях требовалось, чтобы все трудоспособное население страны без исключения участвовало в производственной деятельности.

С целью привлечения новых трудовых ресурсов 13 февраля 1942 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».² Президиум ВС признавал необходимым объявить мобилизацию трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на предприятиях авиационной и танковой промышленности, на производстве вооружений и боеприпасов (Ст.1). Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа не работающих в государственных учреждениях и предприятиях (Ст.2). Освобождались от мобилизации юноши и девушки, призванные в школы ФЗО и РУ, женщины, имевшие детей в возрасте до 8 лет (при отсутствии родственников, обеспечивавших уход за ними) и учащиеся ВУЗов (Ст.3). 19 сентября 1942 года предельный возраст женщин, подлежавших мобилизации, был повышен до 50 лет.³

7 августа 1943 года указ Президиума Верховного Совета внес изменения в пункт «б» статьи 3 указа от 13 февраля 1942 года: от мобилизации освобождались женщины, имевшие детей в возрасте до 4-х лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивавших уход за ними и при условии предоставления им мест в яслях и детских садах.

Проблема снабжения армии и страны продовольствием требовала привлечения рабочих рук в сельское хозяйство. Критическое состояние дел в колхозах усугублялось снижением численности трудоспособного населения с 35,5 миллионов человек в 1940 году до 16,6 миллионов к началу 1943 года. Для оказания помощи колхозам и совхозам в весенне-полевых работах 13 апреля 1942 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили разрешить Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам Советов объявить мобилизацию.⁴ Для практического проведения мобилизации при исполкомах областных Советов создавались отделы мобилизации, а в райисполкомах вводилась

¹ Тыл Советских вооруженных сил в годы ВОВ. 1941-1945 / Под ред. С.К. Куроткина. М., 1977. С.99.

² Известия. 1942 г., 14 февраля. С.1.

³ Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны. М., 1944.

⁴ Известия. 1942 г., 17 апреля. С.1.

должность заведующего мобилизацией. Мобилизации подлежали те же категории лиц, что и в указе от 13 февраля 1942 года, а также учащиеся 6 – 10 классов сельских школ, студенты техникумов и вузов, за исключением старшекурсников. Сроки мобилизации устанавливались в соответствии с заявками правлений колхозов, директоров совхозов и МТС. Оплата труда мобилизованных должна была производиться по существовавшим нормам и расценкам на общих основаниях с местными работниками. За служащими, мобилизованными на работы, сохранялась зарплата по месту их постоянного трудоустройства в размере 50%, а за студентами – их стипендии. Все бытовое обслуживание работников обеспечивалось колхозами и совхозами.

Поскольку в указе оговариваются определенные сроки мобилизации, то мы можем говорить о близости характера привлечения населения на сельскохозяйственные работы к трудовой повинности.

Для того чтобы активизировать использование внутренних ресурсов деревни, в тот же день (13 апреля 1942 г.) было принято еще одно постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) – «О повышении для колхозников минимума трудодней». В преамбуле документа говорилось о необходимости своевременного проведения в колхозах сельскохозяйственных работ и обеспечения страны и армии достаточным количеством продовольствия. Последнее, как отмечалось в документе, «особенно важно в обстановке борьбы с немецкими захватчиками».¹ Постановление отменяло минимум трудодней, установленный в 1939 году и вводило новые нормы. Обязательным теперь считался минимум 150 трудодней в году в хлопковых районах и 100 трудодней в нечерноземной полосе, в том числе и в Горьковской области. СНК СССР предложил колхозам считать трудоспособных колхозников, не выработавших минимума трудодней, выбывшими из колхоза и лишать их приусадебного участка. «Выполнение каждым колхозником минимума трудодней – его гражданский долг, мера его участия в помощи фронту. Колхоз – это фабрика хлеба, и дисциплина в нем во время войны должна быть железной» – говорилось в передовой «Известий» в 1943 году.² Этот указ позволял увеличить количество часов, отработанных колхозниками на сельскохозяйственных работах. В условиях войны крестьянам приходилось жертвовать своими личными интересами ради достижения победы.

¹ Известия. 1942 г., 17 апреля. С.1.

² Известия. 1943 г., 13 июля. С.1.

Военная мобилизация, мобилизация в промышленность, школы ФЗО, РУ и в сельское хозяйство сократили возможность свободного перераспределения рабочей силы для выполнения работ оборонительного и сезонного характера (сооружение оборонительных рубежей, заготовка дров и торфа, постройка военных объектов и др.). Указом «О военном положении» от 22 июня 1941 года военным властям разрешалось привлекать население к работам для этих целей в порядке трудовой повинности (см. выше). Но в указе не был четко определен порядок мобилизации.

Учитывая сложность создавшейся обстановки, 10 августа 1942 года СНК СССР, в соответствии со статьей 3 Указа «О военном положении», принял Постановление «О порядке привлечения к трудовой повинности в военное время».¹ Помимо случаев, предусмотренных в постановлении ВЦИК и СНК СССР от 18 июля 1927 года, трудовая повинность объявлялась для выполнения оборонных работ, заготовок топлива, специальных строительных работ, охраны путей сообщения, средств связи, других важнейших объектов. К трудовой повинности, согласно постановлению, привлекались трудоспособные граждане мужского и женского пола в возрасте от 16 до 55 лет сроком до двух месяцев, с отрывом от производства. Оплата труда должна была производиться по существовавшим расценкам работ. Заработная плата по месту работы могла сохраняться по решению Совнаркома в каждом отдельном случае, но не свыше 50% от ставки. При мобилизации на оборонные работы зарплата по месту постоянной работы не сохранялась (ст. 5 прим.). В случае инвалидности, пострадавшим выплачивалась государственная пенсия (Ст.10). Привлечение к трудовой повинности не освобождало от призыва в Красную Армию.

Характеризуя данные мероприятия правительства, следует отметить, что отличительными особенностями привлечения населения к трудовой повинности (по сравнению со всеобщей мобилизацией) являются четко определяемые сроки привлечения, а также чрезвычайный (а не обычный плановый) характер выполняемых работ. В целом, постановление СНК от 10 августа 1942 года явилось одним из основных звеньев в последовательной цепи законодательных актов, направленных на максимальное использование трудовых ресурсов страны в военное время. Практиче-

¹ См.: Сборник документов и материалов по вопросам труда в годы ВОВ. М., 1944. С.14.

ская реализация мобилизационного законодательства 1941-1942 годов позволила несколько снизить остроту проблемы обеспечения армии продовольствием и вооружениями. Привлечение к труду в военное время на основе мобилизационных принципов придавало работе тылового хозяйства четкость и эффективность.

В этом контексте совсем не голословным представляется утверждение И.В. Сталина. Выступая 6 ноября 1942 года, он сказал: «Нужно признать, что наша армия никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла».¹

В целях максимально возможного привлечения неиспользованных трудовых ресурсов 7 октября 1942 года ГКО издал Постановление №2883сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». Ранее аналогичные постановления принимались ГКО 10 января (№1123сс) и 14 февраля (№1281сс) 1942 года. Согласно этим постановлениям, все немцы мужчины в возрасте 15-16 лет и 51-55 лет включительно, годные к физическому труду, как переселенные из центральных областей СССР и республики немцев Поволжья в пределы Казахской ССР и восточных областей РСФСР, так и проживавшие в других областях, краях и республиках СССР, мобилизовались в рабочие колонны на все время войны. Вместе с ними объявлялись мобилизованными все женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет включительно, кроме беременных и имевших детей в возрасте до 3-х лет. Проведение мобилизации возлагалось на НКО и НКВД СССР с привлечением местных органов власти.²

Успехи в тылу заложили основу военных побед. События конца 1942 – первой половины 1943 годов, означавшие коренной перелом в войне, напрямую связаны с мобилизационной деятельностью Советского правительства и с трудовым героизмом народа. Победы на фронте оказали определенное влияние на развитие мобилизационного законодательства. К ноябрю 1943 года советские войска освободили почти 2/3 временно оккупированной территории СССР. В этих условиях особое значение приобретала работа транспорта. Бесперебойное снабжение перевозок вооружений, продовольствия, боеприпасов на фронт, транспортировка оборудования эвакуированных предприятий приобретали стратеги-

¹ Сборник документов и материалов по вопросам труда в годы ВОВ. М., 1944. С.3.

² РЦХИДНИ, ф.644, оп.1, д.61, л.138.

ческий характер. В целях точного и своевременного выполнения железнодорожным транспортом заданий правительства Президиум Верховного Совета СССР 15 апреля 1943 года издал Указ «О введении военного положения на всех железных дорогах».¹ Все железные дороги, находившиеся под контролем советского правительства, были объявлены на военном положении. Все рабочие и служащие ж/д транспорта на период войны объявлялись мобилизованными и закрепленными для работы на своих участках (Ст.1-2). За несоблюдение указа нарушители могли быть направлены в штрафные роты на фронт (Ст.5). Таким образом, юридическое положение работников железнодорожного транспорта фактически приравнивалось к положению солдат Красной армии. Указ 15 апреля 1943 года практически завершил формирование мобилизационного законодательства периода Великой Отечественной войны. В дальнейшем, на этой законодательной основе правительством принимались конкретные постановления о мобилизации рабочей силы и привлечении населения к трудовой повинности по представлениям Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР.

Мобилизационный принцип привлечения к труду в общих чертах характеризуется тем, что вся работа тыла планировалась и проводилась на тех же принципах, что и военные действия на фронте. Призыв в вооруженные силы обязывал бойца беспрекословно выполнять приказы военачальников. Мобилизованный рабочий или привлеченный к трудовой повинности гражданин подчинялся правилам внутреннего распорядка предприятий, обязан был соблюдать режим и дисциплину, строго следить за точным выполнением производственных норм. Реализация мобилизационного законодательства привела к тому, что практически все трудоспособное население СССР в возрасте от 14 до 55 лет было охвачено мобилизационными мероприятиями. Это одна из характерных черт превращения страны в единый военный лагерь.

Подводя итоги вышеизложенного, на наш взгляд, есть смысл говорить о трех периодах формирования мобилизационного законодательства, применявшегося в годы Великой Отечественной войны.

Начало первого периода относится к первым годам Советской власти, когда были заложены основы советского трудового законодательства, принят Кодекс законов о труде. Целью законодательства этого пе-

¹ Сборник документов и материалов по вопросам труда в годы ВОВ. М., 1944. С.59.

риода было, в основном, восстановление народного хозяйства после гражданской войны. Трудовая мобилизация носила ярко выраженный классовый характер. Особое внимание уделялось привлечению к труду бывших эксплуататоров. В связи с начавшейся индустриализацией и обострением международной обстановки, вопросы трудовой мобилизации приобрели приоритетный характер для обеспечения промышленности рабочей силой. Этот факт нашел отражение в конституции 1936 года.

Первостепенное значение в мобилизационном законодательстве предвоенного периода придавалось привлечению рабочей силы, прежде всего в промышленность, и закреплению рабочих за промышленными предприятиями. Создавалась юридическая база для обеспечения системы трудовых резервов контингентом учащихся.

Второй период начинается с издания Указа «О военном положении» 22 июня 1941 года и включает в себя весь 1942 и первый квартал 1943 года. Этот период характеризуется активным применением на практике уже действовавшего законодательства и его развитием в условиях военного времени. Суровые условия перевода экономики на военные рельсы определили жесткий характер мобилизационного законодательства.

Мобилизационный принцип организации труда в этот период распространяется на сельское хозяйство. Указ 15 апреля 1943 года можно считать завершением второго периода формирования мобилизационного законодательства военного времени. Динамика его развития указывает на существовавшую тенденцию расширения возрастных рамок для лиц, подлежащих мобилизации, и увеличения, таким образом, количества привлеченной рабочей силы. Цели мобилизации и привлечения к трудовой повинности после 22 июня 1941 года были обусловлены военной необходимостью и в большей степени, чем до войны были связаны с проведением работ оборонительного характера.

На наш взгляд, 1944-1945 годы можно считать третьим периодом в развитии мобилизационного законодательства. В 1944 году трудовая мобилизация становится обычным способом решения производственных задач. С другой стороны, она начинает терять чрезвычайный характер. В марте 1944 года на предприятиях было разрешено предоставлять подросткам моложе 16 лет гарантированный день отдыха один раз в неделю и очередной отпуск продолжительностью 12 рабочих дней.¹ Отпуска ра-

¹ ГАТАНО, ф. F550. оп.5, д.66, л.144.

бочим и служащим были восстановлены в связи с окончанием войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1945 года.¹

Этим периодам соответствует деятельность системы государственных и партийных органов власти, которые имели право объявлять и осуществлять мобилизацию. До 1941 года во главе этой системы стоял Президиум Верховного Совета СССР – орган, устанавливавший законодательство и разъяснявший общие принципы мобилизации. Совет Народных Комиссаров СССР объявлял сроки, масштабы мобилизации и определял порядок ее проведения. Партийные и профсоюзные органы (ЦК ВКП(б) и ВЦСПС) обеспечивали идеологическую базу подобным мероприятиям в виде постановлений и обращений, а также осуществляли партийный контроль за исполнением решений правительства. Районные и сельские Советы депутатов трудящихся непосредственно осуществляли мобилизацию на местах.

С началом войны во главе всей этой структуры встал Государственный Комитет Оборона (ГКО)², который, в частности, контролировал развитие и реализацию мобилизационного законодательства с помощью городских Комитетов Оборона, а иногда и сам издавал постановления о мобилизации. Задачи учета и распределения рабочей силы во время войны находились в компетенции Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР.³ Комитет был создан на основе постановления СНК СССР №1780 от 30 июня 1941 года и назывался Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР. Ему было предоставлено право давать распоряжения, обязательные для всех наркоматов и ведомств по распределению рабочей силы в военное время. Своим распоряжением от 29 июля 1941 года (№66) комитет по распределению рабочей силы предложил Главному управлению трудовых резервов (ГУТР) образовать в городских, областных, краевых, республиканских управлениях трудовых резервов группы по учету трудовых ресурсов за счет работников существовавшего аппарата управления.

На эти группы комитет возлагал следующие функции: учет по профессиям населения, прибывавшего в порядке эвакуации в области, края,

¹ Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., 1946. С.107.

² В официальных документах периода войны он часто именовался ГОКО.

³ Материалы Комитета хранятся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф.9517) и содержат 46 дел. Документы были рассекречены в 1993 году и практически не привлекались исследователями.

республики, а также освобождавшейся рабочей силы из отдельных предприятий, учреждений областей, краев и республик, проверку выполнения распоряжений и отдельных поручений комитета предприятиям и учреждениям на территории области, края, республики. Указанным группам поручалось проводить свою работу в тесном контакте с местными плановыми комиссиями, привлекая работников последних для помощи в выполнении поручений комитета. Руководство работой этих групп возлагалось на начальников соответствующих Управлений трудовых резервов.¹ Все данные о прибывавшем в области эвакуированном населении следовало еженедельно направлять в комитет.

5 ноября 1942 года СНК принял постановление «О Комитете по учету и распределению рабочей силы».² Согласно этому документу, комитет сменил название и получил дополнительные функции (учет рабочей силы). При исполкомах облсоветов на местах были образованы бюро по учету и распределению рабочей силы. Постановлением было установлено, что все поступающие в СНК СССР ходатайства наркоматов и других центральных учреждений СССР по вопросам обеспечения предприятий и строек рабочей силой предварительно рассматривались комитетом. Комитет должен был вести учет городского и сельского неработающего населения, разрабатывать планы мобилизации для работы в различных отраслях народного хозяйства на основе планов по труду и заявок наркоматов и представлять эти планы на утверждение СНК СССР. Комитет имел право привлекать население к трудовой повинности через исполкомы Советов депутатов трудящихся.

В целях установления повседневного контроля за выполнением постановлений правительства и распоряжений комитета о мобилизации трудоспособного неработающего населения для работы на производстве и строительстве, а также с целью оказания практической помощи в работе областным, краевым, республиканским и городским бюро по учету и распределению рабочей силы комитет 27 мая 1943 приказал прикрепить инспекторов отдела учета и мобилизации к местным бюро. Инспектора должны были иметь исчерпывающие данные по вопросам мобилизации по тем районам, к которым они были прикреплены, а также

¹ ГАРФ. Ф.9517, оп.1с, д.1, л.79.

² ГАТАНО, ф. P550, оп.5, д.48. л.280.

данные о наличии контингентов неработавшего населения и об экономике указанных районов.¹

До июня 1943 года работа комитета в общих чертах строилась по следующему принципу: Комитет, имея всю информацию о трудовых ресурсах определенного региона, сопоставлял ее с количеством заявок от наркоматов, предприятий, исполкомов облсоветов. Когда комитет считал возможным и необходимым удовлетворить заявку на выделение рабочей силы, готовился проект постановления СНК. Затем комитет запрашивал СНК о разрешении мобилизации и прилагал проект постановления. Как правило, СНК по представлению комитета издавал постановления, которыми объявлял мобилизацию в соответствии с существовавшими законами в определенную отрасль или на предприятие. Затем, в соответствии с этим постановлением, комитет издавал распоряжения местным исполкомам или директорам предприятий о привлечении определенного количества рабочей силы в порядке мобилизации.

В целях упорядочения контроля за исполнением решений обл(край)исполкомов по вопросам мобилизации приказом комитета от 19 июня 1943 года (№75) поступавшие в комитет решения этих органов направлялись старшему юрисконсульту комитета для проверки их соответствия действовавшему законодательству.²

При мобилизации городского неработавшего населения городские (районные) бюро по учету и распределению рабочей силы на основании имевшихся данных учета вызывали повестками граждан, подлежащих мобилизации, и, удостоверившись в том, что они могут быть мобилизованы, вручали им мобилизационные листки – направления на работу. Этот порядок был установлен специальной инструкцией, изданной Комитетом в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года.³

При мобилизации сельского населения райисполкомы через сельские Советы производили отбор мобилизованных и вручали им мобилизационные листки.

Подготовка мобилизационных списков мобилизуемых рабочих и призываемой в школы ФЗО и РУ молодежи, вручение им мобилизаци-

¹ ГАРФ, ф.9517, оп.1с, д.15, л.11.

² ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.15, л.13.

³ ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.23, л.11.

онных листков, обеспечение отправки их к пунктам сбора осуществлялись заведующими мобилизацией при райисполкомах.¹

С 10 января 1943 года к учету трудоспособного населения были привлечены органы ЦУНХУ Госплана СССР.²

Постановлением СНК СССР №665-201с от 17 июля 1943 года на Комитет было возложено проведение призыва в порядке мобилизации городской и сельской молодежи в РУ, ЖДУ и школы ФЗО.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года Комитет по учету и распределению рабочей силы и Главное управление трудовых резервов были преобразованы в Министерство трудовых резервов СССР.³

Таким образом, на основе рассмотренного материала можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, нужно сказать, что привлечение к труду в годы Великой Отечественной войны имело под собой твердую юридическую основу в виде указов и постановлений правительства и не противоречило Конституции СССР. Существовало несколько форм привлечения к труду. Это объявление всеобщей мобилизации и закрепление рабочих за предприятиями на весь период войны, мобилизационный призыв на производство и строительство неработавшего населения и молодежи в школы ФЗО, увеличение для колхозников минимума выработки трудодней, привлечение населения к трудовой повинности.

Мобилизационный принцип привлечения гражданского населения к труду во время войны в сочетании с четкой структурой чрезвычайных и ординарных органов власти СССР обеспечил продуктивную деятельность советской военной экономики. Мобилизационными мероприятиями было охвачено практически все трудоспособное население в возрасте от 16 до 55 лет. Жесткий контроль за распределением рабочей силы, прикрепление трудящихся к рабочим местам дополнили трудовой героизм народа дисциплиной и организованностью.

Негативной стороной привлечения населения к труду в порядке мобилизации или трудовой повинности было то, что в этом случае не учитывалось мнение каждого привлекаемого о его желании работать.

Мы уже говорили о том, что мобилизационный принцип привлечения к труду во время Великой Отечественной войны был, пожалуй,

¹ ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.23, л.11.

² ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.15, л.1.

³ ГАРФ, ф.9517, оп.1.

единственным эффективным методом обеспечения народного хозяйства трудовыми ресурсами. В такой ситуации особое значение приобретает состояние трудовой дисциплины. Борьба за укрепление трудовой дисциплины была важнейшей задачей государства. Решение этой задачи достигалось различными методами. Но самым эффективным следует признать метод применения репрессивных мер против нарушителей, который имел под собой прочную юридическую основу.

Трудовая дисциплина – необходимое условие достижения целей всякого общественного производства.¹ Поскольку производственный процесс является плодом совместной, а не индивидуальной деятельности, он объективно требует дисциплины. Подчинение производства определенному распорядку и единому руководству – основа успешного функционирования экономики. Трудовая дисциплина характеризуется тщательным, добросовестным выполнением каждым трудящимся принятых обязательств.²

В условиях войны весь производственный процесс был ориентирован на обеспечение военных заказов правительства. От четкой, слаженной работы всех отраслей народного хозяйства во многом зависело не только успешное развитие ситуации на фронте, но и безопасность государства. В связи с этим, вопросу укрепления трудовой дисциплины правительство уделяло повышенное внимание.

Помимо идеологических методов, основанных на восприятии большинством трудящихся идеи социалистических преобразований, существовали и методы юридического характера. Чрезвычайные обстоятельства военного времени обусловили введение на большей части страны военного положения. Это был особый правовой режим, предусматривавший расширение круга дел, подсудных военным трибуналам, применение чрезвычайных мер по охране государственной безопасности и укреплению обороноспособности.³

Основы административного и уголовного законодательства, относившегося к вопросам трудовой дисциплины, были заложены еще задолго до начала Великой Отечественной войны. Процесс формирования

¹ Абрамова А.А. Дисциплина труда в СССР. М., 1969. С.3

² Каринский С.С. Основы законодательства о труде рабочих и служащих промышленных предприятий. М., 1940. С. 119.

³ История Советского государства и права в трех книгах. Кн. 3., Советское государство и право накануне и в годы ВОВ / Под. ред. А.П. Косицина. М., 1995. С.215.

правовых норм, определявших наказание за нарушение трудовой дисциплины, шел параллельно с развитием мобилизационного законодательства. В 20-30-е годы проблема трудовой дисциплины обострялась классовым подходом к вопросам труда. В общественном сознании укоренилась мысль, что сразу достичь высокой социалистической дисциплины труда невозможно: с «пережитками капитализма» в сознании «отсталой части» трудящихся надо вести длительную борьбу.¹

Одним из наиболее грубых нарушений трудовой дисциплины являлось дезертирство. В середине 20-х – 30-х годов трудовое дезертирство определялось как уклонение от учета или регистрации, установленных органами, объявлявшими или проводившими мобилизацию, или от явки на работу (УК РСФСР 1925 года, ст. 126),² а также самовольное оставление работы, выполняемой в порядке трудовой мобилизации.³ Дезертирство как элемент состава статьи 126 УК было возможно в двух формах: 1) в форме бездействия или неисполнения предписываемых законом актов – уклонение от учета, 2) в форме действия – оставление работы. Самовольным оставлением работы считался всякий перерыв в работе, к которой лицо было приставлено распоряжением компетентных органов, без соответствующего разрешения.⁴ Подобные действия наказывались принудительными работами на срок не менее одной недели.

Трудовое дезертирство, сопряженное с ущербом для обороны страны, каралось по ст.79. ч.2 лишением свободы, или принудительными работами на срок не менее 6 месяцев или конфискацией всего или части имущества.⁵ 22 ноября 1926 года 2-й сессией ВЦИК была принята новая редакция Уголовного Кодекса РСФСР, который действовал и в годы войны.⁶ Уголовное законодательство РСФСР, согласно Кодексу, имело задачей охрану «социалистического государства рабочих и крестьян от общественно-опасных действий путем применения к лицам, их совершившим, указанных в настоящем Кодексе мер социальной защиты»

¹ Утевский Б.С. Преступления в области трудовых отношений М., 1945. С.5.

² Уголовный Кодекс РСФСР. Практический комментарий. М., 1925. С.174.

³ Забелин А.В., Левин М.Н., Эмдин Я.Р. Регулирование вопросов труда в промышленности. М.: Л., 1925. С.16.

⁴ Уголовный Кодекс РСФСР. Практический комментарий. М., 1925. С.175.

⁵ Забелин А.В., Левин М.Н., Эмдин Я.Р. Указ. соч. С.16.

⁶ Уголовный Кодекс РСФСР. М.: Издательство НКЮ Союза ССР. 1942.

(ст.1).¹ Отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (военно-автотранспортной, военно-конной, военно-повозочной и военно-судовой) определялись Кодексом как контрреволюционные, особо опасные, направленные против порядка управления СССР преступления.

Преступлениями против порядка управления признавались всякие действия, которые приводили к нарушению «правильной деятельности» органов управления или народного хозяйства и были сопряжены с сопротивлением органам власти и препятствованием их деятельности. Неповиновение законам или иные действия, вызывавшие ослабление силы и авторитета власти, также были отнесены к преступлениям против порядка управления (ст. 59(1)). Объектом посягательства при подобных преступлениях считалась «правильная деятельность советского государственного аппарата».² За отказ от выполнения государственных повинностей в военное время УК РСФСР определял наказание в виде лишения свободы на срок не менее 6 месяцев с увеличением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры наказания – расстрела (ст. 59(6)).

Отягчающими обстоятельствами, которые в каждом отдельном случае определял суд, могли являться массовость, стовор, а также действия, наносившие ущерб интересам государства (ст. 47). Статья 4 положения "О порядке привлечения населения к трудовой и транспортной повинности", принятого Постановлением ВЦИК и СНК СССР 18 июля 1927 года,³ определяла наказание за неявку лиц, привлеченных к повинности, к назначенному месту и времени по статье 61 УК РСФСР. В соответствии с последней, отказ от выполнения повинностей общегосударственного значения или производства работ, имевших общегосударственное значение, влек за собой штраф в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работ. Повторное преступление каралось лишением свободы или исправительно-трудовыми работами сроком до одного года. Те же действия, совершенные «кулацкими элементами» хотя бы и в первый раз или же другими лицами при отягчающих обстоятельствах (стовор группы лиц или оказание активного

¹ С мая 1934 года вместо термина «мера социальной защиты судебно-исполнительного характера» стал использоваться термин «наказание».

² Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. М., 1938. С.3.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отдел I. 1927 г., 24 августа. №73. С.879.

сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ), карались лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества. Таким образом, отказ от выполнения государственных повинностей, то есть нарушение трудовой дисциплины в общегосударственном масштабе, советским законодательством был отнесен к уголовным преступлениям.

17 декабря 1930 года постановлением Народного комиссариата труда для предприятий и учреждений государственного сектора были введены правила внутреннего распорядка и табели взысканий по нарушениям трудовой дисциплины. Постановление определяло трудовую дисциплину как тщательное и добросовестное выполнение работником всех обязательств, лежавших на нем как участнике социалистического строительства СССР и предусмотренных в коллективном трудовом договоре и правилах внутреннего распорядка.¹

Поддержание трудовой дисциплины и ответственность за принятие мер по борьбе с ее нарушениями возлагались на администрацию предприятия или учреждения. Этим усиливалось действие статьи 111 УК РСФСР, которая предусматривала ответственность за должностные преступления. Бездействие власти, невыполнение должностными лицами действий, которые они по обязанности своей службы должны были выполнять, в частности непринятие мер по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины, могло повлечь за собой ответственность в виде лишения свободы сроком до 3-х лет.² Вероятно, данное постановление, изданное наркоматом труда, применялось на практике непоследовательно и не привело к должному укреплению трудовой дисциплины. Через 8 лет СНК СССР совместно с ЦК ВКП(б) и ВЦИК вновь вынужден был обратиться к проблеме производственной дисциплины и фактам неисполнения руководителями своих обязанностей. 21 декабря 1938 года этими государственными органами было принято Постановление «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле».³ В преамбуле документа подчеркивалось, что трудящиеся Советского Союза работали не на капиталистов, а на

¹ Нахимсон Ф., Рогинский Г., Сахов Б. Суд и прокуратура на охране производства и труда. Ч.1. М., 1932. С.492.

² УК РСФСР. М., 1942. С.59.

³ Собрание Постановлений и распоряжений правительства СССР. №1. 1939 г. 7 января. С.1.

себя, на свое государство. Тем самым объяснялась правомерность действий правительства по укреплению дисциплины труда как соответствующих интересам большинства трудящихся.

Большинству противопоставлялись «отдельные несознательные, отсталые или недобросовестные люди – летуны, лодыри, прогульщики и рвачи»¹, которые, несмотря на свою относительную малочисленность, разлагали трудовую дисциплину и приносили большой ущерб промышленности, транспорту и всему народному хозяйству. Опоздания и прогулы, приводившие к потере каждым нарушителем 2-3 часов рабочего времени, оборачивались для государства, как об этом говорилось в документе, потерями ежегодно миллионов рабочих дней и миллиардов рублей. Этот факт, безусловно, не мог не вызвать озабоченности государства и попытки с его стороны решить проблему.

Содержание нарушений было определено как недобросовестная работа, прогулы, опоздания на работу, бесцельное хождение по предприятию в рабочее время, а также частые самовольные переходы из одних предприятий в другие. Люди, часто менявшие место работы – так называемые «летуны», – создавали текучесть кадров на предприятиях. Это, в свою очередь, отражалось на производственном процессе – предприятиям приходилось набирать новых рабочих, обучать их сложным техническим операциям. Все это снижало производительность труда. В документе ярко отражено отношение к «летунам».

С одной стороны, текучесть кадров не вписывалась в рамки стоявших перед промышленностью СССР целей увеличения объема производства. Трудно было добиться четкой и слаженной работы при отсутствии прочной кадровой основы. Поэтому уже в это время заметны тенденции к закреплению рабочих за предприятиями путем достаточно жестких решений.

С другой стороны, к нарушителям трудовой дисциплины, как они были определены в постановлении, часто на практике не применялось каких-либо мер воздействия. Напротив, вопросы о восстановлении на работе, о выплате пособий по временной нетрудоспособности и т.д. зачастую решались в их пользу. «Некоторые профсоюзные, хозяйственные, а также судебные органы проявляют недопустимое противонародное попустительство к нарушителям трудовой дисциплины и даже потакают им»², – говорилось в постановлении. «Противонародный» характер

¹ Собрание Постановлений и распоряжений правительства СССР. №1. 1939 г. 7 января. С.1.

² Там же. С.4.

подобных действий выражался, прежде всего, в том, что они приводили «к такому положению, когда недобросовестные работники, мало трудясь, могут жить за счет государства, за счет народа, что вызывает справедливые протесты со стороны рабочих и служащих».¹

С целью предотвращения нарушений трудовой дисциплины на производстве, СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦИК постановили обязать администрацию предприятий и учреждений вместе с профсоюзными органами вести решительную борьбу со всеми нарушителями трудовой дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка, с прогульщиками, лодырями, рвачами. «Опоздание на работу, преждевременный уход на обед, запоздалый приход с обеда, преждевременный уход с предприятия, а также бездельничание в рабочее время – все это составляет грубейшие нарушения трудовой дисциплины, нарушение закона, влекущее за собой подрыв хозяйственной и оборонной мощи страны и благосостояния народа», – говорилось в постановлении.² Рабочие или служащие, допустившие три таких нарушения в течение одного месяца, или четыре нарушения в течение двух месяцев подряд, подлежали увольнению как прогульщики. В случае, когда подобное нарушение было первым, рабочего переводили на нижеоплачиваемую работу. Руководители предприятий, цехов, отделов и учреждений за уклонение от проведения мер по укреплению трудовой дисциплины и непринятию мер против нарушителей в соответствии с постановлением привлекались вышестоящими органами к ответственности вплоть до снятия с работы и предания суду. Подобному нарушению в УК РСФСР соответствовала ст.111 – «бездействие власти».

В условиях обострения международной обстановки в конце 30-х годов на первый план выдвигаются вопросы обеспечения бесперебойного функционирования всех отраслей народного хозяйства, особенно промышленности. Этим было обусловлено усиление контроля со стороны государства за использованием рабочего времени. Одновременно назрела необходимость решения вопроса о праве самостоятельного увольнения рабочих с предприятий. 26 июня 1940 года Президиум ВС СССР издал уже известный нам Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий

¹ Собрание распоряжений и постановлений правительства СССР. №1. 1939 г. 7 января. С.1.

² Там же.

день».¹ Статья 5 этого указа устанавливала ответственность за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и из учреждений (ч.1) и за прогул без уважительных причин (ч.2). Ответственность по части 1 ст.5 предусматривала наказание по приговору суда в виде тюремного заключения сроком до 4-х месяцев. Часть 2 ст.5 предусматривала ответственность за прогул без уважительных причин в виде привлечения к исправительно-трудовым работам на срок до 6 месяцев с удержанием 25% заработной платы. После введения в действие указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 года, 15 июля 1940 года Пленумом Верховного суда СССР было принято Постановление №23/13/у «О порядке рассмотрения нарсудами дел о самовольном уходе...». Дела о самовольном уходе с предприятий военной промышленности и о прогулах без уважительных причин должны были рассматриваться судами не более чем в пятидневный срок, а приговоры по этим делам должны были приводиться в исполнение немедленно.²

Поскольку введенные в действие новые формы ответственности за подобные преступления вызывали вопросы при их применении, Народный комиссар Юстиции и Прокурор СССР 22 июля 1940 года издали Приказ «О порядке привлечения к ответственности рабочих и служащих, допустивших опоздание без уважительных причин более чем на 20 минут после обеденного перерыва или самовольный уход с работы более чем за 20 минут до обеденного перерыва или до окончания рабочего дня».³ Лица, допустившие перечисленные в приказе нарушения, должны были привлекаться к судебной ответственности, как за прогул по ч.2 ст.5 указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 года. Им грозили исправительно-трудовые работы сроком до 6 месяцев. Тем самым, был установлен минимальный допустимый срок опоздания на работу, не влекущий за собой уголовной ответственности – 20 минут.

В судебной практике в 1940 году имелись случаи, когда суды, разбирая дела и вынося приговоры, принимали во внимание отзывы с места работы осужденных. В этих отзывах они характеризовались как образцовые работники. На основании этих характеристик суды смягчали приговоры. С целью усиления репрессии в отношении прогульщиков, Пленум Верховного суда СССР 15 августа 1940 года вынес постановление

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. № 20. 1940 г. 5 июля. С.1.

² Трудовое законодательства СССР. М., 1941. С.238.

³ Там же. С. 236.

«О недостатках судебной практики по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений и о прогулах без уважительных причин».¹ Постановление обязывало суды строго выполнять указ от 26 июня 1940 года и точно выполнять предусмотренные этим указом наказания. Судам предлагалось не допускать смягчения наказаний или назначения условного осуждения. Запрещалось рассмотрение судами и включение в приговоры ссылок на отзывы и положительные характеристики осужденных. По мнению Пленума, подобные отзывы давались с расчетом на то, чтобы «выгородить от законной ответственности злостных нарушителей трудовой дисциплины, которые никак не могут быть ни стахановцами, ни образцовыми работниками».² Такие характеристики могли выдаваться руководством предприятия в случае неумышленного опоздания или прогула. Статья 10 УК РСФСР предусматривала две формы вины: умысел и неосторожность. Формы вины при самовольном уходе или при прогуле не были одинаковы. Прогул мог быть совершен как умышленно, так и по неосторожности. Указ от 26 июня 1940 года в части, касавшейся ответственности за прогул, предполагал (согласно Постановлению Пленума Верховного суда СССР от 17 октября 1940 года) вину в виде умысла и неосторожности. Если прогул был совершен в результате преступной самонадеянности или небрежности, ответственность за это преступление соотносилась по степени тяжести с наказанием за умышленный прогул.³ Самовольный уход был возможен только при наличии у виновного намерения оставить данное место работы, уйти с него и больше на него не возвращаться.

Самовольный уход рассматривался как преступление, направленное против трудовой дисциплины, установленной в советских учреждениях и на предприятиях. Как самовольный уход квалифицировался отказ от работы лица, временно в силу производственной необходимости переведенного на другую работу в пределах одного и того же предприятия или учреждения без снижения зарплаты.⁴ Субъектами самовольного ухода и прогула могли быть рабочие и служащие всех предприятий, члены производственных артелей, члены колхозов, старатели, трактористы и комбайнеры МТС.

¹ Трудовое законодательства СССР. М., 1941. С. 237.

² Там же.

³ Утевский Б.С. Указ. соч. С.7.

⁴ Там же. С.14.

21 августа 1940 года СНК СССР принял постановление «О порядке направления дел о преступлениях, предусмотренных Указом от 26 июня 1940 года и о порядке исполнения приговоров по этим делам».¹ Директора предприятий и начальники учреждений были обязаны направлять материалы о лицах, совершивших прогул по неуважительной причине и самовольно ушедших с предприятий или учреждений непосредственно в народный суд, в районе деятельности которого находилось предприятие. Сроки направления материалов – не позднее, чем на следующий день после установления факта прогула или ухода. Материалы, направляемые в суд, должны были содержать выписку из приказа, устанавливавшую факт преступления. Таким образом, в 1940 году самовольное оставление работы, прогул, опоздание более чем на 20 минут стали квалифицироваться как уголовные преступления и преследоваться в судебном порядке.

Особый характер носили преступления, при которых субъектами самовольного ухода были учащиеся РУ и школ ФЗО. Через два месяца после объявления призыва молодежи и образования ГУТР, Президиум ВС СССР 28 декабря 1940 года издал Указ «Об ответственности учащихся РУ, ЖДУ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».² Указ определял меру ответственности за самовольный уход из училища или школы, а также за систематическое и грубое нарушение трудовой дисциплины, повлекшее за собой исключение из училища или школы. Нарушителю, по приговору суда, грозило заключение в трудовую колонию сроком до одного года. В соответствии с приказом Наркома Юстиции СССР, Прокурора СССР и начальника ГУТР от 4 января 1941 года, директора ремесленных училищ и школ ФЗО при установлении факта самовольного ухода учащихся или нарушения ими трудовой дисциплины, обязаны были передавать материал на нарушителей прокурору. Материалы должны были передаваться не позднее, чем на следующий день после установления этих фактов. Прокурорам, в районе деятельности которых происходили нарушения, приказывалось расследование этих дел производить в пятидневный срок.

¹ Трудовое законодательство СССР. М., 1941. С.235.

² Государственные трудовые резервы: Сборник документов М., 1945. С.47.

После расследования, дела должны были направляться в народные суды.¹ С августа 1942 года по указу от 28 декабря 1940 года стали квалифицироваться самовольные уходы с предприятий военной промышленности, совершаемые подростками в возрасте моложе 16 лет. Пленум Верховного суда СССР 1 августа 1942 года принял постановление о квалификации подобных нарушений. В постановлении говорилось: «Работающие на предприятиях военной промышленности ученики подростки в возрасте моложе 16 лет в отношении ответственности за самовольный уход с предприятия приравниваются к учащимся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО и к ним должен применяться по аналогии Указ Президиума ВС СССР от 28 декабря 1940 года «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение трудовой дисциплины и самовольный уход из училища (школы)».²

Указ Президиума Верховного Совета 28 декабря 1940 года и приказ Прокурора СССР и начальника ГУТР 4 января 1941 года накладывали особую ответственность на директоров училищ и школ ФЗО, поскольку они расширяли диапазон действия статьи 111 УК РСФСР о должностных преступлениях – «бездействие власти». Непредоставление материала о нарушениях могло обернуться открытием уголовного дела на самих директоров. Но руководители учебных заведений получали возможность использовать эти нормативно-правовые акты в целях укрепления школьной дисциплины и предупреждения нарушений. В первые годы войны, столкнувшись с проблемой укомплектования училищ, директора не торопились применять к нарушителям крайние меры. Предпочтительнее в этих условиях было воздействие на учащихся путем разъяснения им всей тяжести наказания, которое влекли за собой нарушения школьной дисциплины, самовольные уходы или опоздания.

В сентябре 1943 года директора многих училищ и школ ФЗО еще не наладили требуемого от них учета нарушений. Опоздание на учебу и работу, прогулы в течение одного, двух и более дней без уважительных причин часто оставались безнаказанными, даже в тех случаях, когда они носили систематический характер. Об этом говорилось в письме Народного комиссара Юстиции, Прокурора СССР и начальника ГУТР от 11

¹ Государственные трудовые резервы... С.48.

² Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 марта 1942 по 1 мая 1943 года. М., 1943. С.91.

сентября 1943 года.¹ В письме обращалось внимание на то, что органы прокуратуры и суды плохо помогали местным управлениям трудовых резервов в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины.

Суды нередко применяли к нарушителям условное наказание и возвращали их в школы. Этим, по мнению авторов письма, они способствовали не укреплению, а ослаблению дисциплины в училищах, подрывали авторитет директоров, воспитателей, мастеров и других работников училищ и школ.² Далее в письме прокурорам предлагалось обеспечить надзор за точным соблюдением закона при проведении мобилизаций в РУ, ЖДУ и школы ФЗО, оказывать местным органам содействие в разъяснении законов о государственных трудовых резервах подросткам и их родителям; в отношении родителей или других родственников, которые способствовали самовольному уходу учащихся из школы, принимать меры воздействия через общественные организации предприятий, учреждений и колхозов, где они работали. Таким образом, мобилизация в школы ФЗО, РУ и ЖДУ была обеспечена не только юридической базой, но и контролем со стороны органов внутренних дел.

Отечественная война возлагала на гражданское население различные обязанности и повинности, точное и своевременное исполнение которых имело решающее значение для организации скорейшего разгрома врага. В условиях военного времени каждый на своем рабочем месте должен был напрягать все свои силы для приближения победы. Небрежное, халатное отношение к своим обязанностям, вызывавшее вредные для обороны страны последствия, влекло за собой большее наказание, чем в мирное время.³

С началом войны самовольный уход с предприятий военной промышленности стал квалифицироваться как дезертирство с трудового фронта. Самовольный уход, предусмотренный Указом Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», носил уже несколько иной характер, чем аналогичные действия, предусмотренные указом от 26 июня 1940 года. Эти два вида самовольного ухода представляли собой два самостоятельных состава

¹ Государственные трудовые резервы... С.49.

² Там же.

³ Исаев М.М., Утевский Б.С., Гродзинский М.М. Законодательство по уголовному праву и процессу в период войны. М.: Изд-во НКЮ СССР. 1943. С.4.

преступления.¹ За нарушение указа от 26 декабря 1941 года предусматривалось наказание в виде тюремного заключения сроком от 5 до 8 лет (ст. 2). Дела о лицах, виновных в дезертирстве, должны были рассматриваться не народными судами, а военными трибуналами (ст.3).²

Согласно Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года "О военном положении", приговоры военных трибуналов не подлежали кассационному обжалованию и могли быть отменены только в порядке надзора.³ Это говорит об усилении ответственности за нарушения трудовой дисциплины в военное время. Значение соответствующей репрессии в отношении нарушителей указа от 26 июня 1940 года также претерпело изменения. Прогул или отказ от сверхурочных работ являлся нарушением части 2 статьи 5 указа от 26 июня 1940 года.⁴ Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 22 октября 1942 года обратил особое внимание судов на то, что борьба с дезертирами производства являлась одной из важнейших задач в условиях военного времени. Пленум, в качестве отдельных ошибок судов, указал на назначение виновным не тюремного заключения, как того требовал указ, а лишения свободы в общих местах заключения.⁵ По приказу Наркома Юстиции СССР с октября 1942 года дела о прогулах должны были рассматриваться не позднее 48 часов, а дела о самовольных уходах – не позднее 3-х суток по поступлении дела в суд вне всякой очереди.⁶

Подобные изменения были связаны с необходимостью ужесточения контроля за состоянием трудовой дисциплины в военное время. Такие меры, в сочетании с практикой проведения показательных судебных процессов, должны были воздействовать на сознание трудящихся и предупреждать возможные с их стороны нарушения.

5 марта 1942 года Нарком Юстиции СССР, Прокурор СССР и председатель Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР издали совместный приказ «О порядке применения Указа от 13 февраля 1942 года «О мобилизации трудоспособного городского насе-

¹ Утевский Б.С. Указ. соч. С.46.

² Сборник документов и материалов по вопросам труда. М., 1944. С.54.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917 - 1968. Т.3. М., 1968. С.37.

⁴ Исаев М.М. и др. Указ. соч. С.10.

⁵ Утевский Б.С. Указ. соч. С.33.

⁶ Там же.

ления для работы на производстве и строительстве».¹ Указ предусматривал уголовную ответственность за уклонение от мобилизации в виде принудительных работ по месту жительства на срок до одного года. В соответствии с приказом от 5 марта 1942 года, Бюро по учету и распределению рабочей силы при исполкомах местных Советов, по установлении факта уклонения граждан от мобилизации, должны были немедленно сообщить об этом районному прокурору по месту жительства уклонявшегося. Районный прокурор, после получения сообщения бюро, обязан был вызвать к себе нарушителя и, проверив факт уклонения, не позднее 48 часов направить материал в суд со своим кратким постановлением о предании суду. Народным судам было приказано рассматривать дела об уклонении не позднее, чем в трехдневный срок по поступлении материалов, без внесения на подготовительное заседание. 19 октября 1943 года был издан еще один аналогичный приказ по вышеуказанным ведомствам.² В дополнение к приказу 5 марта 1942 г. в нем приводился перечень документов, которые должен был содержать материал, направляемый районному прокурору местными бюро по учету и распределению рабочей силы. Это были: 1) сообщение бюро об уклонении гражданина от мобилизации с указанием фамилии, имени, отчества, года и места рождения, домашнего адреса мобилизуемого или извещение о мобилизации, 2) корешок повестки или корешок мобилизационного листа, выдававшийся на руки мобилизуемому, 3) справка работника бюро, проверившего причины неявки в бюро или на предприятия, обстоятельства уклонения.

В приказе еще раз обращалось внимание на сроки рассмотрения дел прокурором и передачи их в суд. Лица, осужденные за уклонение от мобилизации, подлежали обязательному направлению на принудительные работы на предприятия и стройки по месту их жительства по указанию соответствующих бюро по учету и распределению рабочей силы.

В судебной практике возникали вопросы, связанные с квалификацией уклонения от мобилизации, которая проводилась по постановлению ГКО или СНК. В случае, когда состав подобных деяний не был непосредственно указан в кодексе, но они были признаны судом социально опасными, суд применял наказание по тем статьям кодекса или указа, которые предусматривали наиболее сходные по роду преступления, т.е.

¹ Сб. документов и материалов по вопросам труда. М., 1944. С.19.

² ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.15, л.37.

по аналогии.¹ Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 11 ноября 1942 года за №21/м/15/у, в дополнение к постановлению от 15 августа 1942 года (№15/м/15/у), уклонение от мобилизации на производство и строительство не по месту жительства, а в другую местность по постановлениям ГКО или СНК СССР должны были квалифицироваться по аналогии по указу от 13 февраля 1942 года.² За подобные нарушения предусматривалось аналогичное наказание – исправительно-трудовые работы, причем назначаться оно было должно не по месту жительства осужденного, а по месту работы, на которую он должен был отправиться по мобилизации.

Точно так же, невыработка колхозниками минимума трудодней, согласно Постановлению СНК СССР «О повышении для колхозников минимума трудодней» от 13 апреля 1942 года, была отнесена к уголовным преступлениям и наказывалась по приговору суда исправительно-трудовыми работами в своих колхозах с удержанием из оплаты до 25% трудодней.

Юридические отношения, возникавшие при мобилизации на работу по указу от 13 февраля 1942 года, отличались от отношений при привлечении к трудовой повинности по постановлению СНК СССР от 10 августа 1942 года.³ Различие было связано с характером работ, на которые привлекались мобилизованные и привлеченные к трудовой повинности. При мобилизации речь шла о плановых, постоянных работах, а при трудовой повинности – о чрезвычайных, временных работах. Мобилизации проводились не на определенный срок, а на весь период войны.

Работы, выполнявшиеся в порядке трудовой повинности, имели чрезвычайный, временный характер, а следовательно, были более важны. Поэтому за уклонение от трудовой повинности предусматривалась более суровая репрессия, чем за отказ от мобилизации. Постановление от 10 августа 1942 года «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» определяло ответственность виновных в отказе или уклонении от трудовой повинности по законам военного времени (ст.13).⁴ Некоторые суды по делам о самовольном уходе с работы лиц, привлекавшихся к трудовой повинности в порядке Постановле-

¹ Уголовный Кодекс РСФСР. М., 1942 г. С.7-8.

² ГАРФ, ф.9517, оп1, д.15, л.42.

³ Утевский Б.С. Указ соч. С.49.

⁴ Сб. документов и материалов по вопросам труда. М., 1944. С.16.

ния СНК от 10 августа 1942 года, неправильно применяли часть первую статьи 5 указа от 26 июня 1940г. Эта статья предусматривала ответственность за самовольный уход с предприятия в виде лишения свободы сроком от 2 до 4 месяцев.¹ Так, например, судебная коллегия по уголовным делам Горьковского областного суда определением от 12 сентября 1942 года переqualificировала по ч.1 ст.5 указа от 26 июня 1940 действия гражданки Садовой, правильно осужденной судом Краснобаковского района за самовольный уход с лесозаготовок, выполнявшихся в порядке трудовой повинности, к одному году и 6 месяцам лишения свободы.²

Согласно приказу Народного комиссара Юстиции СССР от 5 декабря 1942 года и Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1942 года, отказ или уклонение от трудовой повинности в военное время квалифицировались по статье 59(6) УК РСФСР.³ Эта статья не содержала точного перечня тех повинностей, отказ от которых влек за собой ее применение. Статья 59(6) применялась только в случаях злостного нарушения, но в ней также не было указания на то, в каких случаях невыполнение обязанностей следовало считать злостным. Суд должен был самостоятельно в каждом отдельном случае решать, имели ли отказ или уклонение злостный характер. Как правило, злостным считался неоднократный отказ, отказ по сговору нескольких лиц, отказ при симуляции болезни, подделке документов и т.п.⁴ Дела об уклонении от трудовой повинности должны были рассматриваться в военных трибуналах войск НКВД или ближайших трибуналах Красной Армии.⁵ Рассмотрение дел и вынесение приговоров проходило в два-три дня.

Таким образом, к 1943 году правительством, на основе законодательства 20-х – 30-х годов, была создана правовая основа преследования нарушений трудовой дисциплины в военное время. Следует отметить, что с началом войны преступления, связанные с нарушением трудовой дисциплины, вызвали более жесткие меры ответственности. До войны за такие действия мог быть наложен штраф или нарушитель мог быть привлечен к принудительным работам сроком не менее 6 месяцев. С

¹ См. выше

² Законодательные и административно-правовые акты военного времени. М., 1943. С.191.

³ Исаев М.М., и др. Указ. соч. С.15.

⁴ Там же. С.5.

⁵ Утевский Б.С. Указ. соч. С.56.

1940 года уклонение от мобилизации, самовольный уход с предприятий, опоздание на работу более чем на 20 минут стали рассматриваться как дезертирство, нежелание помогать фронту и преследоваться в уголовном порядке, соответственно усилилась репрессия за такого рода преступления: лишение свободы сроком до 8 лет тюремного заключения. При отягчающих обстоятельствах статьей 59(6) УК РСФСР предусматривалось применение высшей меры наказания.

Необходимость рационального использования имевшихся в распоряжении правительства трудовых ресурсов обусловила принятие решения об использовании труда осужденных за нарушение указов о мобилизации. В условиях дефицита рабочей силы было бы слишком расточительно содержать нарушителей в колониях и лагерях. 20 октября 1943 года Комитет по учету и распределению рабочей силы разослал всем заведующим своих бюро на местах согласованное с ним директивное письмо ГУЛАГ НКВД СССР. В соответствии с этим письмом, в течение 10 дней с момента получения от нарсуда копий приговоров по делам о нарушениях указа от 13 февраля 1942 года бюро по учету и распределению рабочей силы должны были предоставить в инспекцию исправительно-трудовых колоний информацию о том, на какие предприятия и строительства было необходимо направлять осужденных.¹

Аналогичное наказание должно было применяться к уклонявшимся от мобилизации на лесозаготовки в порядке трудовой повинности. Согласно Постановлению ГКО №4556 от 13 ноября 1943 года «О плане лесозаготовок в осенне-зимний сезон 1943/44 годов», виновные в уклонении от мобилизации на лесозаготовки или в самовольном уходе с работы до выполнения установленных норм подлежали направлению на лесозаготовки в порядке принудительных работ, причем лишались оплаты труда. В случае злостного уклонения или повторного самовольного ухода виновные приговаривались к лишению свободы по статье 59(6) УК РСФСР.²

В первой половине 1944 года обострилась проблема поддержания высокого уровня трудовой дисциплины среди рабочих промышленных предприятий, которые были объявлены мобилизованными на весь период войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года. Дело в том, что большинство дел в отношении дезертиров с

¹ ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.15, л.38.

² Там же, д.29, л.2.

предприятий военной промышленности рассматривались военными трибуналами заочно. Прокуратура передавала дела в военные трибуналы без предварительного расследования и розыска дезертиров. Кроме того, многие дезертиры устраивались на работу в другие предприятия, учреждения или в колхозы. Прокуратура же не принимала мер по привлечению к ответственности руководителей этих предприятий за укрывательство дезертиров. Такое положение дел заставило СНК СССР 29 июня 1944 года принять Постановление №789 «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года».¹ В этом постановлении говорилось, что «порочная практика заочного рассмотрения дел военными трибуналами ослабляет борьбу с дезертирством, подрывает авторитет судебного приговора, т.к. осужденные остаются фактически безнаказанными».²

С целью устранения подобных недостатков в деятельности Прокуратуры, СНК СССР постановил: всем прокурорам передавать дела в военные трибуналы только после расследования и розыска обвиняемых. Расследование дел заканчивать в трехдневный срок. Прекратить заочное рассмотрение дел о самовольном уходе (дезертирстве) рабочих и служащих с предприятий. Прокурору СССР К.П. Горшенину было поручено обеспечить неуклонное выполнение требований закона о привлечении к ответственности должностных лиц предприятий и учреждений, а также председателей колхозов, виновных в приеме на работу и укрывательстве дезертиров.

Принимая во внимание указания СНК и во исполнение постановления от 29 июня, К.П. Горшенин 1 июля 1944 года издал Приказ за №159 «Об усилении борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности». Оригинал приказа хранится в Государственном архиве Российской Федерации и еще не привлекался исследователями в качестве характеристики состояния трудовой дисциплины в военное время.³ Обращая внимание всех прокуроров и следователей на то, что выполнение требования правительства являлось в тот момент «важнейшей задачей органов Прокуратуры», Прокурор СССР приказывал обеспечить расследование дел о преступлениях, предусмотренных указом от 26 декабря 1941 года. Особое внимание в приказе придавалось розыску дезертиров.

¹ ГАРФ, ф.5446, оп.1, д.230, л.43.

² Там же.

³ ГАРФ, ф.8131, оп.21, д.1, л.46-52.

Местным прокурорам предлагалось добиться того, чтобы дезертиры скрывавшиеся от суда, были разысканы и преданы суду. Для этого прокуроры областей, краев и автономных республик должны были поставить вопрос перед местными руководящими органами о проверке сельсоветами и райисполкомами по мобилизационным спискам наличие вернувшихся к месту жительства лиц, в свое время мобилизованных в промышленность. Они должны были установить основания их возвращения и выявленных таким образом дезертиров привлекать к ответственности.

Должностных лиц предприятий и учреждений, а также председателей колхозов, которые принимали на работу дезертиров, согласно приказу, следовало привлекать к уголовной ответственности и квалифицировать их действия по статье 111 УК РСФСР. Для того чтобы предотвращать подобные нарушения, прокурорам рекомендовалось практиковать организацию открытых судебных процессов непосредственно на предприятиях, поддерживая обвинение по этим делам. «По результатам этой работы будет оцениваться способность каждого работника прокуратуры справиться с важнейшим государственным заданием» – говорилось в приказе.¹

Как видим, выполнению постановления СНК от 29 июня 1944 года придавалось большое значение. Для контроля за этим процессом при Прокуратуре СССР была организована специальная оперативная группа во главе с помощником Прокурора СССР Государственным советником юстиции 2 класса М.Ю. Рагинским. г. Горький и Горьковская область входили в число 8 городов и 15 областей, которые контролировались по данному вопросу, непосредственно Прокуратурой СССР.²

В конце 1944 года, когда стратегическая инициатива в войне находилась в руках советского командования, несколько снижается острота проблемы трудового дезертирства. Происходят изменения в отношении к дезертирам с трудового фронта. 30 декабря 1944 года Президиум ВС СССР издал Указ «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на эти предприятия».³ В связи с тем, что имелись случаи добровольного возвращения дезертиров на предприятия, указ предоставлял

¹ Там же.

² Там же.

³ Сборник законов СССР. Т.3. М., 1975. С.407.

амнистию лицам, на которых распространялось действие указа от 26 декабря 1941 года. Указ 30 декабря 1944 года относился к тем дезертирам, которые возвратились на предприятия до момента издания указа либо собирались вернуться до 15 февраля 1945 года. В соответствии с директивой Прокурора СССР от 12 января 1945 года за №21/15, при розыске дезертира нужно было спросить его о желании возвратиться на то предприятие, с которого он дезертировал. Если он соглашался, то дело на него возвращалось на доследование.¹ Появление такого указа косвенно говорит о сравнительно большом числе случаев дезертирства с предприятий военной промышленности. С другой стороны, указ мог увеличить количество рабочих рук на предприятиях.

В заключение главы сделаем краткие выводы. Труд в СССР рассматривался не только как дело чести каждого гражданина, но и как его обязанность. Поэтому сущность дисциплины труда заключалась в тщательном и добросовестном выполнении трудящимися принятых ими обязательств или – во время войны – обязательств, определенных правительством. Отсюда, любое отступление от выполнения своих обязанностей определялось советским законодательством как нарушение трудовой дисциплины. Основные формы нарушений – самовольное оставление работы (с 1941 года – дезертирство), опоздание на работу, невыполнение колхозниками минимума трудодней, уклонение от привлечения к трудовой повинности. Формирование правовой основы преследования подобных нарушений, на наш взгляд, можно разделить на три периода.

Первый период (20-е годы – 26 июня 1940 года). В этот период нарушения трудовой дисциплины относились к административным правонарушениям и влекли за собой штраф, увольнение с работы или перевод на нижеоплачиваемую должность.

Второй период (26 июня 1940 года – 30 декабря 1944 года). Нарушения указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года стали преследоваться в судебном порядке и рассматривались как уголовные преступления. С началом войны нарушения трудовой дисциплины в виде отказа от трудовой повинности, укрывательства дезертиров, самовольного оставления работы, невыработки колхозниками минимума трудодней наказывались в соответствии с уголовным Кодексом РСФСР.

Третий период (30 декабря 1944 года – 1945 год). Этот период начинается с издания 30 декабря 1944 года Указа Президиума Верховного

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.59.об.

Совета СССР «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на эти предприятия». Он характеризуется ослаблением жестких репрессивных мероприятий правительства в отношении дезертиров производства, что в определенной мере было связано с успехами на фронте и снижением остроты нехватки рабочих рук в тылу.

В условиях жестокой борьбы с захватчиками, каждый прогул, каждое опоздание на работу на производстве приводили к снижению экономического потенциала военной промышленности, поэтому правительство вынуждено было применять к прогульщикам самые серьезные меры.

Динамика развития уголовного законодательства, применявшегося в отношении нарушителей трудовой дисциплины, отражает политику правительства в отношении рабочих в годы Великой Отечественной войны. Трудящиеся рассматривались, прежде всего, как граждане государства, несущие определенные обязанности. В трудные, критические, сопряженные с опасностью завоевания периоды государство ужесточило репрессивные меры против дезертиров производства. Однако, на наш взгляд, было бы неправомерно говорить о создании «полицейской системы» регулирования трудовых отношений.¹ Рассматриваемое законодательство, распространяясь на все категории трудящихся граждан, применялось только к нарушителям трудовой дисциплины. Большинство рабочих, служащих и колхозников трудились, движимые патриотизмом и чувством долга перед Родиной, а не боязнь оказаться под следствием.

¹ См.: Кнышевский П.Н., Вылцан М.А. Указанные работы.

Глава II

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ТРУДУ И ТРУДОВАЯ ДИСЦИПЛИНА НА СЕЗОННЫХ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ

Во время войны особое значение приобретает организация труда на работах, которые в мирное время либо не имеют широкого распространения (сооружение оборонительных противотанковых рубежей, укреплений, других военных объектов), либо обеспечиваются рабочей силой по мере необходимости (заготовка топлива, сезонные работы). Эти работы носили оборонительный характер. Трудоемкий процесс и сжатые сроки исполнения подобных заданий обусловили жесткий характер привлечения к этим работам гражданского населения. Как правило, рабочая сила привлекалась на работы оборонительного характера в порядке трудовой повинности.

В этой главе мы рассмотрим, как проходили процесс привлечения к трудовой повинности и мобилизация людских ресурсов, каковы были условия работы и трудовая дисциплина на строительстве оборонительных рубежей и работах по заготовке дров и торфа.

Важной отраслью экономики, которая обеспечивала потребности фронта и тыла в продовольствии, являлось сельское хозяйство. Колхозы и совхозы с началом войны стали важной составной частью процесса всеобщей трудовой мобилизации. Повышение для колхозников минимума трудодней и сверхурочные работы были непосредственным воплощением мобилизационного принципа организации труда в сельском хозяйстве. Тем не менее, потребность в рабочей силе возрастала во время посевной и уборочной кампаний. Даже использование всех имевшихся в распоряжении колхозов людских ресурсов не всегда могло обеспечить необходимое количество рабочей силы. Снижение производительности труда в сельском хозяйстве, сокращение механизации основных работ, увеличение дополнительных нагрузок на колхозников требовали

в условиях военного времени привлечения к сельскохозяйственным работам трудоспособного населения городов.¹

Горожане приходили на помощь деревне. Школьники и студенты, работники вузов, трудоспособные не занятые на производстве граждане объявлялись мобилизованными (как правило, в порядке трудовой повинности) и привлекались на работу в сельском хозяйстве.

По мере продвижения гитлеровских войск вглубь нашей страны нарастала необходимость укрепления подступов к стратегически важным районам. 18 октября 1941 года бюро Горьковского обкома ВКП(б) и облисполком приняли совместное решение «О строительстве оборонительного рубежа в Горьковской области». С образованием 24 октября 1941 года Горьковского городского Комитета Оборона (ГГКО) все вопросы, связанные со строительством оборонительных укреплений, решались на уровне ГГКО.² ГГКО, как местный чрезвычайный орган управления не имел штатных работников. В проведении оборонительных мероприятий комитет опирался на партийные, советские, хозяйственные органы, Управление НКВД Горьковской области, военное командование и общественные организации.

Ответственность за мобилизацию ГГКО возлагал на первых секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) и председателей городских и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся.

В октябре 1941 года население города Горького было привлечено на оборонительные работы в порядке трудовой повинности.³ Привлечению подлежали мужчины до 55 и женщины до 45 лет: рабочие, колхозники, единоличники, домохозяйки. Постановлением ГГКО от 31 октября было разрешено мобилизовать студентов всех вузов и старших курсов техникумов, а так же учащихся 9-10 классов средних школ.

Поскольку порядок привлечения к трудовой повинности еще не был четко определен законодательством, в первое время имели место случаи, когда привлечение к оборонительным работам проходило с нарушением действовавших законов. Так прокурор Сормовского района г. Горького Тарасов 29 октября направил письмо председателю Сормов-

¹ История Советского крестьянства. Т.5: Крестьянство накануне и в годы НОВ (1938-1945). М.,1987. С.147.

² См.: Гордеева Л.П. Горьковский Комитет Оборона (1941-1945) // Город славы и верности России: Материалы историко-краеведческой конференции к 775-летию Н.Новгорода. Н. Новгород., 1996. С.103.

³ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.5, л.12.

ского районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, в котором указывал на противозаконность привлечения к работам на оборонительной линии 14-15-летних подростков – учащихся РУ №3. На основании существовавших законов, Тарасов просил исполком отменить это решение.¹

План мобилизации на оборонительные работы выполнялся не всегда. Так, например, Ждановский район г. Горького должен был мобилизовать 8.000 человек, а было мобилизовано к 12 декабря только 1.554 человека. Кроме того, председатель Ждановского райсовета Зотов, как об этом говорилось в постановлении ГГКО, «допустил обман населения», организовав выдачу командировочных удостоверений привлекавшимся на работы с указанием срока командировки до 15 ноября 1941 года. Постановлением ГГКО Зотову был объявлен строгий выговор с предупреждением и формулировкой «за срыв мобилизации рабочей силы для строительства оборонительного рубежа».²

Выступая на заседании ГГКО по вопросу о строительстве оборонительного рубежа 6 декабря, председатель ГГКО М.И. Родионов говорил: «По-моему, надо добраться до, так называемых, сроков мобилизации, которые были преподаны некоторыми райисполкомами города Горького. Откуда это исходит – непонятно. Товарищ Питовранов,³ надо добраться до того человека, который это допустил, и сделать это специально предметом обсуждения на заседании Комитета Оборонь».⁴

Согласно действовавшему Положению о порядке привлечения граждан к трудовой и транспортной повинности, утвержденному постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 18 июля 1927 года,⁵ население должно было привлекаться к работам на срок до их завершения. В положении не указывался конкретный срок. Работы, выполняемые в порядке трудовой повинности, носили чрезвычайный, временный характер – ликвидация последствий стихийных бедствий, пожаров и т.д. Сооружение оборонительных противотанковых укреплений во время войны стояло в том же ряду. Поэтому претензии председателя ГГКО к действиям Ждановского

¹ ГАНО, ф.2508, оп.1, д.41, л.455.

² ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.1, л.225.

³ Начальник 13 Управления Оборонительных работ при НКО СССР, руководившего строительством оборонительного рубежа вокруг г. Горького.

⁴ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.7, л.3.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. Отдел 1. 1927 г., 24 августа. №73. С.879.

райсовета следует признать обоснованными. Но, с другой стороны, выдача командировочных удостоверений с указанием срока мобилизации облегчала набор рабочей силы на местах. Люди охотнее приступали к работе, определенно зная, на какой конкретно срок их привлекли на строительство. Война же диктовала свои условия.

Особое внимание ГГКО было сосредоточено на исполнении решений по мобилизации на местах. Чрезвычайный характер задания накладывал особый отпечаток на проведение мобилизационных мероприятий. Руководство строительством требовало жесткости при неуклонном проведении в жизнь решений правительства. На заседании ГГКО 6 декабря было предложено организовать проверку и послать специальную бригаду представителей комитета к тем секретарям райкомов и председателям райисполкомов, которые «проявляли мягкотелость» и не принимали всех необходимых мер по мобилизации.¹ Хотя в документе эти меры и не называются конкретно, можно предположить, что они должны были носить достаточно жесткий характер. Тем не менее, несмотря на объективные трудности перехода на работу «по-военному», на строительство удалось привлечь более 500.000 человек.²

Важное место в мобилизационных мероприятиях занимал вопрос обеспечения рабочих, занятых на строительстве, инвентарем, инструментами, одеждой и питанием. Эта область контролировалась непосредственно ГГКО. Председатели первичных партийных организаций и председатели сельских Советов были обязаны обеспечить явку мобилизованных со своим инвентарем, зимней одеждой, запасным бельем и недельным запасом продуктов питания.³ 13 ноября 1942 г., специальным постановлением, ГГКО обязал председателя облпромсовета, начальников облместпрома и обллегпрома изготовить сверх установленного плана до 20 ноября 5.000 пар кожаной обуви, 10.000 пар валенок и 170.000 пар рукавиц.⁴ Для медицинского обеспечения полевых работ ГГКО поручил заведующему облздравом Степанову направить на места строительства врачей и студентов старших курсов медицинского института.

Обеспечение строительных работ транспортом вменялось в обязанность местным партийным и советским руководителям. Они должны

¹ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.7, л.3.

² Данные по: Перчиков Ю.А. Советы Волго-Вятского региона в 1941-1945 гг. Изд-во Самарского университета. Саратовский филиал. Саратов, 1992. С.39.

³ ГОПАНО, ф.64, оп.1, д.563, л.42.

⁴ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.1, л.117

были направить вместе с мобилизованными рабочими определенное количество лошадей с повозками, машины, трактора. Изыскивались возможности мобилизации неиспользуемого транспорта. ГГКО постановлением от 23 ноября объявил мобилизованными 223 автомашины ЗиС, принадлежавшие Карачаровскому механическому заводу Наркомхоза и находившиеся на хранении на чугунолитейном заводе в г. Семенове.

В обеспечении полевых работ необходимыми средствами и материалами непосредственное участие принимало 13 Управление оборонительных работ НКО СССР (УОБР), которое подчинялось ГГКО. 30 октября ГГКО утвердил начальником 13 УОБР Е.П. Питовранова. Ему было приказано разработать график производимых работ. 15 ноября, по постановлению ГГКО, 13 УОБР перебросило на полевые строительства 1.100 палаток переданных базой эвакуированных №1, обеспечив жильем и обогрев рабочих. В начале декабря 1941 года комиссару 13 УОБР Слепову была направлена телефонограмма с одного из участков строительства с просьбой отпустить 2.000 пар лаптей и 100 кг. кошмы для подшивки валенок. Положение с обувью было названо катастрофическим, особенно у студентов города Горького.¹

В начальный период строительства имели место факты неполного использования рабочей силы. Были допущены простои рабочих в течение нескольких дней из-за необеспеченности работой. ГГКО, в связи с этим, предписал установить на строительстве четкую систему труда и зарплаты.² Во исполнение этого постановления, 13 Управление оборонительных работ 19 ноября издало приказ, в соответствии с которым на строительстве был установлен 10-часовой рабочий день с началом работ в 7 часов и завершением в 18 часов. С 12 до 13 часов предусматривался обеденный перерыв. За 5 минут до начала работ рабочих следовало выстраивать по бригадам и проводить переключку по табельной книжке. Перед строем объявлялось дневное задание, а по окончании работ – результаты дня. Основной формой оплаты труда на строительстве была сдельная оплата. Повременная оплата была запрещена.³

¹ Забвению не подлежит. Страницы нижегородской истории (1941-1945). Кн. 3. Н.Новгород., 1995. С.362.

² ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.5, л.10.

³ Забвению не подлежит. С.360.

За рабочими и служащими, привлеченными на строительство, сохранялся месячный заработок по месту основной работы. С целью материального стимулирования работ 13 Управление выделило премиальный фонд из расчета 3.000 рублей на участок в декаду.¹

Важное значение в привлечении к труду на оборонительных рубежах имела идеологическая работа, проводимая среди участников строительства. ГГКО 8 ноября 1941 года обратился к строителям с призывом «работать единократно, не щадя своих сил». В обращении подчеркивалось, что строительство полевых укреплений вокруг г. Горького имело государственное значение, что каждый день работы увеличивал безопасность города от возможных нападений врага. «Наш город – родина ополчения Минина во времена Великой Смуты. Наш город – родина великого пролетарского писателя Горького... Комитет Обороны уверен, что горьковчане, полные высокого чувства любви к Родине, к своему городу с честью выполнят священный долг советских патриотов», – говорилось в обращении.²

Согласно приказу по 13-му УОБР, отдельным рабочим, звеньям и бригадам, выполнившим дневные задания на 200 и более процентов, в целях развития движения «двухсотников» оплата труда производилась в полуторном размере и вручался красный флажок. Имена стахановцев объявлялись приказом по полевому строительству и оглашались перед строем бригады. В приказе говорилось: «Необходимо пробудить в работающих сознательное стремление к напряженной работе, к работе по фронтовому, добиваясь, чтоб на основе указаний, данных товарищем Сталиным в докладе на торжественном заседании 6 ноября, рабочие и бригады брали на себя конкретные обязательства по досрочному окончанию работ».³ Непосредственно на строительных участках работали политработники, агитаторы. Они должны были способствовать укреплению дисциплины, сплоченности и боевого духа рабочих.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что привлечение населения на строительство оборонительного рубежа, помимо непосредственного набора людских ресурсов, включало в себя еще ряд целенаправленных мероприятий. Это медицинское обслуживание, организация работ, обеспечение рабочих транспортом, одеждой, инвентарем мо-

¹ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.1, л.212.

² ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.5, л.65.

³ Забвению не подлежит. С.362.

ральное и материальное стимулирование труда. Названные мероприятия в сочетании с четкими действиями системы партийных и советских органов во главе с ГГКО обусловили эффективность трудовой повинности как чрезвычайной формы организации труда. Эта эффективность была подтверждена успешным завершением работ по сооружению укреплений к 1 января 1942 года¹

В 1942-1943 годах, когда Донецкий угольный бассейн был захвачен фашистами, а Подмосковский угольный бассейн был частично разрушен налетами вражеской авиации, исключительное значение для удовлетворения потребности в топливе приобрела заготовка дров и торфа. Эти виды работ по своей сути аналогичны сезонным работами и работам оборонительного характера. Для их выполнения трудоспособное население привлекалось как в порядке мобилизации (на торфопредприятия), так и в порядке трудовой повинности, если речь шла о временных дрово- и лесозаготовках.

В решении Горьковского облисполкома от 7 августа 1941 года «О выполнении плана лесозаготовок за первое полугодие 1941 года Облтопом и трестом Обллесзаг» отмечалось, что план лесозаготовок «выполняется совершенно неудовлетворительно». Только 30% планируемого количества дров было заготовлено и вывезено. За срыв лесозаготовок был снят с работы начальник Областного управления местной топливной промышленности. В основном невыполнение плана было вызвано тем, что работы были слабо обеспечены рабочей силой. В связи с этим, решением облисполкома руководители облуправления и директора предприятий местной топливной промышленности обязывались принять решительные меры к повышению трудовой дисциплины, уплотнению и полному использованию рабочего дня, объявить беспощадную борьбу с лодырями и прогульщиками. Вместе с этим предлагалось довести число рабочих постоянного состава к 1 октября по Областному управлению топливной промышленности до 250 человек и по тресту Обллесзаг – до 50 человек, максимально привлекая на лесозаготовки женщин, в пятидневный срок закончить набор сезонной рабочей и гужевой силы в пределах плана по каждому предприятию и району.

Председателям исполкомов районных и городских Советов рекомендовалось обратить особое внимание на то, что они наравне с руководителями областных лесозаготовительных организаций, директорами лес-

¹ ГОПАНО, ф.2518, оп.1. д.8. л.59.

промхозов и лесзагов несли персональную ответственность за выполнение плана лесозаготовок и снабжение топливом городов и районных центров. Председатели исполкомов райсоветов были обязаны выделить в пятидневный срок и обеспечить выход в лес предусмотренное планом количество сезонной рабочей и гужевой силы.¹

Согласно плану лесозаготовок, на 3 декабря 1941 г. потребность в сезонной рабочей и гужевой силе составляла: по тресту Обллесзаг – 205 пеших и 415 конных рабочих, по Облместтоппрому – 388 пеших и 548 конных, по Горьковскому гортопу – 73 пеших и 47 конных. Несмотря на принимавшиеся меры, план лесозаготовок не выполнялся. На 15 сентября годовое задание было выполнено: трестом «Горьклес» – на 46% по заготовке и на 50,9% по вывозке, трестом «Горьктранслес» – на 54,9% и 71,6%, трестом «Мантуроволес» – на 47,6% и 61,4%, соответственно.

29 сентября 1941 года Горьковский облисполком принял решение обязать руководителей лесозаготовительных организаций немедленно приступить к набору рабочей силы и обеспечить ее выход в лес. При наборе максимально использовался женский труд и труд эвакуированного населения. Для обеспечения ухода за малолетними детьми призывавшихся на лесозаготовки женщин планировалось оборудовать необходимое количество детских яслей и садов на всех лесозаготовительных предприятиях. Председатели исполкомов райсоветов были обязаны систематически контролировать ход подготовки лесозаготовительных организаций к осенне-зимнему сезону. За лесозаготовительными организациями закреплялись сельские Советы с обязанностью оказывать практическую помощь по организованному набору и своевременному выходу в лес рабочей силы.

Заготовка топлива для нужд городов и райцентров Горьковской области, как правило, обеспечивалась рабочей силой по решению местных органов власти. Так, Арзамасский райисполком 10 марта 1942 года, рассматривая вопрос «Об обеспечении города дровами», отмечал неудовлетворительное снабжение топливом культурно-бытовых организаций и учреждений города, семей красноармейцев и эвакуированных. Из-за отсутствия топлива имелись случаи простоя школ и детских садов. С целью улучшения ситуации по снабжению дровами, райисполком решил выделить 40 человек рабочих от колхозов района в помощь Арзамасскому леспромхозу. Райсовет также разрешил Арзамасскому горсовету

¹ ГАТАНО, ф.Р550, оп.5, д.34, л.169.

для привлечения гужтранспортных средств организаций и предприятий города, ввести трудгужповинность.

В сентябре 1942 года облисполкомом был принят план заготовки дров для коммунально-бытовых нужд города на отопительный сезон 1942-1943 годов. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 2 сентября 1942 года, исполком облсовета установил план лесозаготовки и вывозки дров для школ, больниц, бань и других объектов коммунально-бытового обслуживания городов области в количестве 930 тыс. кубометров. Дровозаготовители организовывали рабочих, прибывавших на дровозаготовки, в бригады и звенья и распределяли их по участкам. В каждой бригаде были установлены месячные производственные задания. Все рабочие, прибывавшие на дровозаготовки в порядке трудовой повинности, получали сезонное задание в размере 100 кубометров на каждого. Каждый рабочий, выполнивший это задание, досрочно освобождался от дальнейшей работы на дровозаготовках. Дневная норма по рубке составляла 2 кубометра на человека.

16 октября 1942 года аналогичное решение Горьковского облисполкома обязало исполкомы райгорсоветов привлечь в порядке, предусмотренном постановлением СНК СССР от 10 августа 1942 года, на дровозаготовки для промышленных предприятий, школ, больниц, госпиталей, бань, жилых домов 14.690 человек. Из них: из числа неработавшего городского населения области сроком на два месяца – 3.000 человек, из числа сельского населения – 11.690 человек, (в том числе: пеших немедленно сроком на два месяца – 5.050 человек, возчиков с лошадьми сроком с 1 ноября 1942 года до 1 января 1943 года – 6.640 человек).

Предприятиям и организациям, которые вели дровозаготовки в области, было разрешено привлекать в порядке трудовой повинности на дровозаготовки для нужд подведомственных им предприятий рабочих и служащих этих предприятий.

Согласно постановлению ГКО №2466 от 1 ноября 1942 года «О плане осенне-зимних лесозаготовок в сезоне 1942-1943 годов», каждому мобилизованному на лесозаготовки через председателя сельсовета вручалось персональное извещение о привлечении его на лесозаготовки с указанием срока и установленного ему сезонного задания. Каждый мобилизованный, выполнявший это задание, досрочно освобождался от дальнейшей работы на лесозаготовках и в течение осенне-зимнего сезо-

на 1942-1943 годов больше не привлекался на другие работы по трудовой повинности.¹

Успешное выполнение плана лесозаготовок напрямую зависело от практического проведения мобилизации рабочей силы. Однако мобилизация населения не всегда протекала успешно. В решении Горьковского облисполкома от 19 января 1943 года «О выполнении решений Облисполкома и Бюро Обкома ВКП(б) о мобилизации рабочих и гужевого транспорта» говорилось: «Отметить, что исполкомы Вознесенского и Муромского райсоветов утвержденный план мобилизации рабочих и гужтранспорта на лесодровозаготовки не выполнили. Вознесенский райсовет, имея задание мобилизовать 405 пеших рабочих и 560 коневозчиков, мобилизовал только 179 пеших и 180 коневозчиков; муромский райсовет вместо 411 пеших и 412 коневозчиков мобилизовал 335 пеших и 208 коневозчиков.

Исполком Вознесенского райсовета самовольно заменил мобилизацию колхозников на лесодровозаготовки трудгужповинностью; исполком Муромского райсовета не вручил индивидуальных повесток мобилизованным. Исполком облсовета решил за невыполнение плана мобилизации рабочих и гужевого транспорта председателю Вознесенского райисполкома объявить выговор, предупредить его, что если в пятидневный срок не будут выполнены планы мобилизации, к нему будут приняты более строгие меры. Обязать председателей исполкомов райсоветов: а) немедленно вручить каждому мобилизованному и привлеченному на лесодровозаготовки персональные повестки с указанием персонального задания по заготовке и вывозке древесины, б) категорически запретить отзываться, а также заменять колхозников, мобилизованных или привлеченных на лесозаготовки в порядке трудгужповинности на другие работы, привлекая к ответственности лиц, самовольно покинувших работу».²

Особенно трудно зимой 1943 года проходила мобилизация на дровозаготовки в Линдовском районе. В феврале 1943 года план лесозаготовок здесь, как отмечалось в решении Горьковского облисполкома, был поставлен под угрозу срыва. План мобилизации рабочих был выполнен всего на 55%, возчиков – на 48%. За невыполнение плана председатель исполкома Линдовского райсовета получил выговор и был предупреж-

¹ РЦХИДНИ, ф.644, оп.1, д.66, л.71.

² ГАТАНО, ф.Р550, оп.5, д.56, л.43.

ден, что если ситуация с мобилизацией не улучшится, к нему будут приняты строгие меры взыскания. Линдовский райсовет решением облисполкома был обязан в трехдневный срок закончить мобилизацию рабочих и возчиков с лошадьми на лесозаготовки. Каждому мобилизованному следовало вручать персональные задания и обеспечить безусловное выполнение плана лесозаготовок и вывозки дров.

Летом 1943 года Горьковским облисполкомом был принят план заготовки сухих дров. Исполкомам горсоветов разрешалось привлечь на дровозаготовки, проводившиеся по решению облисполкома, 2.300 человек в порядке трудовой повинности на срок до 30 сентября 1943 года. Лесозаготовители набирались из числа неработающего населения городов и рабочих поселков, студентов вузов и техникумов. Студенты привлекались на дровозаготовки сроком с 1 августа по 15 сентября 1943 года. Предприятиям, организациям и ведомствам разрешалось привлекать своих рабочих и служащих на период с июня по сентябрь 1943 года в количествах, необходимых для выполнения плана лесозаготовок. Привлеченные на дровозаготовки рабочие получали зарплату по месту постоянной работы в размере 80%, если они имели на своем иждивении нетрудоспособных членов семьи, и 40% – в остальных случаях. За студентами сохранялись стипендии. Каждый привлеченный на дровозаготовки и выполнивший установленное для него задание, имел право на первоочередное получение дров со складов рай(гор)советов.

Исходившие из вышестоящих организаций указания по мобилизации на сезонные лесозаготовительные работы рассматривались и непосредственно реализовывались местными органами управления. В качестве дополнительного стимула скорейшего проведения мобилизации на местах использовались методы идеологической работы. Так, правление колхоза «Мировой Октябрь» Арзамасского района в феврале 1943 года приняло решение, в котором говорилось: «Предложить председателю колхоза села Красное обеспечить выполнение плана дровозаготовок и вывозки к 23 февраля, т.е. ко дню Красной Армии... выслать людей на дровозаготовки, которые должны бессменно отработать до окончания плана заготовок». ¹ Тем не менее, такие методы привлечения к труду не всегда приносили успех. В решении правления того же колхоза от 25 февраля 1943 года говорилось: «Отметить, что выполнение плана дровозаготовок и вывоза по колхозам сельсовета идет неудовлетвори-

¹ ГАТАНО, ф.662, оп.3, д.1, л.32.

тельно, а поэтому предложить председателям колхозов недостающее количество людей, а также лошадей на данное мероприятие выслать с необходимым контролем. В противном случае, к уклонившимся лицам принять меры воздействия существующего закона».

Обобщая рассмотренный материал, следует сказать, что дровозаготовки в период войны были одним из самых напряженных и трудоемких секторов военной экономики. На протяжении периода войны дровозаготовки обеспечивались рабочей силой с помощью привлечения к трудовой повинности. Тяжелейшие условия выполнения этих работ, нехватка рабочих рук не позволяли выполнять планы заготовок на 100%.

Важное значение в период войны, наряду с дровозаготовками, имели работы по заготовке торфа. Торфодобывающие предприятия сталкивались с общей для всех оборонных отраслей проблемой нехватки рабочей силы. В январе 1942 года ГГКО направил 800 человек мобилизованных рабочих на одно из крупнейших торфодобывающих предприятий области – Чернораменский Госсюзтрест торфяной промышленности (г. Балахна). Приказом по тресту эти рабочие были направлены на разгрузку торфа для обеспечения плановых заданий. ¹ Балахнинский горком ВКП(б) 6 марта 1942 года просил ГГКО разрешить Балахнинскому горсовету провести мобилизацию 200 человек трудоспособного населения города на погрузочно-разгрузочные работы для Чернораменского торфопредприятия. ² В апреле 1942 года на Чернораменском торфопредприятии была введена должность инспектора по оргнабору рабочей силы, который отвечал за набор рабочих для предприятия. ³

Более 70% прибывавших весной 1942 года на Чернораменское предприятие сезонных рабочих не знали технологии процесса торфяного производства. В целях повышения производительности труда и выполнения производственного плана на предприятии были организованы стахановские курсы с программой обучения от 30 до 50 часов с обязательным вовлечением в эти школы новых рабочих.

Дефицит сезонной рабочей силы, прибывавшей из сельской местности, заставлял руководителей торфопредприятий обращаться к использованию трудовых ресурсов города. К тому же мобилизация и набор сезонной рабочей силы в сельских районах к лету 1942 года не был про-

¹ ГАНО, ф.5876, оп.1, д.199, л.3.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2832, л.47.

³ ГАНО, ф.5876, оп.1, д.199, л.30.

изведен. Этот факт был отмечен в решении Горьковского облисполкома от 2 июля 1942 года, как одна из главных причин того, что выполнение плана торфодобычи областными предприятиями было поставлено под угрозу срыва. Руководителям торфопредприятий было предложено в пятидневный срок закончить мобилизацию и организованный набор, прикрепить опытных рабочих к вновь прибывавшим работникам. Облисполком принял решение «Обязать исполкомы райсоветов, под личную ответственность председателей, в пятидневный срок выделить и направить на торфопредприятия недоданное количество рабочих, а также взять работу торфодобывающих предприятий под особый контроль».¹

Приказом по Чернораменскому торфотресту все мобилизованные по решению обкома ВКП(б) и облсовета, в случае выполнения ими установленных норм по добыче торфа, немедленно освобождались от работы с предприятий треста. Рабочие, не выполнившие плановые нормы, оставались на сушке и уборке торфа до тех пор, пока план ими не выполнялся.²

Рабочие, прикрепленные к торфопредприятиям, были обязаны сдавать свои паспорта администрации, что иногда практиковалось и на промышленных предприятиях. Директор Чернораменского торфотреста в своем приказе от 3 января 1943 года отмечал: «Руководители Мугреевского торфопредприятия при отправке в отпуск закрепленных рабочих Фоминского района грубо нарушили постановление ГКО от 23 октября 1943 года №4410 и приказ Наркома электростанций от 25 октября 1943 года №337/А – не отобрали у отпускников паспорта для хранения на предприятии».

Хранение паспортов сезонных рабочих на предприятии выступает здесь как вспомогательный метод привлечения к труду.

Чернораменский торфотрест занимался не только заготовкой торфа, но также и дровозаготовками. В приказе директора треста от 13 августа 1942 года говорилось: «В целях создания большей заинтересованности среди рабочих, прибывающих на предприятия по мобилизации, в освоении работ по заготовке дров и поощрения лучших из них за выполнение и перевыполнение установленных норм выработки приказываю: 1) Ввести на период с 10 декабря с.г. до окончания срока дровозаготовок переходящее Красное Знамя в количестве по одному знамени на участ-

¹ ГАТАНО, ф.Р550, оп.5, д.48, л.112.

² ГАНО, ф.5876, оп.1, д.199, л.105.

ке. 2) Переходящее Красное Знамя присуждать по результатам декадной работы по лучшему звену за перевыполнение установленных норм выработки, но не ниже 110% в декаду. 3) Размер денежной премии членам звена, выполнившим декадное задание: а) от 110 до 125% – 25 рублей, б) от 125 до 150% – 50 рублей, в) свыше 150% – 75 рублей. Количественный состав звена – не менее 6 человек». Так обеспечивалась моральная и материальная поддержка привлечения сезонных рабочих на торфопредприятия.

Весной 1943 года Чернораменский Госсюзтрест торфяной промышленности столкнулся с проблемой нехватки гужевого транспорта для вывозки уже заготовленного леса. Гужевой транспорт в это время использовался на сельскохозяйственных работах. Это явилось причиной того, что районы области не выполняли планов мобилизации лесорубов и коневозчиков. На 17 марта 1943 года Чернораменским торфотрестом было заготовлено 68% дров от планируемого количества. Вывезено из леса 48% плана. 60.000 кубометров заготовленных дров находилось в лесу. Директор треста 18 марта 1943 года приказал, в связи с этим, по возможности снять имевшийся на предприятиях гужевой транспорт с хозяйственных работ и использовать его на вывозке дров.

15 марта 1944 года Горьковский облисполком запретил использование рабочих, закрепленных за торфопредприятиями на работах в колхозах, предприятиях, учреждениях и организациях района, а на самих предприятиях – использование рабочих-торфяников на работах, не связанных с добычей и сушкой торфа.¹ Одновременно с этим, облисполком в своем решении отмечал, что председатели райсоветов Лукояновского и Бутурлинского районов, а также директора Чернораменского, Пырского торфопредприятий и руководитель облместпрома неудовлетворительно выполняли решение облисполкома и ГГКО о доставке на торфопредприятия к 1 апреля всех мобилизованных. Из Лукояновского района прибыло 39% от плана, из Бутурлинского – 46,5%.

Таким образом, обеспечение сезонных работ по добыче торфа рабочей силой существовало как в форме мобилизации населения на весь период войны и прикрепления рабочих к торфопредприятиям, так и в форме привлечения в порядке трудовой повинности на определенный срок и, как правило, для работ, не требующих высокой квалификации.

¹ ГАТАНО, ф.Р550, оп.5, д.66, л.167.

Мобилизация в вооруженные силы обострила вопрос трудоустройства сельского хозяйства. Оккупация Украины в первый период войны ставила под угрозу бесперебойное снабжение армии и населения с/х продуктами. На территории, оккупированной к ноябрю 1941 года, до войны производилось 38% всего валового сбора зерна, 84% сахара. В 1941 году государственные заготовки зерновых культур по сравнению с 1940 годом, сократились с 36.446 тыс. тонн до 24.298 тыс. тонн. Центр сельскохозяйственного производства сместился в восточные районы страны. Здесь расширялись посевные площади и использовалось индивидуальное огородничество.¹ В этих условиях только мобилизация всех трудовых ресурсов могла позволить решать продовольственную проблему.

Партийные и советские органы мобилизовали колхозников, прежде всего, на четкое и своевременное выполнение уборочных работ. Так, Бюро Кзыл-Октябрьского райкома ВКП(б) Горьковской области 5 июля 1941 года постановило: «Обязать первичные партийные организации, исполкомы с/советов и правления колхозов обратить особое внимание и мобилизовать на массовый выход на прополку посевов, ... на обеспечение плана сенокоса, силосования на окончание ремонта с/х машин и уборочного инвентаря».²

Большую помощь в уборке урожая оказывали школьники. В решении Горьковского облисполкома от 7 июля 1941 г. «О привлечении учащихся 7-10 классов неполных средних школ к сельскохозяйственным работам» говорилось: «1. В соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 года, разрешить исполкомам районных и городских Советов привлекать в военное время в организованном порядке учащихся 7-10 классов неполных и полных средних школ к участию в сельскохозяйственных работах колхозов, совхозов и подсобных предприятий. Продолжительность рабочего дня устанавливается от 6 до 8 часов в зависимости от их возраста и характера работы».³ Поскольку не все из учащихся достигали 16 летнего возраста, а следовательно, не могли привлекаться к трудовой повинности, то обращает на себя внимание формулировка «привлечение в организованном порядке», которая использовалась в

¹ История крестьянства СССР в пяти томах. Т.5. Крестьянство СССР накануне и в годы ВОВ (1938-1945). М., 1987. С.147.

² ГОПАНО, ф.64, оп.1, д.562, л.220.

³ ГАТАНО, ф.Р550, оп.1, д.34, л.152.

решении. Это означало, что все учащиеся, привлекаемые с сельскохозяйственным работам, организовывались в бригады, отдельно мальчики и девочки, и обязательно возглавлялись учителем. Исполкомы райсоветов, органы народного образования и директора школ были обязаны немедленно после решения облисполкома приступить к формированию бригад и выделению ответственных лиц – бригадиров.

Учащиеся города Горького направлялись на работы по указанию Областного земельного отдела или по договоренности с исполкомами районных Советов, главным образом, в пригородные районы. Директора совхозов треста пригородных хозяйств и треста живсовхозов были обязаны в трехдневный срок с момента решения облисполкома представить исполкомам райсоветов заявки на выделение бригад школьников, необходимых для полевых работ.

27 сентября 1941 года Горьковский облисполком и обком ВКП(б) постановили привлечь трудоспособное население в порядке трудовой повинности на уборку урожая. Первичным парторганизациям было предложено провести разъяснительную работу среди населения и обеспечить выход на работу всех колхозников, единоличников, служащих, учителей и учащихся. В связи с участием в уборочных работах учащихся 7-10 классов, начало учебы было перенесено на 15 октября.¹

Участие в сельскохозяйственных работах колхозников и школьников было явно недостаточным для реализации поставленных целей. Поэтому 13 февраля 1942 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей».² ГГКО и Горьковский обком ВКП(б) продублировали это постановление 22 апреля. Постановление ГГКО явилось затем предметом обсуждения районных комитетов ВКП(б), которые давали непосредственные указания по мобилизации первичным партийным организациям и исполкомам сельских Советов. Последние должны были проводить широкую разъяснительную работу среди населения райцентров и привлекать их к работе в сельском хозяйстве.

В соответствии с постановлением от 13 февраля 1942 года при облисполкоме был создан и приступил к работе отдел по мобилизации, а в районах области были подобраны и утверждены заведующие мобилиза-

¹ ГОПАНО, ф.64, оп.1, д.563, л.6.

² См. Главу 1.

цией при райсоветах. Всего по районам города Горького и области было назначено 72 заведующих.¹

Решение исполкома облсовета рассматривалось в исполкомах районных Советов, где заведующим мобилизацией вместе с председателями сельских Советов поручалось провести мобилизацию трудоспособного населения районов, служащих государственных, кооперативных и общественных организаций, не работавших на предприятиях промышленности и на транспорте, учащихся средних школ сроком до конца августа 1942 года. Председатели колхозов и сельсоветов под личную ответственность были обязаны обеспечить мобилизованных жильем и питанием. Общий контроль возлагался на заведующих мобилизацией.²

В течение мая 1942 года областной отдел по мобилизации и райсоветы провели большую работу по выявлению трудоспособного населения, студентов и учащихся, подлежащих мобилизации на с/х работы, а также выявили потребность в рабочей силе колхозов и совхозов. Недостаток в рабочей силе был восполнен за счет мобилизации трудоспособного населения внутри сельских районов в количестве 70.000 человек и 29.000 человек городского населения.³

По данным райсоветов, потребность в рабочей силе в колхозах и совхозах области составляла с 1 июня по 1 августа 1942 года 69.000 человек. В соответствии с планом мобилизации на сельхозработы, исполком Облсовета объявил мобилизацию 69.000 человек, из которых 60.000 человек должны были быть мобилизованы внутри сельских районов, 3.000 студентов ВУЗов и техникумов и 6.000 учащихся старших классов средних школ г. Горького.

Прибывавшие по мобилизации в колхозы жители городов не всегда были готовы к выполнению с/х работ. Существовала необходимость их обучения. К 10 июня 1942 года на массовых курсах на базе Горьковского сельскохозяйственного института было подготовлено для работы в сельском хозяйстве 10.500 служащих, учащихся ВУЗов и школ. Специалисты сельхозинститута были направлены в колхозы и МТС. Из общего числа профессорско-преподавательского состава в институте остались только преподаватели, проводившие учебные занятия, имевшие преклонный возраст или заболевшие.

¹ ГАНО, ф.3074, оп.1, д.2797, л. 745–746.

² ГАТАНО, ф.Р550, оп.5, д.50, л.49.

³ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2604, л.160.

Для оказания помощи деревне по вывозу с/х продукции в г. Горьком было мобилизовано 240 грузовых автомашин вместе с водителями на срок с 10 августа до 1 октября.

На местах шло обучение кадров механизации и ремонтников. За август-октябрь 1942 года Чернухинской МТС Арзамасского района Горьковской области было обучено 10 механизаторов и набраны для обучения еще 84 человека.¹

Всего к концу ноября 1942 года для работы в сельском хозяйстве в период уборки урожая было мобилизовано по Горьковской области 103.692 человека. Из них из районов г. Горького – 16.893 человека, в том числе школьников – 7.789 человек. Из городов области было мобилизовано 86.799 человек. Из числа мобилизованных работали в колхозах 97.279 человек, в совхозах – 6.147 человек и в МТС – 299 человек. Мобилизованные выработали 4.572.978 трудодней – в среднем по 40 трудодней на каждого. Школьники выработали, в среднем, по 33 трудодня.

Большинство мобилизованных показали четкую, слаженную работу и добились больших результатов. Учащиеся школы №31 Куйбышевского района г. Горького в колхозах Краснооктябрьского района выработали 13.711 трудодней (или в среднем – по 120 трудодней на человека) и заработали по 10–12 пудов хлеба.

В колхозе «Южный пахарь» Перевозского района мобилизованные студенты Горьковской зубоветеринарной школы на ручном скирдовании хлебов выполняли нормы на 300–350 % и заработали по 25 пудов хлеба.²

Проблема трудоустройства сельскохозяйственного производства решалась, таким образом, как путем привлечения населения к трудовой повинности, так и методом мобилизации. В первом случае речь, как правило, шла о городском населении, не занятом в производстве. Студенты, трудоспособные горожане привлекались к трудовой повинности во время посевных или уборочных работ, т.е. на сезон, и обязаны были трудиться до полного завершения работ. Школьники привлекались в сельское хозяйство в организованном порядке, который был близок по своему смыслу к трудовой повинности, и устанавливался постановлениями правительства и местных органов власти.

Мобилизацию, которая проводилась, как правило, внутри сельских районов, следует понимать, как требование резко увеличить производи-

¹ ГАТАНО, ф.Р770, оп.1, д.10, л.78.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2517, л.39.

тельность труда колхозников, повышение минимума трудодней, отказ от работы на личном участке, жертвование своим собственным свободным временем в пользу общегосударственных интересов. Установленный порядок мобилизации на сельскохозяйственные работы был сохранен до конца войны.

При этом следует отметить, что на протяжении войны в колхозах руководители сталкивались с проблемой отсутствия должного отношения к мобилизации со стороны некоторых колхозников. Так, на заседании правления колхоза «Мировой Октябрь» Арзамасского района 5 января 1944 года выступавшие отмечали: «Из всех выступлений ясно, что ни один участок работы по подготовке к весеннему севу нельзя назвать удовлетворительным... Положение трудное, но не безвыходное... Не может быть, чтобы на работу не вышел весь народ. Нужен подход к людям... по отношению к колхозникам у нас есть две меры – убеждение и принуждение. К тем, кто не понимает убеждения следует применять принудительные меры военного времени».¹ С другой стороны, сами руководящие работники не всегда четко исполняли свои обязанности, что иногда приводило к срывам мобилизационных заданий. Выступая на заседании правления того же колхоза 22 июля 1944 года, колхозник Дубровин говорил: «Колхоз к уборочной не готов. Виноваты здесь сидящие. Мало собираемся и обсуждаем, как будем работать... Бригадиры только здесь еще пишут списки для мобилизации, а в постановлении правительства указано, что мы должны мобилизовать все трудовое население... Пора, товарищи по-боевому включиться в развернутую работу, как требуется».²

Итак, мы можем сказать, что наиболее эффективной формой привлечения рабочей силы на оборонительные и сезонные, а также сельскохозяйственные работы во время войны была, на наш взгляд, трудовая повинность. Это объясняется рядом причин. Во-первых, привлечение к трудовой повинности носило чрезвычайный характер, и меры воздействия на уклонявшихся были более жесткими, чем на тех, кто отказывался от мобилизации. Этим, во многом, обеспечивалась массовая отработка населением своих норм в порядке трудовой повинности. Во-вторых, привлечение к трудовой повинности проводилось на заранее определенный срок. Привлеченные к трудовой повинности граждане, имея пред-

¹ ГАТАНО, ф.Р2908, оп.1, д.9, л.27.

² ГАТАНО, ф. Р2908, оп.1, д.12, л.10.

ставление об объеме предстоящей работы и рассчитывая свои силы и возможности, осознавая свой конкретный вклад в дело победы над врагом, трудились с большей отдачей.

Надо заметить, что все вышеизложенное в большей степени касается жителей городов, привлекавшихся к оборонительным и сельскохозяйственным работам. Жители сельских местностей – трудоспособные колхозники и единоличники – помимо того, что фактически объявлялись мобилизованными на весь период войны введением повышенного минимума трудодней (постановление СНК СССР от 13 апреля 1942 года), также привлекались к трудовой повинности для выполнения оборонительных работ и на дровозаготовки. Это ложилось двойной тяжестью на плечи сельских жителей, поэтому их привлечение к сезонным и оборонительным работам не всегда давало ожидаемый эффект. Это отчасти было связано с характером работ. Трудоемкий процесс дровозаготовок и строительства военных объектов, с одной стороны, и нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве – с другой, приводили к тому, что планы мобилизации на сезонные работы не всегда реализовывались на практике. Тем не менее, за период с января 1943 по июль 1945 года включительно в г. Горьком и Горьковской области было мобилизовано на сезонные и временные работы и привлечено к трудовой повинности 230.300 человек, что составляет 4,3% от числа привлеченных к аналогичным работам в СССР за этот же период.¹

Характер оборонительных и сезонных работ, к которым можно отнести и сельскохозяйственные работы, определял степень заинтересованности государства в поддержании трудовой дисциплины при их выполнении. Оборонительные задания – постройка оборонительных рубежей, монтаж противотанковых «ежей», сооружение спецобъектов и др., как правило, обеспечивались временной рабочей силой. Рабочие для выполнения этих заданий привлекались в порядке трудовой повинности из числа колхозников, домохозяек, лиц, не занятых в производстве, и трудящихся промышленных предприятий. Поскольку работы носили стратегический характер, состояние трудовой дисциплины при их проведении было особо значимым фактором. С другой стороны, краткосрочность работ и тяжелые условия труда нередко приводили к ее нарушениям. Это относилось и к сезонным работам, выполнявшимся в порядке трудовой повинности и мобилизации. Среди них – дровозаго-

¹ Подсчитано автором по: ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.25, л.53.

товки, заготовки торфа, погрузочные работы, сельскохозяйственные работы.

Несколько в ином ракурсе, на наш взгляд, следует рассматривать дисциплину труда в колхозах. Прежде всего потому, что сельское население не сталкивалось с проблемой обеспеченности жильем и другими бытовыми проблемами, как это имело место на сезонных работах (особенно, если рабочие привлекались в другую местность), и, в силу этого, легче переносило тяготы сельскохозяйственных работ. Поэтому нарушения в области трудовых отношений в сельском хозяйстве, как правило, не носили радикального, злостного характера. Ответственность за эти нарушения не была такой жесткой, как, например, за отказ от трудовой повинности. Дисциплина труда в колхозах определялась, прежде всего, степенью четкости выполнения установленного минимума трудовых дней. В условиях коллективного ведения хозяйства успехи в работе сельхозартелей зависели, в первую очередь, от полноценного участия в производстве всех колхозников.

Правительство обращало особое внимание на поддержание дисциплины труда в колхозах. Помимо прочих, использовались методы идеологической поддержки. В 1943 году «Известия» в передовой статье приводили слова М.И. Калинина: «Колхоз – это фабрика хлеба, и дисциплина в нем во время войны должна быть железной. Колхоз, плохо работающий, кое-как использующий землю не выполняет свои обязанности перед государством, совершает преступное дело, помогает врагу». ¹ Как видим, состояние трудовой дисциплины в сфере производства являлось определяющим фактором в успешном функционировании военной экономики. В связи с этим, государство старалось принимать необходимые меры для борьбы с нарушителями дисциплины труда.

Трудовая дисциплина при выполнении сельскохозяйственных и оборонительных работ в первые месяцы войны находилась на достаточно высоком уровне. Патриотические настроения в ответ на вероломное нападение Германии на СССР вызвали у большей части населения искреннее желание трудиться с еще большей нагрузкой, чем до войны для приближения победы. Во многих колхозах значительно повысилась трудовая дисциплина. Имелись факты, когда некоторые колхозники по возрасту или другим причинам не работали в колхозе в течение двух и бо-

¹ Известия. 1943 г., 13 июля.

лее лет, но после объявления всеобщей мобилизации вновь вышли на работу.

Тем не менее, в начале войны имелись и обратные примеры. Согласно спецдонесению прокурора Горьковской области Осипова Прокурору СССР, за время с 22 июня по 8 августа 1941 года в области по статье 59(6) УК РСФСР было возбуждено 4 уголовных дела, из них два – за отказ от работы на объектах оборонного значения. ¹ Причины нежелания работать на оборонных объектах были различными. Например, «единоличник» Смирнов, как его характеризует автор спецдонесения, уклонялся от выхода на работу по строительству военного объекта в порядке трудгужповинности. Свой отказ он мотивировал несоответствием характера работ его религиозным убеждениям. Смирнов, как верующий человек, отказывался участвовать в каком-либо строительстве военного характера. Работникам правоохранительных органов он заявил: «...тело мое Вы можете взять, но душу я сохранию для бога». ²

В связи с проведением трудгужповинности, в ряде районов области в августе 1941 года районным прокурорам были даны указания по применению статьи 59(6) УК РСФСР. Согласно этим указаниям, статья должна была применяться в особо злостных случаях. В остальных случаях рекомендовалось применять административные взыскания. За период с 15 по 20 августа 1941 года по районам области были привлечены за отказ от выполнения трудовой повинности по статье 59(6) 8 человек.

В числе причин нежелания населения подчиняться мобилизационному законодательству могли быть некорректные действия со стороны самих властных структур. Так, в июле 1941 года проведенная облпрокуратурой проверка вскрыла факты неправильных действий при мобилизации со стороны некоторых райсоветов г. Горького. Например, заседание Сормовского райсовета 5 июля 1941 года вынесло решение о введении с 5 по 8 июля включительно обязательной трудовой повинности по рытью и укреплению бомбоубежищ. Этим же решением было предложено имевшийся в наличии у населения лесоматериал использовать для оборудования бомбоубежищ и подвалов. В спецдонесении прокурора области эти действия справедливо были названы незаконными, поскольку, согласно Указу Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 года «О во-

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14, л.35.

² Там же.

енном положении», проведение такого рода мероприятий находилось в компетенции военных властей.¹

Исполком Сормовского райсовета через своих уполномоченных с помощью работников милиции начал отбирать у граждан без их согласия лесоматериалы и дрова для укрытия щелей, причем, это изъятие не оформлялось какими-либо документами.² Решение райсовета было опротестовано и отменено, как и аналогичное решение Сталинского райсовета.

Трудовая мобилизация на строительство оборонительного рубежа проводилась грамотно и четко, о чем свидетельствует завершение работ в намеченный срок к январю 1942 года. Более 80 человек за отличную работу были награждены орденами и медалями СССР. Еще 500 человек получили Почетные грамоты, премии и благодарности. Но наряду с проявлением героизма на трудовом фронте имели место и случаи уклонения от участия в оборонительных работах. Такие действия рассматривались советским уголовным законодательством военного времени как преступные и квалифицировались по статье 59(6) УК РСФСР.

В качестве примера применения этой статьи можно привести следующее. 17 ноября 1941 года следователь Арзамасского района, ознакомившись с устными заявлениями колхозников Четвертаковского колхоза «Борьба», постановил возбудить уголовное дело по статье 59(6) УК на гражданина Данилина М.Ф.³ Согласно заявлениям колхозников, Данилин М.Ф., 1920 года рождения, будучи послан на строительство оборонительного рубежа в район города Муром, со строительства сбежал и за собой увлек всех четвертаковских колхозников. 17 ноября 1941 года следственными органами был проведен допрос обвиняемого. Данилин показал, что 4 ноября был направлен колхозом на строительство оборонительного рубежа сроком на 7 дней. Отработав 9 дней, с работы самовольно ушел. Основной причиной ухода, по объяснению Данилина, было то, что у него «вышел весь хлеб». Данилин не признался в том, что агитировал колхозников уйти со строительства, но показал, что вместе с ним ушла Соколова Н.М. На допросе Соколова сказала, что ушла с работы вследствие агитации Данилина, который, якобы, говорил

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3 1941-1952. М., 1968. С.35.

² ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14, л.27.

³ ГАТАНО, ф.Р2908. оп.1А, д.47, л.1.

«...давайте дезертируем. За это ничего не будет». Кроме этого, на строительстве Данилин «вел себя вызывающе, играл в деньги и хулиганил». Допрошенный в качестве свидетеля председатель Четвертаковского колхоза и одновременно руководитель колонны на строительстве Соколов показал при следствии, что продукты и хлеб были в достаточном количестве, и оснований для дезертирства не было. Такой, по показаниям свидетелей и согласно сухому языку протокола, рисуется нам фигура нарушителя трудовой дисциплины на оборонительных работах. В обвинительном заключении говорилось: «Данилин обвиняется в том, что, будучи послан в порядке трудовой повинности на строительство военного объекта в район города Муром, в условиях военного времени со строительства позорно сбежал и увлек за собой всех колхозников Четвертаковского колхоза. То есть, в преступлении, предусмотренном статьей 59(6) УК РСФСР».

Приговор, подписанный 24 ноября 1941 года, определял меру наказания в виде лишения свободы сроком на 5 лет. Через несколько дней после вынесения приговора, Данилиным была написана кассационная жалоба, в которой он просил смягчить меру наказания. Учитывая то, что Данилин явился подстрекателем ухода с работ, суд оставил приговор в силе, а жалобу Данилина без удовлетворения.

Работа на строительстве оборонительного рубежа была тяжелой, часто сопровождалась нарушением техники безопасности. 24 ноября 1941 года на строительстве 1 участка 2 района 4 полевого строительства в Богородском районе в результате несчастного случая 4 человека были убиты и 16 ранены. Причина – непринятие мер предосторожности при закладке взрывчатых веществ.¹ Это, в частности, стало причиной нестабильного положения в области с трудовой дисциплиной. Часто бегство со строительства было связано с налетами вражеских самолетов. Против всех виновных в подобных преступлениях прокуратурой были возбуждены уголовные дела по статье 59(6) УК РСФСР.²

Иногда простои и прогулы на работах, а также уходы с работ были вызваны неудовлетворительной организацией труда. Так, в ноябре 1941 года в Лысковском районе рабочие два дня совсем не работали из-за отсутствия инструментов, а затем вынуждены были ходить по деревням и собирать у крестьян лопаты, ломы и топоры. Имели место факты, ко-

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14, л.95.

² Там же, л.91.об.

гда один человек работал, а 5-10 человек ожидали, чтобы его заменить.¹ Аналогичное положение с организацией труда наблюдалось и в других районах.

Трудовая дисциплина на ряде строительных участков по донесению прокурора области, находилась на низком уровне. Это объяснялось следующими причинами: нерациональное использование труда, недостаток теплой одежды, и т.д. Так, например, в Павловском районе в ноябре 1941 года на одном из участков строительства не вышли на работу 4.600 человек, что составляло 17% всех работавших. Значительное количество из них сделали это потому, что в выданных им справках было указано, что на работу они посылаются до 15 ноября и после этого они считали себя свободными.² Такая форма привлечения к трудовой повинности, при которой в повестках указывались сроки мобилизации, облегчала ее проведение. С другой стороны, такие действия со стороны местных властей были неправомерны, поскольку население, согласно Положению от 18 июля 1927 года «О порядке привлечения населения к трудовой и транспортной повинности», привлекалось на работы на срок до их окончания, а максимальные сроки привлечения (два месяца) были установлены только в августе 1942 года. Поэтому выдача командировочных удостоверений привлекавшимся к работам в постановлении ГГКО справедливо была названа «обманом населения». В такой ситуации местным властям следовало продлить сроки мобилизации, но этого не было сделано.

На одном из участков Лысковского района 15 и 16 ноября из работавших там 1.400 человек самовольно ушли домой свыше 50%. В большом количестве ушли учащиеся 9-10 классов школ и РУ, которые не были обеспечены теплой одеждой и обувью. К 24 декабря 1941 года за злостный отказ и уход с работы были осуждены 128 человек, в том числе за уход – 95 человек и за отказ работать – 33 человека.³ Судебная политика по этим делам прокуратурой была признана правильной. Уход с работы и отказ квалифицировались по статье 59(б) УК и мера наказания назначалась от 2 до 10 лет лишения свободы. Следствие по этим делам, как правило, проводилось в один-три дня.

¹ Там же, л.94.об.

² Там же.

³ ГАНО, ф. 5980, оп.2, д.14. л.94.об.

В ряде районов судебные процессы, в целях укрепления трудовой дисциплины, были проведены непосредственно на строительных участках. Это было одним из способов борьбы за укрепление трудовой дисциплины. В Выксунском районе в ноябре 1941 года было проведено 10 процессов, на которых присутствовало до 700 человек на каждом. Эти процессы имели большое значение и использовались властью в качестве «устрашающих», превентивных мер воздействия на потенциальных дезертиров. До проведения процессов в районе с работы ушло около 1.500 человек. После судов самовольные уходы прекратились.

Всего за ноябрь 1941 года по Горьковской области за уклонение от работ на строительстве оборонительного рубежа было привлечено к уголовной ответственности 147 человек. Дела рассматривались в 1-2 дня. В основном правильно привлекая к уголовной ответственности лиц, злостно уклонявшихся от трудовой повинности, отдельные райпрокуроры допускали безосновательное предание трудящихся суду. Подобные случаи рассматривались прокурором области, и дела либо прекращались, либо были переквалифицированы.

Одной из причин имевшего место негативного отношения трудящихся к мобилизации было нарушение законности при ее проведении. Проверка, проведенная облпрокуратурой в декабре 1941 года, показала, что в нескольких районах области местные власти формально подходили к выполнению постановлений ГКО о привлечении населения к трудовой повинности. В Работкинском районе работу по привлечению населения райсовет переложил на сельские Советы, которые привлекали к трудовой повинности всех без исключения женщин до 55 лет, в том числе имевших грудных детей, и мужчин до 60 лет, часто нетрудоспособных.¹ В связи с этим, прокуратурой были приняты меры по устранению подобных действий.

В некоторых районах области не был решен вопрос о судьбе скота, принадлежавшего мобилизованным. Это, с одной стороны, ставило под угрозу сохранность скота, а с другой, – увеличивались случаи самовольного ухода со строительства. В результате принятых прокуратурой мер по проведению открытых судебных процессов, трудовая дисциплина на строительстве укрепилась. Тем не менее, на отдельных участках она продолжала оставаться неудовлетворительной. На участке полевого строительства в г. Дзержинске за один день 148 человек прогуляло и 109

¹ ГАНО, ф. 5980, оп.2, д.14, л.98.

человек самовольно ушло с работы. С начала работ с этого участка сбежало 1.157 человек, хотя не все привлекались к ответственности.¹

С установлением холодной погоды, в связи с неполным обеспечением трудящихся теплой одеждой, трудовая дисциплина на некоторых участках падала, а дезертирство увеличивалось. Мотивами ухода, по объяснениям нарушителей, были плохие жилищные и санитарные условия. Женщины мотивировали тем, что дома остались дети, скот и т.д. Органам прокуратуры иногда удавалось вернуть ушедших на работу, не прибегая к мерам судебной репрессии. В Дивеевском районе со строительства ушло 112 человек, но после вызова их в прокуратуру через 10 дней большинство из них вернулось обратно на работу.

В Кулебакском районе имели место случаи задержания и возвращения на работу групп по 50-60 человек. Прокуратурой здесь было организовано семь судебных процессов, которые были освещены в печати. Приговоры по этим делам стали достоянием широкой гласности. Так, например, на 8 лет был осужден рабочий завода №392 Рогожин, который сбежал со строительства. Работая на заводе, он систематически нарушал дисциплину, за что был дважды судим. Две домохозяйки, не имевшие детей (Коршунова и Сергеева), категорически отказались от приема повесток на мобилизацию. Обе они были осуждены на 5 лет лишения свободы. Следствие по этим делам заканчивалось в один день. В результате проведения этих показательных процессов состояние трудовой дисциплины значительно улучшилось.

Несомненно, что такая жесткая политика в отношении нарушителей была вызвана необходимостью повысить эффективность труда в условиях военного времени. Эти факты говорят о том, что борьба за трудовую дисциплину в годы войны имела целью не огульное осуждение всех нарушителей, не увеличение показателей количества осужденных, а максимальное привлечение к труду всего трудоспособного населения и ликвидацию нерационального использования рабочей силы. По неполным данным на 10 декабря 1941 года по статье 59(б) УК было привлечено с начала работ 186 человек.²

Проблема трудовой дисциплины на строительстве оборонительного рубежа являлась предметом обсуждения на заседании ГГКО 6 декабря 1941 года. Председатель ГГКО М.И. Родионов в своем выступлении

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14, л.98.об.

² Там же.

уделил особое внимание этому вопросу и выразил беспокойство по поводу недостаточной степени ответственности некоторых руководящих работников: «О невыходах. Что-то о них очень легко говорят. Предположим, 25 тысяч человек одетых, обутих, накормленных, снабженных инструментом и пришедших на работу, не выходят на эту работу. Так в чем же тут дело? Дело в порядке, в дисциплине, дело в четкости политического и хозяйственного аппарата на стройке. Значит, нет требовательности, значит, все сходит с рук, значит, руководители только возмущаются, а действенных мер не принимают. Надо потребовать от руководителей полевых строителей, от партийных и советских органов, чтобы это было немедленно прекращено». Как видно из источника, причинами дезертирства не всегда являлись тяжелые бытовые условия и необеспеченность продуктами. Председатель ГГКО, призывая к повышенной требовательности и к прекращению подобных нарушений, возлагал ответственность за эти мероприятия на партийные и советские органы.

Следует сказать, что слова руководителя ГГКО, видимо, возымели действие. По данным прокуратуры, за последнюю декаду декабря 1941 года трудовая дисциплина на строительстве оборонительного рубежа значительно укрепилась. Однако на отдельных участках строительства все еще наблюдались случаи злостного уклонения от работ. За указанный период по статье 59(б) УК было возбуждено 14 дел, по которым было привлечено к суду и осуждено 15 человек. Характерными были следующие дела: Осташкин, 1908 года рождения дважды бежал с работ в декабре 1941 года. Был предан суду по статье 59(б). Дважды бежала с работы гражданка Гугушкина, 1903 года рождения. Она также была предана суду. В Бутурлинском районе самовольно ушли с работы 240 человек. После того, как 2 человека, бежавших с работы, были осуждены к лишению свободы на разные сроки, остальные лица возвратились на строительство.

Аналогичное положение было в деревне Мемошихе Краснобаковского района. Жителей этой деревни с оборонительного рубежа бежало 13 человек. За злостное уклонение от работ была арестована гражданка Балакирева и предана суду. Остальные после этого немедленно возвратились на работу. Нарушители трудовой дисциплины в ряде случаев привлекались к суду по указу от 26 июня 1940 года, а в отдельных, осо-

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14, л.98.об.

бо злостных случаях, — по статье 59(6) УК. В Выксунском районе в декабре было рассмотрено около 100 дел по указу от 26 июня 1940 года.

Следует заметить, что количественные показатели нарушений трудовой дисциплины иногда возрастали из-за того, что со строительства уходили незаконно мобилизованные на работы старики старше 55 лет, больные и инвалиды.

Оценивая состояние трудовой дисциплины на строительстве оборонительного рубежа, на наш взгляд, не следует сгущать краски. Количество нарушений, в сравнении с числом всех привлеченных к работам, было невелико. В целом дисциплина труда была удовлетворительной. Однако по разным причинам имели место факты грубых и массовых нарушений, что вызывало справедливую обеспокоенность руководящих работников. Методы поддержания высокого уровня трудовой дисциплины были жесткими, но необходимыми в годы войны. Сюда, прежде всего, нужно отнести судебную практику привлечения к уголовной ответственности и «устрашающие» методы в виде показательных процессов, освещение их в прессе. Большую роль играла, также, идеологическая работа.

В отличие от сельскохозяйственных работ, оборонительные и сезонные работы требовали большей отдачи со стороны трудящихся. Они, как правило, выполнялись вдали от постоянного места жительства мобилизованных рабочих. Обстановка требовала выполнения работ при любых погодных условиях. Трудности бытового обеспечения сезонных работ усугубляли и без того тяжелые условия, в которых приходилось работать женщинам, подросткам, старикам. Этими обстоятельствами часто объяснялись случаи нарушения трудовой дисциплины, особенно после 1941 года.

В первые месяцы войны чрезвычайные меры по организации сезонных работ не вызвали положительной реакции со стороны населения. Все мобилизуемые строго следили за соблюдением сроков мобилизации. В случаях, когда эти сроки не оговаривались, или продлялись без своевременного извещения рабочих, возникали проблемы, связанные с нарушениями дисциплины труда. 1 и 2 сентября 1941 года на торфоболотах Кулебакского торфопредприятия Горьковской области имел место массовый невыход рабочих. Постановление Совнаркома о продлении срока договоров торфопредприятий с рабочими до 1 октября 1941 года было доведено до сведения последних только 31 августа. Не была проведена массово-разъяснительная работа. Это привело к тому, что 1 сен-

тября по мотивам окончания срока договора не вышли на работу 89 человек, 2 сентября отказались выйти на работу 97 человек. Еще 49 человек, не получив расчета, самовольно ушли с работы и направились к месту жительства.

По сообщению прокурора Горьковской области, на уход рабочих в известной степени повлияло и введение карточной системы на хлеб. До 1 сентября рабочие на добыче торфа получали 1.700 гр. хлеба, а с введением карточной системы — 800 гр.¹ Директор торфопредприятия, не приняв мер к возвращению рабочих, не поставив в известность РК ВКП(б) и райисполком, обратился в прокуратуру с просьбой о привлечении к ответственности по указу от 26 июня 1940 года всех не вышедших на работу. Работники прокуратуры и суда выехали на место, где разъяснили рабочим постановление СНК о продлении сроков договора. 2 сентября на торфоболото выехали работники РК ВКП(б) и НКВД, которые так же провели массово-разъяснительную работу. В результате 3 сентября работа на добыче торфа была продолжена. Из 49 человек удалось вернуть на работу 25.² Виновные в допущении этих нарушений, в частности директор торфопредприятия, были привлечены к партийной ответственности.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 сентября 1942 года и решением исполкома Горьковского облсовета от 16 октября 1942 года население Горьковской области привлекалось на дровозаготовки. В Арзамасском районе выполнение планов по заготовке дров находилось на низком уровне. Из 205 мобилизованных из числа неработающего населения города фактически занималось дровозаготовками только 27 человек.³ Большинство из невышедших на работу были членами семей красноармейцев, поэтому материалы на них в суд исполкомом горсовета не передавались.

В апреле 1945 года 14 рабочих завода № 178 г. Горького самовольно ушли с дровозаготовок. Мотивировали они свой отказ тем, что условия работы в лесу были значительно хуже, чем на заводе. Администрация дровозаготовительного предприятия не создала для работы нормальных условий.⁴ На Чернораменском торфопредприятии прокуратурой Горь-

¹ ГОПАНО, ф.3. оп.1, д.2121. л.255.

² Там же.

³ ГАТАНО, ф. Р322, оп.2, д.82, л.56.

⁴ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.63.

ковской области были выявлены грубые нарушения трудового законодательства со стороны администрации, которые привели к невыходам на работу. Рабочие, прибывавшие на разгрузку торфа, не были обеспечены спецодеждой, питанием. Часто рабочие работали по колено в воде по 12 часов в сутки.¹ Помещения, где они могли бы просушить свою обувь и одежду, не было. Не было кипяченой воды, вследствие чего рабочие были вынуждены пить сырую болотную воду. В результате такой организации труда, которая была названа в отчете прокурора преступной, погрузка торфа на ГОГРЭС была сорвана. Произошло аварийное снятие нагрузки электростанции. За допущение этих нарушений начальница 5-го участка торфопредприятия Сокрюкова была привлечена к уголовной ответственности.

Осенью 1941 года, когда пришла пора уборки урожая, одновременно с проведением трудовой мобилизации в сельское хозяйство местные власти решали вопрос укрепления трудовой дисциплины. 10 ноября 1941 года бюро Горьковского Обкома ВКП(б) приняло постановление «О рабочем дне в колхозах». Принятие этого Постановления было продиктовано результатами проверки, проведенной в районах области. Эта проверка показала, что во многих колхозах Дивеевского, Ардатовского, Б.-Болдинского и других районов наблюдались недопустимые в военное время нарушения трудовой дисциплины. «Утром выходят на работу в 7 и даже в 9 часов утра. Обеденный перерыв длится 3-4 часа. Вечером работа в поле кончается рано. Таким образом, рабочий день в колхозах длится не более 7-8 часов. В дождливое время, как правило, все работы в поле прекращаются», – говорилось в постановлении.²

В связи с таким положением дел, бюро обкома постановило обязать райкомы ВКП(б) принять меры к тому, чтобы «немедленно покончить с распушенностью трудовой дисциплины в колхозах, обеспечить выход на работу не позднее 5-6 часов утра. В дождь можно косить хлеб вручную».³ Для лучшей организации выхода на работу в постановлении предлагалось извещать колхозников по утрам о начале работ двумя сигналами. Первый, предупредительный, – за полчаса до начала работ. Продолжительность перерыва устанавливалась не более двух часов. Предлагалось организовать питание колхозников в поле. Это частное

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.63.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2060, л.90.

³ Там же.

решение наглядно характеризует отношение местных властей к состоянию трудовой дисциплины.

27 сентября 1941 года Горьковский облисполком и обком ВКП(б) постановили привлечь трудоспособное население в порядке трудовой повинности на уборку урожая. Однако не всеми колхозниками оно было воспринято как необходимое. 30 сентября на заседании бюро Кзыл-Октябрьского райкома ВКП(б) Горьковской области много говорилось о состоянии трудовой дисциплины в районе. Проверкой, проведенной в колхозе «Кзыл-Юлдус» было установлено, что, не смотря на постановление райисполкома о привлечении на уборку урожая в порядке трудовой повинности, на практике имелись нарушения. Так, 29-30 сентября 1941 года на работу не выходило до 30 человек трудоспособных колхозников.¹ В том числе не выходили на работу члены семей руководящих работников, как то: жены заместителя председателя колхоза, бригадиров и других колхозных руководителей. «Руководство колхоза, сельского Совета и первичной парторганизации вместо разъяснения Постановления... занялись хныканьем и не приняли законных мер к дезорганизаторам»,² – так характеризовалась в постановлении работа местных руководящих органов.

Бюро Кзыл-Октябрьского райкома постановило разъяснить председателю колхоза Хафизову, что невыполнение данного решения могло привести к принятию строгих мер партийного воздействия. Первичной партийной организации и исполкому сельсовета было поручено широко развернуть массово-разъяснительную работу среди колхозников, помочь правлению колхоза в обеспечении поголовного выхода колхозников на работу.

Партийные организации с началом войны перестраивали свою работу в соответствии с условиями военного времени. Характер этих изменений отражен в справках, предоставлявшихся инструкторами организационного отдела обкома ВКП(б) своему руководству. Первичная парторганизация Б.Мамлеевского колхоза Лукояновского района в самом начале войны своевременно подняла вопрос об укреплении трудовой дисциплины, пересмотрела состав агитаторов, пополнила агитколлектив новыми силами. Агитаторы ежедневно проводили беседы, широко разъясняли речи В.М.Молотова и И.В.Сталина, постоянно обращали

¹ ГОПАНО, ф.64, оп.1, д.563, л.3.

² Там же.

внимание на состояние трудовой дисциплины в беседах с колхозниками, разоблачали дезорганизаторов производства. В результате этого, дисциплина в районе заметно улучшилась. Например, колхозница Чугунова, 68 лет, при норме 125 снопов убирала по 200-250, колхозница Отлейкина выработывала на жнитве 150-160%.¹

Такие успехи в области укрепления трудовой дисциплины вызвали, как отмечалось в справке инструктора обкома ВКП(б), успокоенность парторганизации колхоза. Уменьшилось количество агитаторов, перестала выходить стенгазета, меньше стало проводиться бесед с колхозниками и дисциплина вновь ухудшилась. Колхозники занялись своими усадьбами и нерегулярно стали выходить на колхозную работу. 26 сентября не было убрано 350 гектаров яровых, к рытью картофеля приступила только одна бригада. Жатва озимых вместо 10 августа закончилась 25 августа, осенний сев вместо 28 августа закончили 15 сентября. Из источника видно, что часто дисциплина труда в колхозах зависела от активности идеологической работы.

Деревня обладала своими внутренними ресурсами. В их числе — нигде не работавшие сельские жители, не являвшиеся членами колхоза. В донесении прокурора Горьковской области Прокурору СССР за последнюю декаду октября 1941 года приводились данные об имевшихся случаях нарушения дисциплины при проведении трудовой повинности. Отдельные лица оказывали противодействие властям, категорически отказывались от участия в трудовой повинности. В результате был возбужден ряд дел по статье 59(б) УК, а в некоторых районах — по статье 61. Дела эти быстро рассматривались судами. Так, например, была осуждена по статье 59(б) на три года лишения свободы гражданка Леонтьева. В течение 5 лет она нигде не работала, была исключена из колхоза, и на предложение работать в колхозе в порядке трудовой повинности, заявила: «Работать в колхозе не буду, дайте мне работу по моей квалификации».²

В ряде колхозов трудовая дисциплина продолжала оставаться на низком уровне. В колхозе «Красная Волна» Бутурлинского района колхозницы Кротова и Лисицина в 1941 году не выработали ни одного трудодня. На предложение идти работать в колхоз ответили отказом и 23 сентября первыми начали рыть картофель на своих участках. Их приме-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2192, л.87.

² ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14, л.85.

ру последовали другие «неустойчивые» колхозники в количестве 22 человек. Их невыход на работу продолжался в течение нескольких дней до привлечения к уголовной ответственности Кротовой и Лисициной. Обе они были приговорены к пяти годам лишения свободы.¹

После выхода 13 апреля 1942 года Постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» трудовая дисциплина на сельскохозяйственных работах стала предметом пристального контроля со стороны органов власти.

В июле 1942 года Горьковской облпрокуратурой была проведена проверка выполнения этих постановлений. В частности, проверялась правильность привлечения к уголовной ответственности колхозников, не выработавших без уважительных причин обязательного минимума трудодней. По данным, полученным из 32-х районов области на 20 июня 1942 года, к уголовной ответственности было привлечено 989 человек, из которых было осуждено 575 человек. Остальные дела находились в стадии рассмотрения. Наибольшее количество дел было возбуждено в Семеновском районе Горьковской области. Здесь было рассмотрено 146 дел, по которым было осуждено 119 человек, по остальным — были вынесены оправдательные приговоры, а дела прекращены.² Изучение прокурором области дел в Семеновском и Кстовском районах показало, что привлечение к уголовной ответственности за невыработку минимума трудодней, за исключением отдельных случаев, было правильным. Минимум, как правило, не выработывался по причинам, которые признавались уголовным законодательством неуважительными. Основными мотивами, по объяснению обвиняемых, были следующие: 1) отсутствие у них хлеба, за которым они ездили за пределы района, и 2) отсутствие свободного времени вследствие занятости в своем хозяйстве. Наряду с тем, что в большинстве случаев предание суду колхозников было правильным, имелся ряд фактов неправильного направления материалов в суд. По этим делам выносились оправдательные приговоры. Так, например, работница колхоза «Рассвет» Семеновского района Горьковской области Морозова не выработала минимума трудодней, поскольку

¹ Там же, л.85.об.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2694, л.15.

имела троих детей в возрасте от 7 месяцев до 6 лет, которых она не могла поместить в ясли.¹

Необходимо отметить, что реализация постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года значительно улучшила трудовую дисциплину в колхозах. Эти постановления, помимо репрессивной функции, играли роль «превентивного удара» по потенциальным дезертирам и дезорганизаторам сельскохозяйственного производства. Колхозница Царапкина Стреженского колхоза Семеновского района выработала 15,65 трудодней, а когда узнала, что материал на нее передается в суд, в течение 8 дней июня выработала 17,5 трудодней.

Большое значение в русле мероприятий, проводимых партийными и советскими органами по укреплению дисциплины в колхозах, имела идеологическая, разъяснительная работа. От того, насколько хорошо рядовые колхозники были осведомлены о постановлениях правительства, подчас зависела их реализация. Например, в Кстовском районе Горьковской области постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о повышении минимума трудодней выполнялось неудовлетворительно. Это было связано с тем, что не всем колхозникам оно было разъяснено. В одной из деревень района из 250 членов колхоза с постановлением ознакомлено было 80 человек.² В результате, показатели состояния трудовой дисциплины в районе находились на низком уровне. Из 348 человек трудоспособных колхозников Безводнинского колхоза 137 человек не приступало к работе на 25 июня. 152 человека по состоянию на 1 июля 1942 года выработали менее 30 трудодней. По колхозу имени 18 съезда ВКП(б) из 168 человек трудоспособных не выработали минимума 56 человек, в том числе, 22 человека не выработали и десяти трудодней. В колхозе «Завет Ленина» Кстовского сельсовета из 150 человек трудоспособных не выработали минимума 49 человек, совсем не приступали к работе 8 человек.

Учитывая то, что в большинстве колхозов с 10 мая 1940 года были открыты ясли, инструктором сельхозотдела Горьковского обкома ВКП(б) причины невыполнения минимума трудодней были признаны неуважительными. В качестве недостатков по руководству колхозами были названы отсутствие практики передачи дел на нарушителей в суды, а также слабое освещение в печати статотчетов о нарушениях.

¹ Там же.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3018, л.69.

Печать, как действенная форма борьбы за трудовую дисциплину, активно использовалась в Арзамасском районе. В газете «Арзамасская Правда» на протяжении всего периода войны встречались публикации, посвященные проблемам дисциплины труда в сельском хозяйстве. «Какие меры принимаются к бездельникам и лодырям в Медыньском колхозе?» – спрашивала автор одной из заметок Е.Иванова. По ее мнению в колхозе «свыклись с антигосударственными нравами лодырей, либерально относятся к ним... К лодырям должны быть приняты строгие меры воздействия».¹ «Лодырь – враг колхоза» – этот лозунг наглядно характеризует отношение к уклонявшимся от мобилизационных мероприятий в военное время. В «Арзамасской Правде» не стеснялись публиковать нелицеприятные данные, характеризовавшие состояние трудовой дисциплины, справедливо считая, что это поможет улучшить положение. А такие данные имелись. Например, проверка, проводившаяся в колхозах района, показала, что в некоторых сельхозартелях имелись люди, не только не выработавшие минимума, но и вообще не имевшие ни одного трудодня с начала года. В Саблуковском колхозе в мае 1942 года таких колхозников оказалось 250, в Казаковском – 200.

В Работкинском районе в июне 1942 года для разъяснения постановления СНК о минимуме трудодней бюро РК ВКП(б) мобилизовало весь районный и сельский актив по колхозам, были проведены широкие колхозные собрания, а также собрания бригад, звеньев и десятидворок. В результате показатели трудовой дисциплины в районе находились на достаточно высоком уровне. Из 7.038 трудоспособных членов колхозов по району к 16 июня выработали минимум трудодней 6.211 человек или 90%, не выработали минимума – 827 человек. Из них по причине отсутствия яслей и болезни детей – 612 человек и без уважительных причин – 215 человек.

Имелся ряд колхозов, где все колхозники выработали полностью минимум трудодней: колхоз «Парижская коммуна» – 138 человек, «Коммунист» – 107 человек.² Во всех колхозах были заведены табели выработки трудодней, а также доски показателей выработки по бригадам. Налаженная работа по организации труда приводила к положительным результатам: в колхозе им. Сталина 68-летний колхозник Пешкин Н.П. выработал 200 трудодней, 65-летняя колхозница Бардина А.Н. –

¹ Арзамасская Правда. 1942 год. 24 мая.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3018, л.74.

182 трудодня. Там же, где руководство колхозами находилось на низком уровне, соответственно страдала и трудовая дисциплина. В полеводческой бригаде колхоза «Маяк» Работкинского района Горьковской области за короткий период сменилось 7 бригадиров, документация была утеряна, колхозники не знали, сколько трудодней выработал каждый из них. Как следствие – имели место факты отказа выходить на работу.

Шатковский райком ВКП(б) в июне 1942 года организовал массово-разъяснительную работу среди колхозов района. Бюро райкома ВКП(б) выделило 23 агитатора в помощь секретарям первичных парторганизаций, председателям сельсоветов и колхозов. Постановление СНК обсуждалось на партсобраниях, сессиях сельсоветов, общих собраниях колхозников, по бригадам, звеньям, десятидворкам и было доведено агитаторами до сведения большинства колхозников. На общих собраниях после выявления отсутствовавших агитаторы ходили к ним на дом и разъясняли суть постановления. В результате проведенной работы число невыработавших минимум сокращалось. Из общего числа (12.325) трудоспособных колхозников района к 17 июня 1942 года не выработали минимума 2.651 человек. Из них по болезни – 684 человека, злостно уклонялись от работы – 324 человека.

Остро стояла в районе проблема постройки детских яслей, что отрицательно сказывалось на эффективности труда женщин. На 79 колхозов района было открыто всего 25 яслей, из них 12 были открыты после 1 июня 1942 года.

Суд и прокуратура, со своей стороны, также принимали участие в массовой разъяснительной работе в колхозах. Для этих целей использовалась аудитория судебных процессов во время выездных заседаний в колхозах. Решения судов зачитывались при большом количестве присутствовавших.

После введения в действие постановления СНК СССР от 10 августа 1942 года руководящими органами стало уделяться больше внимания случаям отказа от выполнения трудовой повинности. Интересно, что в качестве идеологической поддержки введения трудовой повинности использовалась публикация документов В.И.Ленина, ранее не публиковавшихся, например, его письмо в отдел топлива Моссовета от 16 июля 1920 года. Ленин писал: «Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из лесов достаточное количество дров... Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны не только аресты всех ответственных лиц, но

и расстрелы. Нетерпима бездеятельность и халатность. С коммунистическим приветом, Ленин».¹

Патриотизм колхозного крестьянства, а также сочетание методов идеологического и репрессивного характера в отношении дезорганизаторов сельскохозяйственного производства привели в конце 1942 года к положительным результатам. Выступая на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1942 года, И.В.Сталин в своем докладе говорил: «В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы преобразилась не только наша страна, но и сами люди в тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте – перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше».²

Несомненно, что для такого заявления у руководителя государства были определенные основания. К концу 1942 года, на наш взгляд, в сознании народа окончательно укрепилась мысль о необходимости подчинять свой труд интересам государства, организовывать свой труд по-военному, соответственно возраставшей требовательности к укреплению трудовой дисциплины со стороны государства.

Одним из методов борьбы за трудовую дисциплину в колхозах области была поголовная проверка документов у населения. Проверки проводились, как правило, ночью, для того, чтобы по возможности застать на месте всех жителей населенного пункта. В ночь с 8 на 9 мая такая проверка была проведена по Кстовскому району Горьковской области. У всего мужского населения 1887-1925 годов рождения были проверены документы. Проверка проводилась путем подворного обхода с привлечением на местах сельского актива и жен фронтовиков. В результате были выявлены дезертиры трудового фронта, дела на которых были переданы в суд.³

Мероприятия по укреплению трудовой дисциплины имели положительные результаты. «Введенный Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) на время войны повышенный минимум выработки трудодней, как и уста-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т.51. С.216.

² Сб. документов и материалов по вопросам труда в период ВОВ. М., 1944. С.3.

³ ГОПАНО, ф.3. оп.1, д.3371, л.95.

новленные меры воздействия на тех колхозников, которые не выполняют этого минимума, позволили подавляющему большинству колхозников заметно укрепить трудовую дисциплину, поднять производительность труда», — так писали «Известия» 13 июля 1943 года. Сложно говорить о степени объективности подобных оценок. Что лежало в основе поддержания трудовой дисциплины во время войны? Патриотизм? Страх перед наказанием? Идеологические убеждения? С точки зрения историка, представляется возможным признать действенность и практическую значимость всех этих факторов.

Вариативный характер использования методов идеологического и репрессивного воздействия при организации труда позволил государству добиться поставленной цели — эффективного функционирования военной экономики. Однако не следует думать, что после 1942 года идей борьбы за укрепление трудовой дисциплины были охвачены все колхозники. Этого не удалось добиться и до окончания войны. Выше уже приводилась цитата из протокола заседания Красносельского колхоза «Мировой Октябрь» Арзамасского района Горьковской области в январе 1944 года. В выступлении колхозников вскрывались факты неготовности к весеннему севу, массовых невыходов на работу и т.п. В целях борьбы с подобными явлениями сами колхозники предлагали сочетать методы убеждения и принуждения. В частности, отбирать земельные приусадебные участки у тех колхозников, которые не выработали минимума трудодней.¹ На примере этого колхоза можно проследить подобные явления в 1944 и в 1945 годах.²

Обобщая изученные факты по проблеме состояния трудовой дисциплины при проведении оборонительных, сезонных и сельскохозяйственных работ, следует признать, что эта проблема стояла достаточно остро. Нарушение трудовой дисциплины на этих работах выражалось, прежде всего, в отказе от привлечения к трудовой повинности, в самовольном уходе с работ, а в колхозах — в невыполнении минимума трудодней. Главными причинами нарушений чаще всего становились тяжелые бытовые условия, неудовлетворительная организация труда и лишь иногда обстоятельства личного характера, такие, как желание вначале закончить сельхозработы на своем участке, а затем — на колхозном.

¹ ГАТНО, ф. Р2905, оп.1. д.9, л.27.

² Там же. д.12. л. 10; оп.1, д.15, л.14.об.

В качестве методов борьбы за укрепление трудовой дисциплины применялись репрессивные меры воздействия, которые одновременно служили и наказанием виновных, и выступали как «устрашающий» фактор, предотвращали потенциальные нарушения. Большое значение имела и агитационно-массовая работа. Проведение всех этих мероприятий было оправдано единой для всего государства целью борьбы с фашистской Германией. По положительным результатам этой борьбы, на наш взгляд, следует оценивать эффективность и целесообразность их применения.

Глава III

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

Великая Отечественная война требовала наращивания промышленных мощностей воюющих стран. Победа в войне во многом обуславливалась эффективным функционированием промышленных предприятий. В связи с этим, одним из главных вопросов перевода экономики на военные рельсы был вопрос повышения производительности труда на фабриках и заводах и привлечения на предприятия новой рабочей силы.

С началом Великой Отечественной войны особую значимость в процессе обеспечения промышленности рабочими кадрами приобрел вопрос подготовки рабочих из числа молодежи. Связь между школами фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленными училищами (РУ) и промышленными предприятиями очевидна. Поэтому автор счел целесообразным и возможным рассмотреть в одной главе проблему привлечения к труду и трудовому обучению в этой отрасли.

В первые месяцы войны на промышленных предприятиях изыскивались, прежде всего, внутренние ресурсы и возможности увеличения производительности труда. Одним из них было совмещение профессий. На Горьковском автозаводе с 22 июня по 1 августа 1941 года стали совмещать профессии без доплаты за совмещение 154 человека. С началом войны совмещение профессий на заводе было вменено в обязанность. Это было одной из форм привлечения к труду. За счет уплотнения рабочего дня за период до 1 августа на ГАЗе было высвобождено 196 рабочих, 39 ИТР и 15 служащих.¹

На заводе наблюдался общий трудовой подъем. Поощрялось досрочное возвращение из отпусков. В первые месяцы войны парткомом завода было подготовлено информационное письмо о трудовом подъеме на ГАЗе. «Когда озверелые банды фашизма напали на нашу страну и Великий Сталин призвал народ к оружию, к упорному труду, коллектив на-

¹ ГАНО, ф.2435, оп.5, д.111, л.29

шего завода, как и вся страна, показал и каждый день показывает образцы самоотверженного труда».¹ Здесь мы имеем пример того, как психология патриотической любви к своему государству и уважение к его руководству явились толчком для самостоятельного, добровольного объявления о мобилизации.

По-новому организовывался труд, рационализировалось производство. Сотни рабочих выполняли по две-три нормы в смену. Во многих цехах стало неписаным законом, делом чести не уходить из цеха, не выполнив сменное задание. Десятки, сотни рабочих переходили на многостаночное обслуживание. Накануне празднования годовщины Октябрьской революции на заседании стахановцев завода было принято решение, в котором говорилось: «На призыв Великого Сталина – подчинить всю работу интересам фронта, задачам разгрома фашизма – поднялся весь советский народ... мобилизуются наши неиссякаемые резервы». Эти слова неоднократно подтверждались на практике. 60-летний шлифовщик Павловской артели «Металлист» заявил: «несмотря на мой преклонный возраст, я считаю себя мобилизованным. Обязуюсь выполнять нормы на 200%».² В дни Отечественной войны против фашизма в сознании большей части населения исчезло слово «нетрудоспособный».

На заводе №112 «Красное Сормово» 21 июля был объявлен приказ: работу по сигналу «воздушная тревога» не прекращать, кроме случаев непосредственной опасности нападения.³

Процесс мобилизации внутренних ресурсов предприятий включал в себя и перераспределение рабочей силы. При этом между предприятиями порой возникали конфликтные ситуации, связанные с нежеланием кого-то из них уступать в споре за рабочие руки. Такой конфликт возник в 1942 году между руководством ГАЗа, с одной стороны, и заводов «Серп и молот» и «Красная Этна» – с другой. Еще осенью 1941 года ГАЗ им. Молотова по решению ГКО принял на производство рабочих, инженерно-технических работников и служащих с Ленинградского мотоциклетного завода, эвакуированных в город Горький. Всего было принято 320 человек. Рабочие и ИТР были посланы на производство. Они производили танки, снаряды, минометы. В марте 1942 года, согласно п.7 решения ГКО за №1456, ГАЗ был обязан передать этих рабочих на завод

¹ Там же, оп.1, д.177, л.26.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2374, л.3.

³ ГАНО, ф.15, оп.6, д.629, л.51.

«Красная Этна».¹ По состоянию на 10 марта 1942 года ГАЗ передал 140 человек. Остальные 180 человек оставались работать на танковом, минометном и снарядном производстве. Исключительная важность подобного производства заставила секретаря Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионова написать ходатайственное письмо заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову с просьбой закрепить оставшихся рабочих за ГАЗом.

В справке мотозавода «Серп и молот» Горьковскому обкому ВКП(б) в апреле 1942 года среди причин невыполнения плана по валовому выпуску продукции, наряду с несвоевременной подачей заводами-смежниками материалов, была названа нехватка рабочей силы.² Недостаток квалифицированных кадров заставил завод идти по пути широкого применения труда учащихся школ ФЗО. Эта категория рабочих не могла, ввиду низкой квалификации, выполнять в первые месяцы нормы выработки. К моменту же, когда нормы были освоены и стали перевыполняться, часть рабочих была призвана в действующую армию. В целях кардинального решения вопроса с пополнением кадрами этого завода, предполагалась, предусмотренная постановлением ГКО, передача с ГАЗа рабочих бывшего Ленинградского мотозавода, которые были переведены туда в сентябре 1941 года. Однако директор автозавода не выполнил решение ГКО и перевел на завод «Серп и молот» только ИТР и служащих, в которых ГАЗ нуждался меньше, чем в квалифицированных рабочих.

Учитывая сложности с мобилизацией населения, руководители предприятий вынуждены были обращаться к внутренним ресурсам. На предприятиях проводились субботники.³ В соответствии с приказом наркома танковой промышленности от 18 июня 1942 года, всем директорам и главным инженерам заводов совместно с профсоюзными и партийными организациями надлежало детально проработать и подготовить конкретные обязательства для участия во всесоюзном соцсоревновании.⁴

Директор завода №112 «Красное Сормово» 24 июня приказал начальникам цехов «немедленно организовать мощное соцсоревнование между участками, сменами, бригадами и рабочими».⁵ Социалистическое

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2604, л.81.

² Там же, д.2863, л.17.

³ ГАНО, ф.15, оп.6, д.647, л.51.

⁴ Там же, оп.1, д.649, л.46.

⁵ Там же, л.121.

соревнование в годы Великой Отечественной войны также служило идеологическим методом привлечения к труду и увеличения его производительности.

Предприятия области по причине недостатка рабочей силы вынуждены были чаще применять обязательные сверхурочные работы. Это так же было одной из форм трудовой мобилизации. Например, количество отработанных сверхурочных всеми рабочими Выксунского металлургического завода в 1943 году составило 752.470 чел/часов или по 128 часов на одного рабочего. Обязательными были сверхурочные работы в течение 3-х часов в смену.¹

В 1944 году командировки рабочих в приусадебное хозяйство завода, а также на дровозаготовки, вызывали как постоянный, так и периодический перевод цехов на работу по удлинённому графику, сокращение количества выходных дней.² Так мобилизовались внутренние ресурсы предприятий.

В 1945 году численность рабочих на Выксунском металлургическом заводе увеличилась за счет мобилизованных из школ ФЗО и РУ и за счет демобилизованных бойцов РККА. Первые составили 383 человека, вторые – 153. Здесь проявилась общая для всей страны тенденция пополнения предприятий за счет бывших военнослужащих.

Мобилизация внутренних ресурсов, безусловно, позволяла увеличить производительность труда и в известной мере компенсировать нехватку рабочей силы. Тем не менее, потребность в кадрах в связи с мобилизацией на фронт, обострялась. Решить эту проблему можно было лишь путем мобилизационного набора. Здесь необходимо обратить внимание на различие мобилизационных мероприятий при мобилизации внутренних ресурсов и при мобилизационном наборе рабочей силы. Выше мы приводили свидетельства добровольного объявления себя мобилизованными, что является свидетельством патриотического подъема населения. С другой стороны, мобилизация объявлялась государственными административно правовыми актами. (С 1942 года мобилизация на промышленные предприятия стала осуществляться на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942.) В этом случае мы можем говорить только о вынужденных принудительных мерах по организации труда. Рабочие объявлялись в этом случае мобилизованными.

¹ ГАНО, ф.1250, оп.7, 181, л.26

² Там же, л.57.

ми на весь период войны без учета их собственного желания. Следовательно, степень патриотического подъема при такой форме мобилизации определялась, в том числе, их отношением к вынужденному состоянию мобилизации.

Одним из источников пополнения рабочей силы в промышленности было использование труда заключенных. 31 января 1942 года ГГКО обязал начальников мест заключения перевести часть заключенных на предприятия города Горького. Исполком горьковского горсовета выделил в распоряжение органов НКВД помещение для развертывания временного приемного пункта для размещения прибывавших заключенных.¹ Решение ГГКО обязало директоров заводов №112, «Красная Этна», автозавода и ГОГРЭС предоставить общежития для вновь прибывавшей рабочей силы из исправительно-трудовых колоний, построить бани и дезокамеры.

Надо сказать, что условия содержания заключенных были очень тяжелыми. Тесные помещения, плохие бытовые условия усугублялись неконтролируемым обеспечением продуктами питания. По справке УНКВД Горьковской области в приемнике-распределителе Сталинского района 17 человек умерли от истощения. Из 15.000 кг хлеба, выданных на 4.000 человек, не весь хлеб дошел до тех, кому непосредственно предназначался. Работники приемника получали хлеб в магазине, не отмечая, кому и сколько его выдавалось.² 29 января 1942 года начальник УНКВД по Горьковской области майор госбезопасности В.С.Рясной вынужден был отправить секретное письмо директорам заводов города Горького и области. В письме он отмечал, что предоставляемая рабочая сила находится в «недопустимых бытовых условиях, а также охраны и режима содержания». Далее он писал: «В соответствии с приказом Народного Комиссара внутренних дел СССР тов. Берия, предупреждаю Вас, что если до 10 февраля с.г. не будет создано необходимых условий быта, охраны и режима содержания заключенных, рабочая сила с Вашего завода будет выведена».³

В августе 1941 года набор рабочей силы на предприятия проводился по постановлению исполкома облсовета и бюро обкома ВКП(б). Так, 6 августа было решено набрать 2.000 человек из области для завода №80

¹ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.3, л.6.

² Там же, д.8, л.79.

³ Забвению не подлежит. С.410.

города Горького. Набор и отправка рабочей силы должны были осуществляться в трехдневный срок. Облисполком обязал лично секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов проконтролировать ход мобилизации. Представители завода направлялись в районы для организации отправки рабочих.¹

На местах мобилизация на завод №80 иногда сопровождалась нарушениями законодательства. Так, по сообщению прокурора Вознесенского района Горьковской области, во второй половине августа секретарь райкома Кузьмин и председатель райсовета Аболешев дали установку оформлять и передавать в прокуратуру материалы на отказывавшихся ехать по мобилизации. Этих граждан, как говорилось в сообщении прокурора, «запугивали арестом и судом». Прокурор области Осипов, ознакомившись с этими фактами, поставил в известность первого секретаря обкома М.И. Родионова и предложил прокурору Вознесенского района привлечь к ответственности лиц, допустивших незаконные действия. Напомним, что ответственность за уклонение от мобилизации на производство и строительство была установлена только в 1942 году, поэтому действия руководства Вознесенского района правильно были признаны прокурором незаконными.

Мобилизация в легкую промышленность также проходила с некоторыми нарушениями законодательства. Исполком Дзержинского райсовета в связи с невыполнением спецзаказов местной промышленностью, вынес решение, которым обязал привлечь в порядке трудовой повинности 155 рабочих из числа домашних портных и сапожников. Все мобилизованные были направлены для работы в швейные артели. Это решение в секретном отчете прокурора области было названо «грубым нарушением революционной законности», которое выражалось в несоответствии форм привлечения к труду характеру работ. К трудовой повинности население могло быть привлечено только для выполнения чрезвычайных работ, указанных в постановлении ВЦСПС и СНК СССР от 18 июля 1927 года. Привлечение к труду в промышленность в порядке трудовой повинности этим Постановлением не предусматривалось. В Дзержинск был командирован работник облпрокуратуры для расследования и привлечения к ответственности лиц, допустивших нарушение закона. Прокурор области в своем отчете обращал внимание на то, что

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2060, л.275.

подобные действия некоторых руководящих работников дискредитировали мероприятия правительства и вызвали недовольство населения.¹

Мобилизация трудоспособного населения из районов области на промышленные предприятия города Горького проходила по мере того, как на этих предприятиях возникала потребность в рабочей силе. Например, 12 мая 1942 года бюро Горьковского обкома ВКП(б) обязало секретарей районных комитетов партии в пятидневный срок мобилизовать и отправить для работы на заводе №446 рабочих мужчин в количестве 200 человек. Из 36 горкомов и райкомов области в каждом мобилизовалось от 3 до 8 человек.²

План мобилизации трудоспособного населения на основе указа от 13 февраля 1942 года для заводов города Горького №№: 92, 112, 197, 326, 466, 469, Газ и Треста Главмука был установлен в количестве 8.925 человек. По состоянию на 13 мая 1942 года было мобилизовано 4.677 человек или 52,4%. В справке инструктора отдела кадров Горьковского обкома ВКП(б) работа по мобилизации неработающего населения для оборонных предприятий была названа неудовлетворительной.³ Установленные сроки мобилизации не выполнялись. «Заведующий городским Бюро по учету и распределению рабочей силы т. Юдов проявляет полную беспечность в деле выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР. Товарищ Юдов неоднократно заявлял на совещании в Облбюро... и в Облсовете о том, что план мобилизации невыполним. Учет населения, подлежащего мобилизации, находится в запущенном состоянии, весь контингент полностью не выявлен», с озабоченностью отмечал инструктор. В документе утверждалось, что ряд исполкомов райсоветов совсем прекратили работу по мобилизации, например, Кагановичский райсовет г. Горького. В некоторых райисполкомах проводилась незаконная мобилизация населения для нужд промышленности и транспорта. Так, Автозаводский райсовет мобилизовал 146 человек на торфоразработки для ЖКО завода.

Все районы города по указанию заведующего городским Бюро по учету и распределению рабочей силы в мае 1942 года мобилизовали и послали на работу в трамвайный трест 250 человек. В мобилизационных повестках указывалось: «Мобилизован и направляется на работу по ре-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2121, л.247.

² Там же, д.2576, л.46.

³ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3125, л.1.

шению горкома ВКП(б)». Это, как отмечалось в справке, являлось прямым нарушением указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года. Нарушение состояло, прежде всего, в том, что указ предусматривал, в первую очередь, мобилизацию для нужд авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, металлургической, химической и топливной, а не для нужд местной промышленности. Нарушение можно было усмотреть также в том, что п.4 указа предоставлял право определения порядка, сроков и размера мобилизации Совнаркому. В данном же случае мобилизация была осуществлена по решению горкома ВКП(б). Таких нарушений имелось несколько.

Так, секретарь Куйбышевского райсовета Ильин в порядке мобилизации по указу направил трех работниц в контору благоустройства района. Заместитель председателя Борского райисполкома Тарасов самостоятельно предложил Борскому горсовету мобилизовать до 1 мая 1942 года для стекольного завода 100 рабочих, не имея на то разрешения вышестоящих органов и областного Бюро по учету и распределению рабочей силы. Тот факт, что за реализацией указа от 13 февраля 1942 года на практике осуществлялся строгий контроль со стороны не только прокуратуры, но и партийных органов, говорит о большой значимости соблюдения при этом всех норм законности. С другой стороны, несанкционированные мобилизации приводили к нарушению плановости их проведения.

По информации, которую предоставляло Областное бюро по учету и распределению рабочей силы в Горьковский обком ВКП(б) за период с 10 по 13 мая 1942 года, мобилизация неработающего населения по городу для заводов и предприятий по решениям СНК и НКО не дали почти никаких результатов. Особенно сложно складывалась обстановка с мобилизацией на завод №446 и автозавод, несмотря на то, что мобилизация на эти предприятия должна была проводиться в срочном порядке. Сроки проведения мобилизации истекли, когда на завод №466 вместо 4.000 человек было мобилизовано 2.545 человек, а на автозавод – всего 80 человек. Городские организации ссылались на трудности мобилизации для этих заводов (дальность расстояния, отсутствие нормальных средств сообщения и др.) Но главная причина, по мнению начальника областного Бюро по учету и распределению рабочей силы Начинского, крылась не в этом. В своей справке секретарю по кадрам Горьковского обкома ВКП(б) он писал: «По распоряжению Горсовета в эти дни про-

водилась явочным порядком, в нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР мобилизация 250 человек в трамвайный Трест и некоторыми райсоветами в отделы благоустройства. Задачи местные перед работниками города и районов были поставлены гораздо решительнее, чем задачи оборонного значения, а поэтому план мобилизации по заданиям СНК, НКО и по ГАЗу, и личная директива товарища Сталина о срочной мобилизации 200 человек оказались невыполненными.¹ Начинский просил Обком ВКП(б) дать указания городским организациям о немедленном прекращении всяких незаконных мобилизаций по городу Горькому и о направлении мобилизованных «под флагом Указа» по прямому назначению, т.е. для выполнения планов мобилизации по оборонным предприятиям.

Мобилизация городского населения для работы в промышленности в г. Горьком, по словам Прокурора СССР К.П. Горшенина, проходила неудовлетворительно. По состоянию на 26 мая 1942 года по городу Горькому вместо 13.559 человек по плану, было мобилизовано 8.100 человек. Неудовлетворительный ход мобилизации объяснялся, по мнению Прокурора СССР, плохой подготовкой районных Советов к ее проведению. Отсутствие четких указаний о порядке составления списков лиц, подлежащих мобилизации, в райсоветах приводило к тому, что не все трудоспособное население было учтено (что снижало показатели мобилизации), а с другой стороны, к включению в списки лиц, подлежащих мобилизации. Отсюда – наличие грубых нарушений указа от 13 февраля 1942 года, выражавшееся в привлечении на промышленные предприятия лиц, не подлежащих мобилизации. В Свердловском районе г. Горького из 1.934 человек, вызванных в райсовет по спискам, составленным домоуправлениями, было мобилизовано и отправлено на работу только 510 человек или 50% от плана мобилизации. 670 человек были освобождены как не подлежащие мобилизации. Еще 754 человека были освобождены по разным другим причинам. Аналогичная ситуация наблюдалась в Автозаводском, Ленинском и других районах.²

Положение с учетом трудоспособного населения начало улучшаться только в 1943 году, когда областным Управлением народно-хозяйственного учета были получены инструкции о порядке учета граждан указанных категорий. Пока же этого не было сделано, имели место слу-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д. 3125, л.1.

² ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.2593, л.15.

чай, когда облисполком не мог провести мобилизацию, поскольку контингенты были исчерпаны предыдущими мобилизациями.¹ Райсоветы также уделяли этому большое внимание. 5 августа 1942 года на внеочередном заседании Арзамасского райсовета рассматривался вопрос призыва в порядке мобилизации рабочей силы в промышленность от городского населения. На заседании отмечалось, что в списках учтенного контингента населения города имелись пропуски лиц, подлежащих мобилизации, сделанные по причине невнимательности составителей. С целью упорядочения учета, горсовет решил обязать всех 20-дворных, управдомов и домкомов в трехдневный срок подготовить списки не работавших трудоспособных граждан.²

Мобилизационные мероприятия не всегда, таким образом, покрывали нехватку рабочей силы на предприятиях. Так, для выполнения специального задания заводу №92 требовалась дополнительная рабочая сила в количестве 800 человек. Директор завода А.С. Елян в письме секретарю Горьковского обкома ВКП(б) 20 мая 1942 года просил распорядиться о направлении на завод №92 указанного количества рабочей силы за счет выпускников школ ФЗО, переброски рабочих со строек и из организаций, а также за счет дополнительной мобилизации трудоспособного неработающего населения.³ По решению СНК СССР завод №92 должен был получить 1.500 человек для основного производства из числа неработавшего трудоспособного населения города. На 20 мая было мобилизовано только 345 человек. Это объяснялось тем, что в первую очередь мобилизация проводилась для других предприятий и организаций, а не для завода №92. Даже телеграмма, посланная в г. Горький Л.П. Берия, не изменила положения. Директор завода №92 просил обком ВКП(б) дать указание о мобилизации трудоспособного населения для завода. Нехватка трудовых ресурсов обуславливала то, что указания высших государственных чиновников не всегда выполнялись на местах.

Судя по статистике, несмотря на принимавшиеся меры, мобилизация проходила не совсем успешно. На 1 июня 1942 года по городу Горькому при плане 11.259 человек фактически было мобилизовано 7.574 человека.⁴ По Горьковской области план составлял 21.289, а было мобилизова-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2600, л.163.

² ГАТАНО, ф.Р322, оп.2, д.17, л.71.

³ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3124, л.82.

⁴ Там же, л.12.

но 16.449 человек. На 6 июня 1942 года по городу план составлял 8.189 человек, а фактически было мобилизовано 6.751 человек. Всего по области при плане 26.029 человек было мобилизовано 22.029 человек. К концу 1942 года ситуация стала несколько улучшаться. На 10 ноября при плане 15.699 человек по городу Горькому было мобилизовано 15.806, по области, соответственно, – 31.639 и 30.571 человек. На 10 декабря 1942 года для предприятий города и области было мобилизовано 32.423 человека при плане 33.514.

Даже после того, как мобилизованные рабочие поступали на предприятия, они сталкивались с некоторыми трудностями, что отрицательно сказывалось на состоянии трудовой дисциплины, а следовательно, создавало препятствия и мешало привлечению рабочих к труду. В частности, это были трудности с размещением прибывавших рабочих. Например, с 18 февраля по 1 марта 1942 года на завод №112 планировалось привлечь 100 человек сборщиков и 95 человек электросварщиков.¹ В приказе по заводу, в связи с этим, говорилось: «Жилотдел завода не имеет возможности, за отсутствием жилплощади, размещать прибывающую на завод рабочую силу». В соответствии с этим приказом, в жилотдел завода передавались 4 дома. Жильцы этих домов были переселены на свободную жилплощадь в бараки.

На Горьковский мотоциклетный завод «Серп и молот» из г. Харькова прибыла группа эвакуированных испанских рабочих. Они были размещены на жительство в общежитии, часть – в частных домах, в проходных комнатах, кухнях. Большинство рабочих были плохо одеты, не имели никакой обуви, плохо питались. Кроме того, руководство завода и партийная организация не занимались вплотную проблемами испанских рабочих, не проводили с ними культурных мероприятий и т.д. В результате, сложилась такая ситуация, когда среди испанских рабочих стали появляться антирусские настроения. Несправедливо забытые руководством завода, рабочие говорили, что «...русские не любят испанцев, ...русским нельзя доверять».² Обеспокоенный такой ситуацией, Обком ВКП(б) предложил дирекции завода выделить дом или общежитие, в котором мог бы жить весь коллектив испанских рабочих, обеспечить их обувью, спецодеждой, улучшить питание, дав возможность «питаться

¹ ГАНО, ф.15, оп.6, д.647, л.136.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2863, л.59.

до 2-х раз в сутки». Парткому завода было поручено организовать политико-воспитательную работу, выделить агитаторов.

ГГКО 24 июня 1942 года разрешил Автозаводскому райсовету проинвестировать уплотнение рабочих и колхозников, проживавших в собственных домах и близлежащих поселках и жилфонде, принадлежавшем автозаводу, для расселения 1.300 человек прибывших ленинградских рабочих.¹ Постановлением от 14 августа 1942 года ГГКО, ввиду крайнего перенаселения города Горького, запретил прописку в городе на постоянное или временное проживание лиц, прибывавших в неорганизованном порядке. Прописка была разрешена только гражданам, прибывавшим в город в порядке мобилизации для работы на оборонных предприятиях, в учреждениях и организациях города. Не работавшие и не имевшие своей жилплощади горожане, обязаны были вместе с семьей выехать из города в течение десяти дней.

Выше мы обращали внимание на то, что особую роль в деле мобилизации трудовых ресурсов играли партийные органы. Они осуществляли своего рода идеологический, моральный контроль за выполнением решений вышестоящих государственных учреждений. Понятие «партийная ответственность» в суровые годы войны не потеряла значение. Напротив, порой только вмешательство партийных структур обеспечивало практическое воплощение мобилизационных предписаний. При этом следует отметить, что и сама система партийного контроля иногда давала сбои. Решением бюро обкома ВКП(б) от 4 июня 1942 года Балахнинский райком ВКП(б) и райсовет были обязаны мобилизовать для горьковского энергетического комбината (ГОГРЭС) 200 человек рабочих для работы на аварийном складе. На 14 июля не было мобилизовано ни одного человека. Дирекция ГОГРЭС была вынуждена обратиться в секретариат обкома ВКП(б) с просьбой вмешаться и изменить обстановку с мобилизацией. На письме директора ГОГРЭС имеется резолюция: «Свяжитесь с Балахнинским райкомом ВКП(б) и обяжите их выполнить решение Бюро Обкома ВКП(б)».² СНК СССР постановлением №829 от 2 июня 1942 года и Горьковский облисполком решением от 8 июня обязали Балахнинский горсовет направить для работы на ГОГРЭС 450 человек мобилизованных по указу от 13 февраля 1942 года из трудоспособного неработающего населения. На 23 июня 1942 года

¹ ГОПАНО, ф.2518, оп.1, д.3, л.161.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2936, л.11

эти решения не были выполнены. Мобилизованные до 13 февраля 1942 года, т.е. до выхода указа, 187 человек были приняты в зачет плана. Дополнительно требовалось мобилизовать 263 человека, но они были мобилизованы на другие предприятия. 19 и 20 июня 1942 года представители Энергокомбината вместе с заведующим Бюро по учету и распределению рабочей силы выехали в Балахнинский район, где предложили новый план мобилизации (200) человек, который тоже не был выполнен. Поскольку имевшийся недостаток рабочей силы отрицательно влиял на четкость работы ГОГРЭС, дирекция вновь обратилась в секретариат обкома с просьбой о вмешательстве и об исправлении положения.

7 сентября 1942 года бюро Горьковского обкома приняло решение о мобилизации на ГОГРЭС квалифицированной рабочей силы с других предприятий. Руководство Энергокомбината приняло все меры для осуществления мобилизации: были подготовлены общежития, налажено бытовое обслуживание, на заводы были посланы представители предприятия. При посещении последними заводов, которые были обязаны выделить рабочих, выяснилось, что все руководители категорически отказывались выполнять решение бюро обкома. В результате настоячивых требований со стороны работников ГОГРЭС 5 заводов выделили всего 10 человек, причем, все они имели низкую квалификацию. Предприятия не выполняли мобилизационных предписаний по разным причинам. Необходимо учитывать, что они сами находились в условиях жесткой нехватки рабочих рук, а с другой стороны – имели свои производственные задания. Так, начальник управления строительномонтажной части №104 докладывал 2 октября 1942 года секретарю обкома ВКП(б) о невозможности мобилизовать на ГОГРЭС пятерых слесарей и двоих котельщиков, поскольку управление проводило работы по сооружению резервуарного парка в районе Чебоксар. «Изложенное выше вынуждает нас обратиться к вам с просьбой об отмене решения обкома о выделении слесарей и котельщиков».¹ Исполком Городецкого райсовета 29 октября 1942 года сообщал, что в связи с мобилизацией большого количества рабочей силы на спецработы и лесозаготовки, район находился в исключительно тяжелом положении и выполнить наряд по мобилизации 27 человек на ГОГРЭС не мог.

Трудности, испытываемые в связи с нехваткой рабочей силы, были в период коренного перелома в войне характерны для всей области. За

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3926, л.58.

период со времени издания указа от 13 февраля 1942 года до июня 1943 года по Горьковской области было мобилизовано за счет городского и сельского населения и отправлено на работу в различные отрасли хозяйства 40.000 человек. За 1942 год и 6 месяцев 1943 года в РУ и школы ФЗО были мобилизованы 44.000 человек. Количество мобилизованных на постоянную работу в промышленность, школы ФЗО и РУ, а также на торфоразработки только за 5 месяцев 1943 года составляло 46.000 человек или 7,6% от общего числа трудоспособного населения области.¹

Однако, несмотря на напряженность с мобилизацией рабочей силы, Горьковская область получала задания на вывоз рабочих в другие области. Помимо решений ГГКО и постановлений СНК СССР в область поступали распоряжения отдельных членов правительства о мобилизации. Исходя из такого положения, секретарь горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионов 6 июня 1943 года просил секретариат ЦК ВКП(б) рассмотреть вопрос об освобождении Горьковской области от мобилизации рабочей силы за ее пределы, кроме этого – установить проведение мобилизации рабочих и гужевого транспорта только по решениям ГГКО и СНК СССР. Ясно, что такая просьба была вызвана острой необходимостью сосредоточить имевшиеся трудовые ресурсы в рамках предприятий области и не распылять их по другим областям.

Кроме этого, только централизованные мобилизационные предписания, исходившие из ГГКО и СНК, которые основывались на информации Комитета по учету и распределению рабочей силы о количестве подлежащих мобилизации граждан, могли рассматриваться как наиболее реальные. Личные же распоряжения членов правительства зачастую не брали в расчет наличие рабочих рук и были заведомо невыполнимы.

В 1943 году основную массу вновь прибывавших на промышленные предприятия рабочих кадров составляли молодые выпускники РУ и школ ФЗО. Этот контингент рабочих был, как правило, низкоквалифицированным и не имел опыта работы в промышленности. Это создавало текучесть кадров и снижало производительность труда. Поэтому крупнейшие промышленные предприятия изыскивали возможности сокращения потока новых рабочих на завод и закрепления старых, квалифицированных кадров.

Так, за 1943 год Горьковский автозавод принял 11.826 человек. Из них 7.619 мужчин и 4.227 женщин. 5.548 человек из общего количества

¹ ГОПАНО, ф.3, о.1, д.3316, л.205.

составили инвалиды войны, мобилизованные по нарядам НКО. Мобилизованные по решениям СНК из неработающих, домохозяек и колхозников составляли 3.497 человек. Молодежи из школ ФЗО и РУ было принято меньше всего – 889 человек. 102 человека были переведены с других предприятий. 1.850 человек составили свободный наем.¹ Мобилизованные по указу Президиума Верховного Совета составляли, в основном, население Горьковской области и города Горького. Это были, главным образом, женщины, ранее на производстве не работавшие и в основном семейные. Мобилизация на автозавод в течение 1943 года проводилась дважды и оба раза с очень большими трудностями.² Несмотря на неоднократные вмешательства горкома ВКП(б) и лично секретаря горкома В.Ф. Янжавцева, из последнего наряда на 1.000 человек, подлежащих мобилизации из Горького, завод получил всего 259 человек. В 1943 году 9.464 человека были уволены с завода по разным причинам, в том числе 3.108 – человек за уголовные преступления. Все эти факты подвели руководство автозавода к выводу о необходимости максимального сокращения приема рабочих со стороны. Новые рабочие, оторванные от семьи, часто больные, необученные, создавали на предприятии текучесть кадров. Отдел кадров ГАЗа предлагал в большей степени использовать внутренние резервы и производить своевременные перегруппировки внутри завода. Принятое в 1943 году решение ГГКО о запрещении мобилизации в армию кадров ГАЗа, по мнению отдела кадров, должно было позволить значительно сократить текучесть рабочей силы на заводе. Этим решением заводу предоставлялось возможность закрепить уже работавших людей, меньше принимать новых рабочих.

Такая кадровая политика на Автозаводе выразилась в том, что в январе 1944 года на завод было принято 596 человек, из которых 397 – из системы трудовых резервов, в феврале, соответственно, – 499 и 259 человек, в марте – 461 и 104 человека, в апреле – 258, из которых только один мобилизованный, в мае 338 человек принято, в том числе 147 – из системы трудовых резервов.³ Эти цифры показывают, что число принятых на завод рабочих стало сокращаться. Это говорит о достаточно твердом проведении в жизнь намеченной на 1944 год кадровой полити-

¹ Подсчитано по: ГАНО, ф.2435, оп.5, д.121.

² Там же, л.163.

³ Данные по: ГАНО, ф.2435, оп.7, д.50.

ки. Из приводимой ниже таблицы видно, что наибольшее количество мобилизованных на ГАЗ рабочих приходится на период до 1943 года. Затем наблюдается сокращение количества принимаемых по мобилизации рабочих. С другой стороны, одновременно увеличивается, особенно в 1944 году, прием рабочих из системы трудовых резервов.

Прием рабочих на ГАЗ за период войны	С июня 1941 года по 1.1.1943	1943	1944	1945 (по май)	ВСЕГО
Мобилизовано по решениям НКО	10.546	5.548	2.016	126	18.236
Из системы трудовых резервов	1.512	889	1.462	138	4.001
Свободный наем	9.717	1.850	1.002	823	13.392
Мобилизовано по решениям СНК	1.789	3.497	1.028	65	6.379
ВСЕГО	23.564	11.784	5.508	1.152	

На основе исследованных материалов мы, таким образом, можем сделать некоторые выводы. Привлечение населения для работы в промышленности в годы Великой Отечественной войны осуществлялось в нескольких формах. Во-первых, молодежь, призывавшаяся в школы ФЗО и РУ, обязана была проработать на указанных Главным управлением трудовых резервов и Комитетом по учету и распределению рабочей силы предприятиях. До 13 февраля 1942 года рабочая сила на заводах и фабриках находилась в состоянии мобилизации в соответствии с указами от 26 июня 1940 года, 22 июня и 26 декабря 1941 года. Это была мобилизация внутренних ресурсов предприятий, составной частью которой являлась самоорганизация. До 13 февраля 1942 года рабочая сила набиралась на предприятия на основании постановлений местных Советских органов. После указа от 13 февраля 1942 года рабочая сила в промышленность стала набираться из числа неработающего трудоспособного населения города и деревни.

В процессе мобилизации государство сталкивалось с определенными трудностями, которые были вызваны как объективными обстоятельствами, так и нежеланием работать, т.е. уклонением от мобилизации, нарушениями законодательства. Но, в целом, привлечение к труду в промышленность следует признать успешным, поскольку результатом этого процесса было эффективное функционирование военной промышленно-

сти Горьковской области, которая занимала одно из ведущих мест в экономике СССР.

Большое значение в процессе формирования промышленного потенциала страны имело привлечение в систему профтехобразования юношей и девушек. Контингент учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО формировался как за счет добровольного набора, так и за счет трудовой мобилизации или, как она иногда определялась в документах, призыва.

Если в 1940 году и частично в 1941 году добровольный набор в эти учебные заведения проходил достаточно эффективно, то к началу 1942 года планы добровольного набора не выполнялись. Молодежь 16-17 лет охотнее шла непосредственно на предприятия. Через 2-3 месяца пребывания там можно было рассчитывать на хороший заработок.¹

Мобилизационными мероприятиями в области заведовало Горьковское Областное Управление трудовых резервов (ГОУТР). Получив приказ об очередном призыве из Главного управления, начальник ГОУТР дублировал его по своему управлению. В районы призыва командировались представители ГОУТР вместе с работниками школ ФЗО и РУ для участия в работе призывных комиссий.² Призывные комиссии, согласно Постановлению СНК СССР от 2 октября 1940 года «О государственных трудовых резервах», создавались решением районного Совета и состояли из председателя исполкома, председателя профорганизации и секретаря райкома ВЛКСМ. Кроме этого, райздрав был обязан сформировать медицинскую призывную комиссию.

В июне 1943 года ГОУТР возложило ответственность за проведение мобилизации и доставку мобилизованных к месту учебы лично на директоров РУ и ЖДУ области. Представители училищ, командированные в районы мобилизации, должны были не только оказывать помощь в работе призывных комиссий, но и вести разъяснительную работу среди призывников и их родителей. Командированным представителям поручалось также проконтролировать, чтобы все мобилизованные имели кожаную обувь, верхнюю одежду и продукты питания на время пути. Им вменялось в обязанность совместно с представителями райсовета доставить призванную молодежь в училища.³ Помимо этого, они долж-

¹ ГАНО, ф.5461, оп.4, д.3, л.59.

² ГАНО, ф.5461, оп.4, д.1, л.2.

³ ГАНО, ф.5461, оп.1, д.68, л.177.

ны были ежедневно телеграфировать руководству о ходе мобилизации и отправке молодежи. Кроме руководителей предприятий и их командированных представителей на местах, контроль за набором и транспортировкой молодежи осуществляли партийные органы. Горьковский обком ВКП(б) предписывал районным комитетам телеграфировать о мерах, принимаемых ими совместно с райсоветами по транспортировке мобилизованных к месту учебы. Райсоветы давали разверстку по мобилизации сельским Советам. Сельсоветы, в свою очередь, набирали молодежь по месту жительства. Райкомы ВКП(б), со своей стороны, контролировали своевременность набора учащихся.¹

Набор учащихся и их обеспечение были одними из самых сложных проблем мобилизационного призыва. Даже прилагая все усилия к успешному решению этих вопросов, местные мобилизационные комиссии не всегда обеспечивали выполнение мобилизационных предписаний. Так, в октябре 1942 года секретарь Свердловского райкома ВКП(б) г. Горького сообщал об организации в районе трех школ ФЗО. Эти школы не были полностью укомплектованы учащимися. Многие молодые люди, прибывавшие по мобилизации из районов области, были «почти разутые и раздетые». Все это приводило к тому, что до 40% учащихся не выходило на учебу и сидело в общежитиях. Отсутствие белья и обуви вызывало массовые заболевания среди учащихся. Свердловский районный комитет партии просил Обком ВКП(б) оказать влияние на ГОУТР и принять меры по устранению этих недостатков.

К выявлению в городе Горьком неучащейся и неработающей молодежи были привлечены органы НКВД Горьковской области. Выявленная молодежь также подлежала мобилизации.² Все безнадзорные подростки направлялись для обучения в системе трудовых резервов. Практика решения этого вопроса часто сводилась к тому, что органы милиции задерживали беспризорников на вокзалах, базарах, снимали с поездов и направляли всех в Областное управление трудовых резервов. Затем они направлялись или на производство, или на учебу в школы ФЗО и РУ. Иногда беспризорники сами являлись в ГОУТР с просьбой направить их на работу или учебу. Как правило, безнадзорные подростки не имели никаких документов. Этот факт вызывал вопросы при направлении их на работу. Руководители предприятий были обеспокоены тем,

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3124, л.86.

² ГАНО, ф.5461, оп.1, д.68, л.15.

что в этом случае трудно было установить прошлое беспризорников. В условиях войны «неблагополучное» социальное происхождение или проживание на временно оккупированной территории считалось отрицательной характеристикой молодого рабочего. Осенью 1942 года в ГОУТР ежедневно поступало до 30 человек выявленных беспризорных подростков.

В письме заместителя председателя облисполкома Зотова уполномоченному НКВД по Горьковской области В.С. Рясному положение с решением этого государственного вопроса было названо «ненормальным».¹ Большинство беспризорников не удерживались ни на предприятиях, ни в училищах и, будучи, по словам Зотова, «разложившимися элементами», «непроверенными людьми», «засоряли» училища и предприятия.² С целью кардинального решения этого вопроса в письме предлагалось организовать при исполкоме Горьковского горсовета специальный приемник-распределитель на 50-60 человек для предварительного изучения и дальнейшего распределения беспризорников в школы ФЗО, а также предоставить им для питания столовую за счет фондов облуправления трудовых резервов, кроме этого, иметь постоянно действующие комиссии при райсоветах г. Горького для определения состояния здоровья, возраста и выдачи соответствующих документов, на основании которых беспризорники могли отправляться на работу или учебу. Всю работу приемника предлагалось подчинить исполкому Горсовета, а из УНКВД выделить постоянного работника для практической работы в комиссиях.

Такой контингент учащихся мало способствовал укреплению дисциплины в школах. Тем не менее, практика привлечения на учебу беспризорников и малолетних преступников продолжалась. 13 сентября 1943 года Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР приказом №95/591 предписывал областным и краевым Управлениям НКВД направлять в РУ, ЖДУ, школы ФЗО и промышленные предприятия подростков старше 14 лет из колоний для несовершеннолетних и детских приемников распределителей по окончании срока их пребывания там. Сведения о количестве подростков старше 14 лет, подлежащих трудовому устройству, должны были предоставляться в областное Бюро по учету и распределению рабочей силы за месяц до их освобож-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3124. л.139.

² Там же.

дения.¹ Таким образом, сразу после освобождения из-под стражи молодые люди оказывались привлеченными к учебе в школах ФЗО и РУ.

Несмотря на все принятые меры, мобилизация в учебные заведения промышленности не всегда проходила успешно. К 1943 году заметно снизились показатели приема учащихся. Так, в Кулебакской школе ФЗО Горьковской области план по призыву 1942 года определялся в 700 человек, а было призвано – 630. С 1 января по 1 апреля 1943 года в школу должны были принять 300 человек, а было принято – 220.²

В конце марта 1943 года вопрос об итогах призыва рассматривался исполкомом Горьковского облсовета. На заседании отмечалось, что среди районов и городов области наиболее успешно с мобилизацией справились Кстовский, Краснобаковский, Работкинский, Уренский, Городецкий, Заветлужский районы и город Дзержинск. В то же время, Ардатов, Дивеево, Чернуха, Вознесенск, Пильна план мобилизации не выполнили. На 27 марта 1943 года из намеченных по плану 5.500 человек в школы ФЗО было призвано 5.200 человек. В РУ призвано 1.000 человек вместо 1.500. Из запланированного количества в 7.000 человек в школы ФЗО и РУ из области за этот период было доставлено 5.150 учащихся. Невыполнение плана по мобилизации привело к срыву открытия школы ФЗО металлургов в городе Выкса.³

В соответствии с постановлением СНК СССР от 17 июня 1943 года об очередном призыве городской молодежи в ремесленные и железнодорожные училища, исполком Горьковского горсовета 23 июня постановил произвести призыв 2.000 юношей и девушек из числа городской молодежи в возрасте 14-17 лет. Срок исполнения – с 25 июня до 15 июля. Призыву подлежала вся неработающая и неучащаяся молодежь. Предусматривался также частичный призыв учащихся школ Наркомпроса, за исключением учащихся 9-10 классов. Старшеклассникам предоставлялась возможность окончить школу и поступить в ВУЗ. Это было одной из причин невыполнения планов мобилизации. В телеграмме в Главное Управление трудовых резервов из Горьковского областного Управления говорилось: «...молодежь в училища не идет, т.к. родители обращаются к прокурору за разъяснениями, поддерживают желание мо-

¹ ГАРФ, ф.9517, оп.1, д.15, л.29.

² ГАТАНО, ф.2703, оп.1, д.7, л.30.

³ ГАТАНО, ф.Р550, оп.5, д.147, л.56ю

лодежи продолжить обучение в средней школе».¹ К тому же за уклонение от призыва в школы ФЗО уголовной ответственности советским законодательством не предусматривалось.

Исходя из необходимости полного укомплектования училищ и подготовки квалифицированных рабочих кадров, местные органы власти вынуждены были ужесточить методы мобилизации. Решением исполкома Горьковского облсовета в июне 1943 года председатели райисполкомов были предупреждены, что невыполнение постановлений по мобилизации является нарушением государственной дисциплины и рассматривается как нежелание помогать фронту. Всех мобилизованных, но не явившихся к месту учебы, следовало предупредить о мерах наказания в соответствии с законами военного времени. Но даже после этого мобилизация сталкивалась с определенными трудностями. Часто это объяснялось тем, что молодежь города Горького после окончания учебного года посылалась на сельскохозяйственные работы, лесоразработки, торфоразработки и другие работы. Все эти факты мало способствовали выполнению планов мобилизационного призыва. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР об очередном призыве в школы ФЗО в июне-августе 1943 года планировалось призвать из города Горького 2.000 человек, а из области – 3.000. На 9 августа 1943 года из города было мобилизовано 1.945 человек. Из них явились на учебу 886 человек. Из области было мобилизовано 2.959 человек. Из них явились на учебу 2.761.²

Трудности с укомплектованием наблюдались на протяжении всего периода войны. Причины этого были различны. Среди основных причин возникновения сложностей при комплектовании школ ФЗО, РУ и ЖДУ следует назвать: 1) несоответствие планов мобилизации и реально имевшегося контингента потенциальных учащихся. Например, во время посевных и уборочных работ многие из них были привлечены для работы в колхозы и совхозы; 2) слабую материально-техническую базу училищ и школ, наличие среди учащихся бывших беспризорников и осужденных, что не способствовало популяризации учебы в данных заведениях среди потенциального контингента; 3) нежелание молодежи учиться и получать промышленное профессиональное образование.

¹ ГАНО, ф. 5461, оп. 1, д. 68, л. 13.

² Там же, л. 32. об.

Здесь следует сказать, что установление основ законодательства о труде, в соответствии с Конституцией СССР 1936 года, находилось в компетенции высших органов власти и государственного управления. Такими органами, до образования ГКО, были Президиум Верховного Совета СССР и СНК СССР. После образования ГКО, не смотря на то, что в руках этого чрезвычайного органа была сосредоточена вся полнота государственной власти, указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления СНК оставались источниками права в вопросах трудовой мобилизации. Источниками советского трудового права являлись также приказы и инструкции Наркоматов СССР, решения и распоряжения местных Советов и их исполнительных Комитетов. Все нормативные и административно-правовые акты, принятые и введенные в действие этими органами и применявшиеся в период войны, характеризуются как законы военного времени. Основополагающими законодательными актами, определявшими принципы и основы привлечения к труду во время войны, явились указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольных уходов с предприятий промышленности» и от 13 февраля 1942 года «О мобилизации трудоспособного городского населения на производство и строительство», а так же Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 «О порядке привлечения к трудовой повинности». Эти законодательные акты стали основными звеньями в последовательной цепи мобилизационных мероприятий правительства.

Вся работа тыла строилась на мобилизационных принципах в соответствии с Конституцией СССР и опиралась на личные директивы И.В. Сталина. Это означало, что в тылу рабочие, служащие и колхозники подчинялись руководителям предприятий почти так же, как бойцы на фронте своим командирам, первые, кстати, нередко носили воинские звания. Причем, на наш взгляд, следует проводить различие в определении состояния мобилизации. Во-первых, объявить себя мобилизованным мог каждый трудящийся, следуя призывам руководителей государства и учитывая сложность сложившейся обстановки. В этом случае он нес моральную ответственность за свое решение. Во-вторых, как правило, трудящиеся оказывались в состоянии мобилизации в соответствии с решениями правительства. При такой ситуации в силу вступали юридические нормы, и рабочий, нарушивший их, мог быть подвергнут уголовной ответственности.

Существенные различия наблюдаются и между мобилизацией и привлечением к труду в порядке трудовой повинности. Трудовая повинность вводилась, согласно постановлению от 10 августа 1942 года. В соответствии со ст. 3 Указа "О военном положении", она носила чрезвычайный характер и допускалась только на определенный срок (до двух месяцев). К трудовой повинности граждане привлекались с отрывом от производства без значительного ущерба для функционирования их предприятий и организаций.

Мобилизация объявлялась на весь период войны и проводилась по мере необходимости в сельское хозяйство (весна, осень), на производство и строительство. Контингент мобилизованных состоял, в основном, из неработающих трудоспособных граждан, молодежи, женщин, учащихся школ ФЗО и РУ.

Привлечение к труду сопровождалось идеологической работой. Идеологические методы и методы морального стимулирования играли большую роль в советском обществе периода войны. В тех случаях, когда методы убеждения были неэффективны, применялись принудительные меры.

Следует признать, что по различным причинам мобилизация населения не всегда проходила успешно. Кроме того, трудовое принуждение, даже в условиях всеобщего патриотического подъема, вызывало в некоторых случаях обратную реакцию населения, т.е. нежелание работать. В этой связи нам представляется очень важным обратить внимание на проблему трудовой дисциплины, которая была напрямую связана с практикой привлечения к труду в порядке мобилизации и трудовой повинности.

Состояние трудовой дисциплины на промышленных предприятиях вызывало особую озабоченность у руководства страны. В условиях войны было совершенно недопустимо ослаблять внимание к проблеме рационального использования рабочего времени.

Начало Великой Отечественной войны вызвало в первые дни большую активность среди значительной части трудящихся промышленных предприятий в деле мобилизации трудовых ресурсов. В секретном спецдонесении Прокурору СССР, Прокурор Горьковской области Осипов 14 июля 1941 года докладывал, что мобилизация проходила успешно, с большим патриотическим подъемом. Настроение у населения характеризовалось как «хорошее, бодрое, проникнутое желанием разбить вра-

га».¹ В то же время, после выступления по радио В.М. Молотова образовывались большие очереди за хлебом, солью, спичками и другими продовольственными товарами. Безусловно, люди были обеспокоены, и это сказывалось на состоянии трудовой дисциплины.

Имели место факты несанкционированного повышения продолжительности рабочего дня. Так, председатель исполкома Ждановского райсовета г. Горького Лапин издал приказ, которым установил рабочий день для ответственных работников – круглые сутки, с перерывом на два часа на обед, а для технических работников – 12 часов в сутки. Этот приказ был опротестован прокуратурой.² Проверка, проведенная на заводах «Двигатель революции», им. Ленина, Станкозаводе и др., показала, что в связи с войной в первые дни значительно укрепилась трудовая дисциплина, прогулы на ряде предприятий резко сократились. Например, на 6-й валяной фабрике с 22 июня по 6 июля был всего один прогул.

В то же время, в июне, в особенности с 23 июня по 1 июля, на отдельных предприятиях увеличилось число прогулов. Это объяснялось рядом причин. На заводе им. Ленина с начала войны было изменено начало рабочего времени с 9 часов утра на 7 часов 30 минут, что вызвало в первые дни опоздания на работу. Часто опоздания были вызваны проходами в РККА близких родственников. Одной из причин прогулов являлось, по мнению прокурора Горьковской области, ослабление массово-воспитательной работы. В результате этих и других причин, к концу июля 1941 года на отдельных предприятиях города и области увеличилось число прогулов и снизилась производительность труда. Так, например, на Выксунском металлургическом заводе производительность труда в апреле 1941 года на одного рабочего составляла 115,7% к плану, тогда как в июне – 98,6%. Это объяснялось перестройкой работы на военный лад, а также приходом на завод новой рабочей силы, взамен ушедших на фронт кадровых рабочих.

На заводе №122 «Красное Сормово» июнь и, в особенности, июль дали значительный рост нарушений указа от 26 июня 1940 года. Если в мае было 149 случаев прогулов и самовольных уходов с работы, то в июне было 172, а за 25 дней июля – 248 случаев. Материалы на наруши-

¹ ГАНО, ф.5980, о.2, д.14, л.17.

² Там же. л.17.об.

телей передавались администрацией в суд, хотя иногда и с большим опозданием.

На заводе «Труд» треста «Росинструмент» за первое полугодие 1941 года имелось 239 нарушений указа, в том числе за период с 22 июня по 25 июля – 78 случаев. Это означало, что каждый шестой рабочий на заводе являлся нарушителем трудовой дисциплины.¹

В Калининском районе г. Горького на промышленных предприятиях в январе 1941 года было 205 случаев нарушения указа, в феврале – 152, в марте – 138, в апреле – 151, в мае – 135, в июне – 173 случая, но вопросы укрепления трудовой дисциплины на Бюро райкома не ставились. И только когда в июле 1941 года число нарушений возросло до 334-х, этому вопросу было уделено внимание.

По числу нарушений в районе на первом месте стоял завод №86. Здесь в июне было 73 нарушения, а в июле – 194, из них 25 – вторичных и в третий раз – 5 нарушений. За 15 дней августа по заводу насчитывалось 133 нарушения. Это: сон на работе, опоздания с обеда, отказ работать в выходные дни, прогулы, самовольное оставление работы.²

Имелись на заводе и факты задержки передачи дел в суд на прогульщиков, что не способствовало укреплению трудовой дисциплины. Например, рабочие цеха №5 Спиридонов и Бритов 22 июля преждевременно ушли с работы, а дела на них были переданы в суд только 28 июля.

Помощник директора завода по найму в погоне за количеством принятых на производство оформлял прием на завод даже тех лиц, которые еще незадолго до этого были уволены как осужденные по указу от 26 июня 1940 года к тюремному заключению на срок свыше 2-х месяцев.³ В результате, ущерб, нанесенный заводу №86 прогулами и опозданиями, исчислялся в 210.000 рублей. Затраченного на прогулы рабочего времени могло бы хватить на производство 3.300 тонн суперфосфата.

Согласно справке, предоставленной в Горьковский обком ВКП(б), основными причинами нарушений трудовой дисциплины по Калининскому району г. Дзержинска являлись: а) неправильная оценка партийными и хозяйственными руководителями предприятий военной обстановки, их надежда, что прогулы пойдут на снижение сами собой, б) ослабление массово-политической работы в цехах и на участках, особенно

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2466, л.22.

² Данные по: ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2192, л.105.

³ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2192, л.105.

после запрещения рабочим оставаться в цехах после работы и проводить там собрания, а так же являться в цех на работу ранее чем за 30 минут до ее начала, в) отсутствие устной и наглядной агитации по вопросам укрепления трудовой дисциплины, г) сведение директорами и начальниками цехов своей работы по подъему дисциплины к формальной ее стороне – передаче дел в суд и передоверие контроля за явкой рабочих табельщикам, д) неподготовленность к переходу на работу по-новому графику с началом первой смены в 5 часов утра, когда много прогулов возросло за счет опозданий из-за транспорта.

На заводах авиационной промышленности г. Горького состояние трудовой дисциплины в июле 1941 года характеризовалось следующими данными:

№ завода	Нарушения по указу	
	26.06.40	26.12.41
21	379	122
119	27	6
466	263	218
467	48	18
469	174	20

Из приведенной таблицы видно, что число нарушений особенно увеличилось в июле 1941 года.¹ Руководство предприятий старалось принимать со своей стороны определенные меры по укреплению производственной дисциплины. Так, заводом №21 в июле была проделана значительная работа в этой области. Директором завода был издан приказ и разработаны мероприятия, обеспечивавшие улучшение трудовой дисциплины: были организованы цеховые пропускные кабины, раздача обедов в цехах, улучшались бытовые условия молодых рабочих и т.д. Эти меры привели к снижению в июле случаев нарушений на 206 единиц.

На заводе №469 проделанная работа, напротив, была недостаточной, особенно со стороны партийной организации. Надлежащего учета нарушений не велось, за что был осужден ответственный работник завода по оформлению дел на нарушителей Малахов. На заводе №466 до июля 1941 года дела на нарушителей также оформлялись медленно. В результате, более 200 дел, которые должны были быть оформлены в июне,

¹ Данные по: ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2192, л.110.

перешли на июль, вследствие чего количество нарушений в июле резко увеличилось. Большое количество нарушений объяснялось «исключительно плохой» работой начальников цехов, партийных организаций и особенно помощников директора по кадрам и по социально-бытовым вопросам с вновь прибывшими на завод рабочими.

Всего по Горьковской области за июль 1941 года количество прогулов и самовольных уходов с предприятий, по данным облпрокуратуры, не только не уменьшилось, но на ряде предприятий увеличилось. Такой вывод подтверждается данными о количестве осужденных по указу от 26 июня 1940 года и состоянии прогулов на отдельных заводах. За второй квартал 1941 года по указу от 26 июня было осуждено 12.084 человека, т.е., в среднем, 4.028 человек в месяц, а за первую половину июля – 2.223 человека.¹ Рост нарушений был особенно заметен по городу Горькому. В апреле 1941 года было осуждено 1.579 человек, в мае – 1.774, в июне – 1.775, за период с 1 по 15 июля – 1.218 человек. Из последних – 1.172 человека были осуждены за прогул и 46 – за самовольный уход.

Вместе с тем, облпрокуратурой отмечалось и сокращение прогулов на ряде предприятий (фабрика Швейпрома, Трампарк, Вагоноремонтный завод и др.), но увеличение нарушений указа на ведущих предприятиях области говорило о неудовлетворительной борьбе с нарушителями.

Основной причиной прогулов было вновь признано резкое ослабление массово-политической работы, в особенности, среди недавно мобилизованных рабочих. Неудовлетворительно была организована работа по повышению квалификации и технического уровня молодежи. Известное влияние на рост прогулов имело ослабление борьбы со стороны администрации с нарушителями указа, что выражалось в несвоевременной передаче материалов на прогульщиков в суд. В связи с этим, райпрокурорам были даны указания о повседневном надзоре за точным исполнением указа от 26 июня 1940 года. Секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионов 7 августа 1941 года разослал телеграмму всем секретарям горкомов и райкомов партии, в которой говорилось: «По непонятным причинам партийные, профсоюзные, комсомольские организации самоустранились от борьбы за укрепление трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях, в результате чего в ряде районов в

июле месяце число нарушителей увеличилось. В Павловском районе в мае было 68 случаев, в июле – 195, в Калининском районе города Дзержинска, соответственно – 135 и 334, в Шахунском – 102 и 190.

Обком считает такое положение нетерпимым и обязывает вас принять меры к улучшению партийно-воспитательной работы и полной ликвидации прогулов».¹ 16 августа 1941 года сектором информации Горьковского обкома ВКП(б) была подготовлена справка «О мероприятиях по укреплению трудовой дисциплины на предприятиях и учреждениях». В этом документе приводились данные о снижении количества нарушений после принятия соответствующих мер (проведение партсобраний, активная разъяснительная работа). Так, на предприятиях Сормовского района г. Горького в июле был 591 прогул, а за 14 дней августа – 261. В Павловском районе на всех предприятиях были проведены закрытые партсобрания с вопросом об укреплении трудовой дисциплины. За 14 дней августа на предприятиях и в учреждениях этого района было 45 прогулов, а в июле – 195.

В сентябре 1941 года большая политико-воспитательная работа проводилась в цехах №3 и №4 завода им. Сталина Кагановичского района г. Горького. Как правило, за некоторым исключением, вопрос о каждом работнике, допустившем нарушение указа от 26 июня 1940 года, обсуждался по производственным участкам на собраниях рабочих. Таким образом, создавалось общественное мнение вокруг нарушителей трудовой дисциплины. В стенгазете в цехе №3 иногда помещались заметки о нарушителях указа. При получении от нарушителей письменных объяснений о причинах нарушений, начальники цехов проводили с ними индивидуальные беседы. Агитаторы старались увязывать политические беседы с характеристикой положения на производстве. Например, партгруппа Бадьянов при проведении беседы с рабочими, зачитывал сообщения Информбюро, заострял внимание рабочих на героических эпизодах и самоотверженности бойцов и командиров, указывая при этом, что в цехе были такие рабочие, которые «своим самоотверженным трудом на производственном участке помогают фронту громить врага». Бадьянов называл имена рабочих, перевыполнивших нормы и досрочно сдававших заказы. Вместе с тем, он называл и тех, кто не выполнял нормы выработки или нарушал трудовую дисциплину. В результате хорошо поставленной агитационно-массовой работы и ее, как тогда говорили,

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2121, л.209.

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2121, л.211.

«наступательного» характера, в цехах № 2 и № 3 трудовая дисциплина укрепились.

Состояние производственной дисциплины на предприятиях г. Павлова в 1941 году характеризовалось следующими цифрами: за второй квартал было 295 прогулов, за третий – 250. Наибольшее количество прогулов приходилось на июнь-июль месяцы. Особенно велики были прогулы в июле на заводе им. Жданова (70 прогулов). Резкое увеличение прогулов на этом заводе имело место, главным образом, за счет невыхода на работу в выходные дни в результате нераспорядительности директора завода, а также слабой организации труда со стороны отдельных начальников цехов. Так, например, ряд выходных дней были объявлены рабочими днями, но это не было доведено до сведения всех рабочих. В результате невыход рабочих в выходные дни был расценен как прогул. Характерным обстоятельством было то, что прогулы и опоздания на работу совершали, в большинстве случаев, вновь прибывавшие на предприятия по мобилизации, причем, было установлено, что прогулы совершали, как правило, мужчины и подростки.

Проверка, проведенная в ноябре 1941 года Горьковской облпрокуратурой, показала, что на отдельных предприятиях имели место массовые уходы с работы. Согласно решению Горьковского обкома ВКП(б) и облисполкома на завод им. Свердлова (г. Дзержинск) в августе и сентябре было завербовано 1.844 человека. Проработав несколько дней, с завода самовольно ушли 450 человек. Основной причиной ухода, по сообщению райпрокуратуры, было то, что для рабочих не была подготовлена жилплощадь, в результате чего им приходилось ночевать по несколько дней, где придется.¹

Состояние дисциплины труда в июле-октябре 1941 года на ведущих предприятиях г. Горького отражено в следующей таблице.²

КОЛИЧЕСТВО САМОВОЛЬНЫХ УХОДОВ

Наименование предприятия	2 квартал	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Автозавод		345	384	307	199
Завод №112		361	327	317	320
Завод №92		401	419	824	842
Завод №96	155	3 квартал – 520			

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14. л.89.об.

² Данные по: ГАНО, ф.5980, оп.2, д.14. л.92.

Большинство прогулов совершали вновь прибывавшие молодые рабочие. Здесь мы считаем возможным заметить, что рост нарушений трудовой дисциплины на предприятиях промышленности был связан с проводимой на эти предприятия трудовой мобилизацией. Квалифицированный рабочий, проработавший на предприятии несколько лет, втянувшийся в режим напряженного рабочего дня, реже нарушал трудовую дисциплину. Напротив, вчерашний деревенский парень, мало привыкший к шуму заводского цеха и жесткому графику, часто не выдерживал и совершал преступления – самовольно уходил (дезертировал) с предприятия. Поэтому, на наш взгляд, среди причин роста нарушений трудовой дисциплины в годы войны можно увидеть и известное влияние применения мобилизационного принципа набора рабочих кадров. Нарушения были ответом, определенной реакцией на принудительный характер привлечения к труду. Это предположение нам хочется выделить особо.

Так, в феврале 1942 года при Горьковском обкоме партии был образован отдел танковой промышленности. Одной из основных задач отдела была работа по укреплению трудовой дисциплины на предприятиях этой отрасли. Сотрудники отдела выезжали на заводы города и области и на месте изучали сложившуюся обстановку. Сразу после создания отдела была организована проверка завода №178 (г. Кулебаки). Инструктор отдела Никонов тщательно расследовал факты нарушений на этом предприятии. В процессе проверки им было обнаружено слабое участие в борьбе с нарушителями парторганизации завода и Горкома ВКП(б), что мало способствовало эффективности работы по укреплению производственной дисциплины. В справке отдела, подготовленной его заведующим в июле 1942 года, говорилось: «Рост прогулов идет исключительно за счет пополнения новыми кадрами, в основном, молодежи школьного возраста».¹

Главным заводом танковой промышленности в Горьковской области был завод № 112. Количество работавших на этом заводе составляло около 23.000 человек, то есть почти столько, сколько на всех остальных заводах. В течение нескольких месяцев с начала 1942 года завод находился в критической ситуации, ежемесячно недопоставляя фронту десятки танков. Одной из основных причин такого положения было неблагоприятное состояние трудовой дисциплины. На заводе участились случаи симуляции или «искусственного травматизма». В марте – апреле

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3120, л.97.

ежедневно только по этой причине на работу не выходило до 600 человек.

По инициативе секретаря Горьковского обкома В.Ф.Янжавцева были организованы бригады, состоявшие из работников облздрави, следственных органов, партбюро и заводского комитета. Эти бригады проверяли «истинность» травм и необходимости обратиться к врачу. В результате, в июне количество заявлений о травматизме от рабочих сократилось до 150, а в июле – до 65 случаев. Учитывая, что в ряде цехов на заводе №112 трудовая дисциплина находилась не на высоком уровне, дирекция, в соответствии с приказом Наркома танковой промышленности от 4 февраля 1942 года, распорядилась взять на хранение паспорта у рабочих и служащих завода.¹ В приказе по заводу от 2 марта 1942 года говорилось: «Несмотря на то, что рабочие и служащие, согласно указу от 26 декабря 1941 года, мобилизованы и закреплены на период военного времени за предприятиями танковой промышленности, паспорта до сего времени у некоторых групп работников остаются на руках, что в ряде случаев используется для самовольных уходов с предприятий».² Согласно этому приказу, выдавать паспорта на руки рабочим можно было только при предъявлении документов об уходе в РККА, на учебу, при служебных командировках, а также при увольнении с завода. Администрация предприятия в июне – июле 1942 года строго стала следить за выполнением указов от 26 июня и 26 декабря. К прогульщикам и симулянтам применялись самые строгие меры. Так, слесарь Угольников, самовольно оставивший завод 17 мая, а 2 июля, чтобы скрыть преступление, совершивший умышленное ранение левой руки, был уволен с завода. Материалы на него были переданы в прокуратуру для привлечения к ответственности через военный трибунал с формулировкой «за срыв работы завода в военное время».³

Подводя итоги работе по укреплению трудовой дисциплины на заводах танковой промышленности, начальник отдела отмечал, что рост прогулов шел исключительно за счет новых кадров. Из 364 прогулов, совершенных в июле 1942 года, 171 приходился на проработавших менее 6 месяцев. «Рост прогулов является тревожной цифрой, обязываю-

¹ ГАНО, ф.15, оп.6, д.647, л.177.

² Там же.

³ Там же, ГАНО, ф.15, оп.6, д.649, л.39.

щей еще больше усилить работу по этому вопросу», – говорилось в справке начальника Отдела.¹

Значительное место среди методов укрепления трудовой дисциплины занимали репрессивные мероприятия. Рабочие, нарушавшие указ от 26 декабря 1941 года, считались дезертирами и к ним применялись меры судебного воздействия. С момента издания указа и по 22 февраля 1942 года по Горьковской области в военные трибуналы были переданы 133 дела на нарушителей указа.² Из них было осуждено 106 человек (81 мужчина и 25 женщин): на 5 лет – 61 человек, на 6 лет – 15 человек, на 7 лет – 9 человек и на 8 лет – 21 человек. Из этого количества в отношении 76 человек приговоры были вынесены заочно, причем, 25 человек из осужденных ранее уже были судимы за нарушение указа от 26 июня 1940 года. Некоторые имели по 2–3 судимости. Подавляющее большинство дезертиров составляла молодежь в возрасте от 16 до 21 года.

Вместе с тем, имели место случаи необоснованного привлечения к ответственности лиц как дезертиров. Это было связано с тем, что руководители предприятий не всегда проверяли причины невыхода на работу. Так, от дирекции завода №178 (Кулебаки) поступил материал о привлечении к ответственности по указу от 26 декабря двух рабочих – Аганова и Малькова. При проверке оказалось, что Аганов находился в больнице, а Мальков, согласно заключению ВТЭК, был признан непригодным для работы на заводе.

Партийные органы продолжали вести активную работу по укреплению трудовой дисциплины. В целях упорядочения работы народных судов, Горьковский обком ВКП(б) 6 июля 1942 года принял решение о направлении туда представителей Горьковского областного Управления НКЮ РСФСР. Командированные работники Управления помогали народным судьям наладить учет и контроль за делами по указу от 26 июня 1940 года, упорядочить вызов в суд обвиняемых и порядок рассмотрения дел и исполнения приговоров. В Кагановичском районе г. Горького, куда поступало большое количество дел по указу, был организован дополнительный третий участок, чем была обеспечена возможность рассмотрения дел в установленные сроки. На некоторых заводах приговоры

¹ ГОПАНО, ф.3, о.1, д.3132, л.113.

² Там же, л.133.

нарсудов прорабатывались в цехах и бригадах, являлись предметом обсуждения коллектива.

После решения Бюро Обкома ВКП(б) в июне 1942 г. Кагановичский РК ВКП(б) и парткомы заводов № 21, 92 провели ряд мероприятий по укреплению трудовой дисциплины. В течение июля на предприятиях были проведены совещания секретарей парторганизаций и директоров, общецеховые партийные собрания и собрания рабочих. Райком провел семинар для агитаторов, а 17 июля на всех предприятиях района был проведен единый массовый политдень с темой «О социалистической дисциплине труда».

Парткомом завода №21 за слабую работу по укреплению трудовой дисциплины были привлечены к партийной ответственности 5 секретарей партбюро и 3 начальника цеха. Заводской комитет завода №92 23 июня заслушал доклад помощника директора по административно-хозяйственной части «О бытовом обслуживании рабочих». Директор завода №92 Е.С. Елян, как об этом говорилось в справке в Горьковский обком ВКП(б), недостаточно внимания уделял этому вопросу. Елян издал приказ по заводу о мероприятиях по улучшению бытового обслуживания рабочих, но контроль и проверку этого решения не организовал. На эти и другие недостатки ему было указано обкомом.

В результате принятых мер, состояние трудовой дисциплины на заводах №№ 21 и 92 несколько улучшилось. Например, на заводе №21 в июне было 440 прогулов и 113 случаев дезертирства, а в июле, соответственно, – 287 и 98. На заводе №92 в июне было 326 прогулов и 189 дезертирств, а в июле эти цифры снизились до 310 и 104, соответственно.

Хуже обстояло дело с укреплением трудовой дисциплины на предприятиях Сормовского, Автозаводского и Ленинского районов г. Горького. Согласно справке инструктора отдела кадров Горьковского обкома ВКП(б), райкомы партии и парткомы заводов этих районов «продолжали ограничиваться формальным обсуждением вопросов об укреплении трудовой дисциплины, не организовали и не контролировали принятых решений и практических мероприятий. Не привлекали к ответственности руководителей цехов, допустивших рост нарушений дисциплины труда и случаев дезертирства». Это было одной из причин ухудшения положения на предприятиях этих районов, о чем говорят следующие данные:

Наименование предприятия	Июнь (прогулы)	Июль (прогулы)	Июнь (дезертирство)	Июль (дезертирство)
Автозавод	471	489	66	76
Завод №466	72	263	8	218
Завод №112	181	189	100	129
Завод №80	325	321	94	43
Завод №96	70	64	24	16
Завод №718	74	107	14	13
Завод №469	86	174	16	20

В августе 1942 года в ответ на запрос Горьковского обкома партии Павловский горком ВКП(б) сообщал, что партийные организации завода им. Сталина и артелей промкооперации, находившихся на территории района, проводили определенную работу по улучшению дисциплины труда. Партбюро артели им. Кирова обсудило этот вопрос на своем заседании. Проводились собрания рабочих, где прорабатывались указы от 26 июня и 26 декабря. В результате, нарушения сократились с 13 в июне до 5 в июле.¹ На заводе им. Кирова, где состояние трудовой дисциплины охарактеризовано в отчете райкома как «крайне тяжелое», были проведены собрания рабочих, где обсуждался вопрос: «Трудовая дисциплина в условиях военного времени».

Мы считаем нужным остановиться на том, какой смысл вкладывался в определение «трудовая дисциплина в условиях военного времени». 19 апреля 1942 года «Правда» напечатала передовую статью «Трудовая дисциплина на производстве», из которой многое можно почерпнуть для понимания этого. Трудовая дисциплина в военное время определялась как умение выполнить боевой приказ «беспрекословно, свято и нерушимо».² От этого напрямую зависела степень эффективности функционирования военной экономики: «...Подобно тому, как любую военную операцию нельзя обеспечить без железной дисциплины – невозможно без железной дисциплины добиться и серьезных производственных успехов». «Правда» призывала рабочих трудиться по-военному: «Отдал директор завода приказ – начальник цеха обязан принять его к неукоснительному исполнению. Получил рабочий задание от мастера – выполняй его честно, быстро, добросовестно. Никаких пререканий, никаких ссы-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3120, л.91.об.

² Правда, 1942 г., 19 апреля.

лок на объективные причины».¹ В качестве методов достижения поставленной задачи в статье предлагались уже известные мероприятия: идеологическая работа (разъяснение пагубности и вреда прогулов), личный пример кадровых рабочих, а также репрессивные мероприятия. «Пусть на каком-нибудь заводе нарушители насчитываются единицами, все равно они не должны оставаться безнаказанными, должны нести ответственность по закону, чтобы другим неповадно было...»²

Вообще сочетание воспитательных и репрессивных методов достижения высокой производительности труда было характерным явлением военного времени. Однако, несмотря на все старания государственных и партийных органов, органов внутренних дел, общественных организаций прогулы на предприятиях не прекращались. Те же рабочие, которые оставались на рабочем месте, вынуждены были трудиться не только за ушедших на фронт товарищей, но и за сбежавших дезертиров, то есть, фактически, работать «за троих». Отсюда – очень высокие показатели производительности труда на одного рабочего из тех, кто постоянно находился на предприятии. Так, по справке уполномоченного Госплана СССР по Горьковской области Комарова, на предприятиях «Красная Этна», «Серп и молот», им. Кагановича, Стройгазе и в Горьковском порту в подавляющем большинстве работали «действительные патриоты Родины, успешно выполнявшие и перевыполнявшие производственный план».³ Но, одновременно с этим, наблюдался систематический рост прогулов со стороны вновь пришедших на производство в порядке мобилизации. Причину этого представитель Госплана видел в том, что руководители предприятий ослабили внимание к строгому выполнению указов от 26 июня и 26 декабря. Рост дезертирства, по его мнению, в основном, являлся следствием их беспечности и недооценки работы в части производственного обучения и улучшения бытовых условий.

Однако зачастую представители контролирующих органов (Прокуратуры, комиссии партийного контроля при обкоме ВКП(б)) слишком строго подходили к вопросу определения нарушений трудовой дисциплины: там, где усталость и жесткий график работы были причиной того, что рабочие засыпали прямо у станков, некоторые руководящие работники усматривали производственные преступления. Так, в

¹ Там же.

² Там же.

³ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3120, л.118.

сентябре 1942 года уполномоченный Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Горьковской области Филлипов направил в адрес председателя КПК телеграмму «О недостатках использования рабочей силы на предприятиях г. Горького»¹. В ней, в частности, говорилось о случаях сна во время работы на некоторых заводах. Эти факты, а также «хождение по цехам без дела», «занятие разговорами», «прекращение работы за 20 минут до окончания смены» были охарактеризованы как «разбазаривание» рабочего времени и как нарушения, попадавшие под действия указов от 28 декабря 1938 года и 26 июня 1940 года. С юридической точки зрения такую оценку следует признать правильной. Если же подходить к этому вопросу с чисто человеческих позиций, то трудно назвать рабочих, по несколько часов не отходивших от станков и засыпавших рядом с ними, нарушителями трудовой дисциплины.

Другое дело – самовольные уходы с работы. Подобные нарушения приводили к ощутимым потерям рабочего времени. На крупнейших предприятиях г. Горького за 8 месяцев 1942 года эти показатели превысили 2.000 человеко-дней. В условиях войны подобные потери были недопустимы.

Рост нарушений трудовой дисциплины вынуждал усиливать принятие репрессивных и розыскных мер к дезертирам. Военный трибунал войск НКВД по Горьковской области не успевал рассматривать все поступающие дела на дезертиров, не смотря на увеличение штатного состава работников.² На рубеже 1942-1943 годов количество нерассмотренных дел по указу от 26 июня 1940 года продолжало увеличиваться с каждым месяцем. Если на 1 ноября 1942 года оставались нерассмотренными 1.112 дел, то на 1 января 1943 – 1.456 дел. За 15 дней января 1943 года трибуналом было рассмотрено 1.500 дел, т.е. в среднем по 100 дел в день(!).

Руководители предприятий, в отличие от представителей органов НКВД, ставили перед собой задачу не наказания нарушителей, а сохранения контингента рабочих. В соответствии с этой задачей, репрессивные меры с их стороны носили, в основном, предупредительный характер. Это, например, выражалось в проведении в жизнь постановления СНК СССР «О снижении норм хлеба прогульщикам».³ Так, на Горьков-

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.2626, л.58.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3316, л.133.

³ ГАНО, ф.2435, оп.5, д.121, л.5.об.

ском автозаводе в 1943 году отделом кадров и бухгалтерией был организован строгий учет нарушений трудовой дисциплины. Был пересмотрен состав табельщиков и учреждена должность заместителя главного бухгалтера завода по табельному учету рабочего времени. В каждом цехе было выделено ответственное лицо по оформлению судебных дел на нарушителей. Они вели учет нарушений, оформляли документы на нарушителей и направляли их в суд.

В целом, на предприятиях г. Горького в течение 1943-1944 годов проводилась большая работа по предотвращению нарушений трудовой дисциплины. С этой целью руководство заводов принимало меры по улучшению материально-бытовых условий работы, был наведен порядок в рабочих общежитиях. Вследствие такой профилактической работы к концу 1944 года резко снизились случаи дезертирства среди рабочих 1927 года рождения, т.е. 17-летних подростков.¹

Органы внутренних дел в 1944 году активизировали розыск дезертиров, что способствовало возвращению на производство лиц, имевших намерение совсем уйти с работы. Этим задачам соответствовали и судебные процессы над медицинскими работниками, которые за взятки выдавали фиктивные справки и больничные листы не желавшим работать на производстве. Так, в декабре 1944 года на 10 лет была осуждена заведующая райздравотделом Свердловского района г. Горького Михалева.

После издания 30 декабря 1944 года Указа Президиума ВС СССР «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на эти предприятия» отношение к наказанию дезертиров несколько изменилось. Согласно директивному письму Прокурора СССР от 12 января 1945 года за №21/15 разысканных дезертиров следовало допросить о их желании возвратиться на предприятия.² В том случае, если дезертир соглашался с таким предложением, его преступление должно было быть переквалифицировано с указа от 26 декабря 1942 на указ от 26 июня 1940 года, и наказываться исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из зарплаты до 25%. Так, прокурором г. Выксы в январе 1945 года было переквалифицировано по указу от 26 июня 1940 года 4 дела, поскольку дезертиры после прогулов, длившихся

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.5.об.

² ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.59.об.

от 10 до 15 дней, добровольно возвратились на завод и приступили к работе. Помимо работников органов внутренних дел, работой по реализации указа от 30 декабря 1944 года занимались и руководители предприятий, что также давало положительный эффект. Руководство ГАЗа в январе 1945 года направило 811 писем в райисполкомы и лично дезертирам с разъяснениями указа и предложением вернуться на завод. В результате, на завод вернулись 345 человек.¹

Всего за период с 31 декабря 1944 по 15 февраля 1945 годов на предприятия военной промышленности города Горького и области вернулись 210 дезертиров.²

В последние месяцы Великой Отечественной войны дезертирство с предприятий военной промышленности несколько возросло. Этот незначительный рост был обусловлен, помимо уже называвшихся причин,³ еще и тем, что некоторые группы рабочих стремились возвратиться на родину – освобожденную от оккупации территорию СССР. Рост дезертирства в марте – апреле 1945 года по сравнению с январем заставил прокуратуру области провести проверку некоторых предприятий. Так, проверкой было установлено, что на заводе №172 и заводе металлоконструкций (г. Кулебаки) до 35% дезертиров являлись молодыми рабочими, не достигшими 18-летнего возраста, которые после окончания школ ФЗО были направлены на эти заводы. Часть из них была эвакуирована из Киева, Харькова, Орла и стремилась возвратиться на родину. Кроме них самовольно уходили рабочие, мобилизованные из Молдавии, Украины, Белоруссии. Некоторым из них, мобилизованным в 1941 - 1942 годах, были предоставлены отпуска для поездки домой. Обратное возвращались не все, и поэтому руководством этих заводов отпуска за пределы Горьковской области были запрещены.

В целом, в марте – мае 1945 года органы внутренних дел реже стали применять репрессивные меры к нарушителям трудовой дисциплины, несмотря на негативную оценку таких действий со стороны прокуратуры. В отчете о состоянии работы по укреплению трудовой дисциплины

¹ ГАНО, ф.2435, оп.7, д.69, л.124.

² ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.23.

³ По объяснениям 71 осужденного в феврале – марте 1945 года, они дезертировали по следующим причинам: из-за отсутствия обуви и одежды — 14%, по семейным обстоятельствам — 22%, из-за нежелание работать на производстве — 25%, из-за болезни — 11%, из-за тяжести работы — 5,5%, иные — 22,5%. Данные по: ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.35.об.

на производстве прокурор Горьковской области Осипов в марте 1945 года писал: «До сих пор военный трибунал продолжает применять к осужденным условную меру наказания в значительных размерах. В отчетном месяце ст. 59(б) УК была применена к 11 чел., или 16%, что не способствует усилению борьбы с дезертирством».¹

В апреле – мае, по словам прокурора области, в работе военного трибунала были заметны тенденции к ослаблению борьбы с нарушителями указа от 26 декабря 1941 года. Это выражалось в смягчении наказания по сравнению с установленным указом (либо применялось наказание, совсем не предусмотренное указом), в неосновательном возвращении дел на доследование и в истребовании различного рода справок. В апреле – мае 1945 года на предприятиях Горьковской области не проводилось показательных судебных процессов, что также может свидетельствовать о некотором снижении остроты проблемы трудовой дисциплины на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Это было, в первую очередь, связано с ее успешным завершением.

Учащиеся школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ (РУ и ЖДУ) были одним из наиболее важных резервов промышленности. Их обучение проходило не только в школах, но и непосредственно на предприятиях, поэтому условия их труда были во многом схожи с теми, в которых работали кадровые рабочие. К тому же, во время войны, по приказам Комитета по учету и распределению рабочей силы, неоднократно производились досрочные выпуски учащихся, и они направлялись непосредственно на производство. Большая часть из поступавших на предприятия рабочих составляли выпускники училищ и школ. Схожесть условий и направленности труда обусловила рассмотрение в одном параграфе состояния трудовой дисциплины в школах ФЗО, РУ и на промышленных предприятиях.

Трудности военного времени с особой тяжестью ложились на хрупкие плечи детей и подростков – учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО. Слышавшие о войне лишь по рассказам отцов и дедов, они вынуждены были воочию убеждаться в том, что война заставляет отказаться от личных интересов в пользу интересов Родины, государства. Вчерашним школьникам предстояло переживать расставание с семьей, преодолевать нежелание учиться, а иногда и страх: летом 1942 года, после на-

¹ ГАНО, ф.5980, оп.2, д.56, л.37.

лета вражеской авиации на территорию автозавода, все учащиеся РУ №1 разбежались по домам.¹

Вообще, говоря о трудовой дисциплине в школах ФЗО и РУ и о ее нарушениях, необходимо принимать во внимание, прежде всего, возраст учащихся, которые войной были поставлены в один ряд со взрослыми рабочими. Оторванные от дома, не привыкшие к трудным условиям жизни и быта в общежитиях, учащиеся ФЗО и РУ нередко нарушали трудовую дисциплину именно в силу подобных причин. Как правило, нарушения со стороны этой категории лиц, занятых на производстве, не носили злостного характера. Большинство нарушений объяснялось несоответствием трудностей жизни и труда в школах ФЗО и РУ уровню морального и физического состояния учащихся. Среди жалоб с их стороны, согласно справке инструктора Горьковского обкома ВКП(б), назывались следующие: а) нагруженность работой, низкий заработок, б) использование на производстве не по специальности, в) отсутствие работы, обеспечивавшей повышение технических знаний, г) неурядок в общежитиях, д) неорганизованность досуга.²

С началом войны трудовая деятельность учащихся школ ФЗО и РУ проходила не только в производственных мастерских, но и непосредственно на предприятиях, за которыми они были закреплены. Еще до окончания обучения учащиеся представляли реальную рабочую силу, и поэтому использование их на предприятиях стало почти нормой. Как следствие, они должны были подчиняться распорядку цеха, в котором работали. Случаи, когда учащиеся ФЗО подчинялись учебному режиму, делали перерыв в работе на обед и на ужин, характеризовались директорами некоторых предприятий как отсутствие производственной дисциплины.³ Руководство завода №112 г. Горького, с целью ликвидации подобного положения и усиления трудовой дисциплины, приказом по заводу от 1 октября 1941 года обязало учащихся работать в одинаковых условиях с постоянным составом рабочих цехов. Все распоряжения по цеху, исходившие от начальников цехов и мастеров, были обязательны для учащихся и подлежали безусловному исполнению. Мастер училища, согласно приказу, не имел права вмешиваться в действия цеховой администрации.

¹ ГАНО, ф.5461, оп.1, д.50, л.4.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3132, л.12.

³ ГАНО, ф.15, оп.6, д.631, л.1.

Учащиеся в возрасте от 16 лет и старше обязаны были работать в цехе по 8 часов в сутки, до 16 лет – не более 8 часов. Заработная плата выдавалась на руки учащимся в размере 50%, если они работали на изготовлении элементов боеприпасов и вооружений и 1/3 – если они были заняты на других работах. Остальные деньги перечислялись на счет училища. Для повышения производительности труда и трудовой дисциплины на заводе было запрещено использовать учащихся не по специальности. Рекомендовалось внедрять переход учащихся на сдельную оплату и премировать их за перевыполнение плана.

Самовольные уходы из училища – самый распространенный вид нарушения трудовой дисциплины. 18 декабря 1941 года Борский райком ВКП(б) во исполнение телеграммы Горьковского обкома партии сообщал, что факты самовольного ухода из ремесленных училищ имели место и в Борском районе. Из РУ №17 завода им. Молотова из 600 человек ушло 72. Меры, принимавшиеся райкомом, сводились к следующему: во все райкомы ВКП(б) тех районов, куда сбежали учащиеся, посылались письма и списки самовольно ушедших учеников с просьбой содействовать их возвращению.¹

Училища теряли свой контингент не только вследствие непосредственно ухода, но и по причине предания виновных суду. Так, из 350 учащихся, принятых за 1941 год в Кулебакскую школу ФЗО №3 Горьковской области 30 человек были осуждены за самовольный уход.² Среди мер, которые принимало руководство Горьковской области для возвращения беглецов, самой действенной были командировки представителей предприятий и школ ФЗО в районы для розыска ушедших учащихся. На местах при проведении этих мероприятий они должны были действовать через исполкомы райсоветов. Принимавшиеся руководством школ меры к возврату самовольно ушедших – выезды представителей школы на места, переписка с райпрокурорами – к должному результату не приводили. Всех нарушителей вернуть не удавалось.

26 марта 1942 года начальник областного Управления трудовых резервов Горьковской области Голубев направил в ГУТР объяснительную записку. В ней давалась характеристика существовавшему положению дел. «Несмотря на целый ряд мероприятий (посылка представителей школ во все районы, ряд телеграмм обкома ВКП(б) и облисполкома,

¹ ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3125, л.67.

² ГАТАНО, ф.Р2703, оп.1, д.2, л.5.

личные беседы с председателями райсоветов и т.д.) возвращение самовольно ушедших проходит крайне медленно», – писал Голубев. За последние дни марта 1942 года приток возвращенных в школы резко сократился. Это, отчасти, было связано с трудностью перевозок найденных дезертиров по железной дороге, а таких нарушителей, по словам начальника Горьковского ОУТР, было значительное количество.¹ «Нельзя сказать, чтобы Прокуратура и исполкомы не принимали мер к беглецам (суд, гражданский иск, убеждения), однако меры репрессивного характера на некоторую часть молодежи не действуют. Во всех районах имеются осужденные за самовольные уходы, но обычно быстро освобождаются из-под стражи», – говорилось в справке. В документе также отмечалось, что некоторые председатели колхозов всячески старались сохранить для работы в колхозе сбежавших учащихся.

При возвращении беглецы часто оставались безнаказанными. Более того, учитывая сложности с комплектованием училищ, руководство заботилось о том, чтобы они закончили учебу и устроились на работу. Все это, вместе взятое, по мнению начальника ОУТР, разлагающе действовало на «неустойчивую» часть молодежи.

Самовольные уходы большей частью приходились на строительные школы ФЗО, главным образом потому, что учащиеся проявляли недовольство строительными профессиями, а также отсутствием достаточного количества инструментов.

9 ноября 1942 года начальник ГУТР при СНК СССР издал Приказ «О мероприятиях по улучшению политико-воспитательной работы и бытового обслуживания учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО».² Приказ обязывал начальников областных управлений, директоров училищ и школ в месячный срок обеспечить возвращение учащихся, самовольно покинувших школы, и довести контингенты учащихся в каждом училище и школе до установленных по плану. Директорам училищ было запрещено отчислять учащихся без мотивированного приказа начальника областного Управления трудовых резервов.

Решением от 8 июля 1943 года исполком Горьковского облсовета предупредил председателей райисполкомов, что невыполнение планов мобилизации в школы ФЗО является нарушением государственной дис-

¹ ГАНО, ф.5461, оп.4, д.3, л.59.

² ГОПАНО, ф.3, оп.1, д.3124, л.122.

циплины и рассматривается как нежелание помогать фронту.¹ Однако самовольные уходы из училищ не прекратились.

Нелегко было в условиях войны резко улучшить бытовые условия и условия труда учащихся. 2 октября 1943 года начальник ГУТР П.Г. Москатов писал: «До сих пор имеются позорные факты самовольных уходов учащихся из училищ и школ, нет должного внимания к теоретическим занятиям, в ряде мест еще не устроен быт учащихся, нет еще должной заботы со стороны руководителей училищ, школ и управлений трудовых резервов по организации досуга молодежи».² Понимая, что условия труда и быта нельзя улучшить за короткий период из-за нехватки средств, руководитель ГУТР обращал особое внимание на идеологическую работу как на действенный метод укрепления трудовой дисциплины. Политические работники при училищах и школах, по словам П.Г. Москатова, не поняли, что война требует значительного усиления политико-воспитательной работы, а она должна была проводиться повседневно и охватывать массу учащихся: «В политико-воспитательной работе необходимо обеспечить глубокое изучение каждым учащимся и работником книги товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Во всех училищах и школах необходимо упорядочить повседневную политическую работу, вести ее по установленным программам».³

Очевидно, что применение методов идеологического воздействия на молодежь имело под собой веские основания. Сегодня трудно представить массы молодежи, жертвующие своими силами и свободой ради идеалов. Даже в условиях войны. Изменилось время. Изменилось общество. Чувство патриотизма, по-видимому, незнакомо значительному количеству современной молодежи. Тем больше уважения заслуживает молодежь Великой Отечественной, которая не только на фронте, но и в тылу сознательно, или не сознательно, проявляла самый настоящий патриотизм. Следует, однако, заметить, что дисциплина труда среди учащихся школ ФЗО и РУ соблюдалась большинством, но не всеми учащимися. На протяжении войны случаи самовольного ухода повторялись, а к концу — в некоторых учебных заведениях увеличились. Кроме того, несмотря на существовавшее законодательство и предписания строго наказывать дезертиров, руководство училищ в 1945 году снизило требо-

¹ ГАНО, ф.5461, оп.4, д.3, л.263.

² Правда, 1943 г., 2 октября.

³ Там же.

вания касающиеся возврата учащихся. Так, меры воздействия к самовольно выбывшим из Арзамасской школы механизации сельского хозяйства в 1944-1945 годах заключались в следующем: а) посылались телеграммы и отношения директорам МТС и РК ВКП(б), откуда были родом сбежавшие, с предложением вернуть курсантов, б) ставились в известность областной земельный отдел и сектор кадров обкома ВКП(б). Облзо и обком ВКП(б), со своей стороны, давали распоряжения директорам МТС и РК ВКП(б) вернуть курсантов на учебу. Эти распоряжения в большинстве случаев оставались невыполненными.¹

Между тем, самовольные уходы из училища наносили ущерб учебной программе. Директор школы в своем приказе от 6 февраля 1945 года отмечал отсутствие должной дисциплины среди учащихся, выражавшееся в значительном количестве самовольных уходов из школы. Общее количество пропусков учебных занятий только за январь 1945 года составило 2303 учебных часа, в том числе, прогулы составили 1735 учебных часов. Злостные прогульщики, самовольно отлучившиеся из школы и пропустившие учебные занятия в течение 7 и более рабочих дней, получили выговор с сообщением в соответствующие МТС. Несомненно, что на низкую требовательность к возвращению учащихся из МТС в школу повлияла острая нехватка рабочих рук на селе.

Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что борьба за укрепление трудовой дисциплины в школах ФЗО и РУ проводилась по двум направлениям: во-первых, предупреждение нарушений путем ликвидации причин, вызывавших дезертирство (улучшение условий труда и быта, идеологическая работа с учащимися) и, во-вторых, меры по возвращению уже сбежавших курсантов. Если в начале войны преобладало второе направление, то на ее завершающем этапе по нескольким причинам приоритет отдавался первой группе мероприятий.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению проблемы трудовой дисциплины в школах ФЗО, РУ и на промышленных предприятиях, можно заметить, что специфика труда определяла некоторые особенности нарушений режима труда. Законодательством они квалифицировались как самовольный уход, дезертирство и опоздания на работу более чем на 20 минут. Причинами нарушений были как объективные трудности военного времени, так и личное нежелание некоторых рабочих трудиться.

¹ ГАТАНО, ф.Р2244, оп.1, д.22, л.18.

В целом, трудовая дисциплина в годы Великой Отечественной войны представляла собой одну из важнейших проблем, которую приходилось решать руководству страны и области в тылу. От ее высокого уровня напрямую зависело, сумеет ли советское народное хозяйство противостоять милитаризированной экономике Германии и ее сателлитов. Нарушения трудовой дисциплины во время войны определялись как дезертирство с трудового фронта со всеми отягчающими последствиями.

Говоря о нарушениях, нужно признать, что в целом их количество было невелико. Это явилось результатом напряженной борьбы за укрепление трудовой дисциплины. Тем не менее, мы располагаем данными, которые свидетельствуют о росте нарушений в 1943 году. Например, количество нарушений на промышленных предприятиях г. Горького и Горьковской области составило 2.180 случаев. Это 7,3% от числа мобилизованных в промышленность за этот период. В 1943 году в промышленность было мобилизовано 18.700 человек. За этот же период органами прокуратуры было зафиксировано 55.139 нарушений. В 1944 году эти данные, соответственно, равны 11.800 и 24.587. Во второй половине 1944 года и за 6 месяцев 1945 года, когда было запрещено заочное рассмотрение дел, показатели нарушений снижаются. За январь – май 1945 года от предприятий поступило 1.159 заявлений о нарушениях трудовой дисциплины. Для сравнения – за 7 месяцев этого года в промышленность и на строительство было мобилизовано 7.700 человек.¹

Борьба за укрепление трудовой дисциплины опиралась на советское трудовое и уголовное законодательство, которое соотносилось по степени жесткости с критическими условиями военного времени. Причинами нарушений можно считать как объективные трудности, так и имевшее иногда место нежелание работать.

Методы борьбы за укрепление трудовой и производственной дисциплины можно свести к двум главным: превентивные (разъяснение рабочим трудового и уголовного законодательства, идеологическая работа, улучшение жилищно-бытовых условий и организации труда, убеждение) и репрессивные (наказания за нарушения). Именно эти методы и их сочетание были наиболее эффективным средством укрепления трудовой дисциплины в военное время.

¹ Все данные приводятся автором по материалам ГАРФ (ф.9517 – Комитет по учету и распределению рабочей силы) и ГАНО (ф.5980 – областная прокуратура).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Великой Отечественной войны богата героическими страницами. Одной из самых ярких, безусловно, является беспримерный трудовой подвиг народа. Сегодня мы имеем возможность не только оценить всю значимость мобилизации ресурсов тыла для достижения победы, но и проанализировать составляющие системы организации труда.

Война не оставила правительству СССР возможности рассчитывать только на добровольный характер труда. В чрезвычайной ситуации руководство государства вынуждено было применять и другие формы привлечения к труду. Реально оценивая сложившуюся международную обстановку, советское правительство заранее приняло меры и обеспечило юридическую основу этому процессу. Формирование правовой системы привлечения к труду и преследования уклонений от мобилизации выразилось в издании указов и постановлений правительства, а также – директив и инструкций, которые появились еще до 1941 года. С началом войны эти законодательные акты развивались в соответствии с требованиями конкретной ситуации и оформились как законы военного времени с более жесткими мерами привлечения к труду.

Эффективная деятельность советской военной экономики была обусловлена сочетанием мобилизационных принципов привлечения к труду с четкой структурой чрезвычайных и ординарных органов власти СССР. Практически все трудоспособное население в возрасте от 16 до 55 лет было охвачено мобилизационными мероприятиями. Кроме этого, огромную помощь оказывали школьники.

Основными формами привлечения к труду были: мобилизация, мобилизационный набор, трудовая повинность. Всеобщая трудовая мобилизация, которая была объявлена с началом войны, предполагала несколько вариантов проведения. Во-первых, широко была распространена самоорганизация, при которой граждане по своей инициативе принимали повышенные трудовые обязательства и несли моральную ответственность за их выполнение. В подавляющем большинстве случаев мобилизация объявлялась правительством. Здесь следует различать формы мобилизации. Мобилизованными до конца войны объявлялись все рабочие и служащие, которые на момент начала войны уже работали

на заводах и в учреждениях (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.), что составляло основу мобилизации внутренних ресурсов предприятий. В сельском хозяйстве внутренние трудовые ресурсы мобилизовались на основании указа от 13 апреля 1942 г.

Мобилизационный набор рабочих для нужд военной промышленности — еще одна форма мобилизации. Она осуществлялась в соответствии с указом от 13 февраля 1942 года. Отличительная черта мобилизации как формы привлечения к труду в том, что она объявлялась не на определенный срок, а до полного окончания войны или до завершения работ.

Чрезвычайной формой привлечения к труду была трудовая повинность. Она устанавливалась в соответствии с указом от 22 июня 1941 года «О военном положении». Порядок ее проведения определялся постановлением СНК СССР от 10 августа 1942 года. Трудовая повинность, в отличие от мобилизации, была временной мерой. Она проводилась с заранее определенными сроками (не более 2-х месяцев). Уголовные санкции в отношении уклонявшихся были более суровыми, чем при уклонении от мобилизации.

Трудовую повинность следует признать самой эффективной формой привлечения к труду при проведении сельскохозяйственных и оборонительных работ. Это было связано с тем, что меры воздействия, применявшиеся к тем, кто отказывался от трудовой повинности, были жесткими. Помимо этого, привлеченные к трудовой повинности граждане заранее имели представление об объеме предстоящей работы и, рассчитывая свои силы, осознавая свой конкретный вклад в дело победы над врагом, трудились с большей отдачей.

Жители сельских местностей — трудоспособные колхозники и единоличники несли, фактически, двойную тяжесть работ на своих плечах. С одной стороны, они объявлялись мобилизованными до конца войны введением обязательного минимума трудодней, с другой — привлекались к трудовой повинности. В частности, именно поэтому привлечение этой категории населения к труду не всегда было эффективным.

Привлекались к труду представители различных социальных групп советского общества периода войны. Практически все трудоспособное население в возрасте от 16 до 55 лет было охвачено мобилизационными мероприятиями. На работу в промышленность мобилизовались рабочие, колхозники, неработавшие горожане, заключенные. В школы ФЗО и РУ призывалась молодежь. К трудовой повинности на сезонные и оборони-

тельные работы, помимо уже названных контингентов, привлекались учащиеся школ и ВУЗов.

Основными методами привлечения к труду были методы убеждения, социалистическое соревнование, идеологическая работа. Широко применялись методы трудового принуждения и репрессивного воздействия. Трудно говорить о преимущественной роли какого-либо из них. Общество настолько разнородно, что только сочетание всех этих методов могло дать положительный результат. И этот результат, несмотря на все трудности и неоднозначность проведения политики привлечения к труду, был достигнут. В этом — главный итог мобилизационной деятельности советского государства.

Несколько слов нужно сказать о роли коммунистической партии в регулировании труда в период войны. Сегодня, по понятным причинам, не принято возводить партию в ранг организатора победы. Но, по нашему мнению, не стоит также забывать все, что было сделано под ее руководством. Роль ВКП(б) не нужно ни принижать, ни преувеличивать. Партия в то время «срослась» с государством, стала его составной частью и действенным органом. Неудивительно поэтому, что единая для всего государства цель была достигнута при активном участии ВКП(б) и ее структур.

Мобилизация в промышленность и приток туда новых низкоквалифицированных кадров, практика трудового принуждения обострили проблему трудовой дисциплины. Дисциплина труда в период войны носила несколько иной характер, нежели в мирное время. Существующее в историографии ленинское определение социалистической дисциплины труда вряд ли полностью отражает всю сложность и неоднозначность этой проблемы. Социалистическая дисциплина труда была, наверное, настолько реальной, насколько реальным был сам социализм. В условиях же военного времени, помимо сознательного отношения к труду, от рабочих и колхозников требовалось беспрекословное следование приказам и инструкциям, рабочему режиму.

Среди нарушений трудовой дисциплины, которые с 1940 года стали преследоваться в уголовном порядке, самыми распространенными были самовольный уход с работы и отказ от привлечения к труду. И то и другое, в соответствии с законами военного времени, определялось как дезертирство с трудового фронта. Причины нарушений были различны: от бытовых трудностей до нежелания трудиться. Но большинство нарушений все же объяснялись объективными обстоятельствами, вызванны-

ми войной. Борьба за укрепление трудовой дисциплины велась по двум основным направлениям. Во-первых, активно применялись превентивные меры, призванные предотвращать возможные нарушения. Это идеологическая работа, разъяснение уголовного законодательства, улучшение бытовых условий и условий труда, проведение показательных судебных процессов. Кроме этого, широко применялись методы репрессивного характера. Их роль в процессе борьбы за трудовую дисциплину, на наш взгляд, преувеличивать не стоит, хотя и сомневаться в необходимости их применения не приходится.

Результатом применения превентивных мер по укреплению трудовой дисциплины являлось значительное улучшение ее состояния. Несомненно, что такая жесткая политика в отношении нарушителей была вызвана необходимостью повысить эффективность труда в условиях военного времени. Это говорит о том, что борьба за трудовую дисциплину в условиях военного времени имела целью не огульное осуждение всех нарушителей, не увеличение показателей количества осужденных, а максимальное привлечение к труду всего трудоспособного населения и ликвидацию нерационального использования рабочей силы.

Анализируя роль и место мобилизационного принципа в организации труда в годы Великой Отечественной войны, следует признать его действенность, эффективность и безальтернативность. Война требовала напряжения всех сил не только на фронте, но и в тылу. Опасность для существования государства заставила людей забыть на время о личных интересах и подчинить свою работу общей цели – победе в войне. В этой связи нам особо хотелось бы подчеркнуть, что советский народ своим полным доверием правительству, даже в самые трудные периоды войны, показал пример достижения всеобщего согласия в решении общегосударственных задач.

В свою очередь, правительство не обмануло этого доверия. Не случайно И.В. Сталин, выступая на приеме командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года, сказал: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ум, стойкий характер и терпение... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это,

ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».¹

Слова руководителя государства были сказаны не случайно. В годы войны правительство получило своеобразный «карт-бланш» от народа. Этот факт красноречиво говорит о том, что в критической ситуации руководство страны и ее граждане, объединенные одной целью, смогли отказаться от узколичных интересов и на практике воплотить принцип приоритета общественных ценностей.

История войны дает уроки сегодняшнему поколению. Нет сомнения в том, что дисциплина труда является наиболее существенным фактором при организации любого производственного процесса, а также условием успешного функционирования любого предприятия, хозяйства, организации. Высокий уровень дисциплины труда должен быть приоритетным направлением в деятельности любого руководителя. Без четкого, отлаженного механизма выполнения производственной задачи, что и составляет основу производственной дисциплины, невозможно добиться положительных результатов труда, будь то добыча угля или научная работа. Строгое следование сложившимся нормам и правилам, характерным для данного вида трудовой деятельности, обеспечивает высокий уровень качества получаемого результата. Одним словом, понятие дисциплины труда включает в себя не только исполнение рабочего режима, ликвидацию прогулов и опозданий, но и следование методике, технологии, правилам эксплуатации и т.п.

В чрезвычайных условиях, каким была Великая Отечественная война, проблема дисциплины труда обострилась по многим причинам. Государство вынуждено было прибегнуть к различным, в том числе и «непопулярным», мерам для того, чтобы удержать дисциплину труда на должном уровне и сохранить таким образом производственный потенциал страны. Изучение причин нарушений трудовой дисциплины, методов и результатов борьбы с ними в годы Великой Отечественной войны служит благой цели исследования исторических параллелей и закономерностей.

Мы не призываем возродить к жизни суровую репрессивную систему военного времени. Пресловутый «возврат к прошлому» невозможен в силу диалектически обусловленных факторов. Тем не менее, изучение

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне советского народа. М., ОГИЗ. 1947. С.196

истории войны позволяет проанализировать положительный опыт организации труда. К примеру, метод предупреждения нарушений: улучшение условий труда и быта, медицинского обслуживания позволяет ликвидировать причины снижения уровня дисциплины труда. Нельзя также преуменьшать роль идеологических факторов.

Другими словами, история учит: в условиях разбалансированности хозяйственной системы существует только один проверенный путь преодоления кризиса – регулируемая экономика. История Великой Отечественной войны – яркое тому подтверждение.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных Союзов
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТАНО – Государственный Арзамасский территориальный архив Нижегородской области.
ГАНО – Государственный архив Нижегородской области
ГОПАНО – Государственный общественно-политический архив Нижегородской области.
ГКО – Государственный Комитет Обороны
ГУЛаг – Главное управление лагерей
ГУТР – Главное Управление Трудовых Резервов
ЖДУ – Железнодорожное училище
КЗоТ – Кодекс законов о труде
КПК – Комиссия партийного контроля
МТС – Машинно-тракторная станция
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СНК – Совет народных комиссаров
ЦУНХУ – Центральное управление народно-хозяйственного учета
УОБР – Управление оборонительных работ.
УК – Уголовный Кодекс

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Трудовые отношения в свете советского законодательства военного времени	24
Глава II. Привлечение к труду и трудовая дисциплина на сезонных и оборонительных работах	62
Глава III. Трудовая мобилизация в промышленности и проблема дисциплины труда	102
Заключение	147
Сокращения	153

Владимир Александрович Самос

**ПО ЗАКОНАМ
ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Очерк истории трудовой политики СССР
в годы Великой Отечественной войны
(1941-1945 гг.)

Монография

Редактор О. В. Широкова
Компьютерная верстка и дизайн обложки М. Заминной

Томская 2001, pag. 103
Лицензия № 020232 от 20.01.97

Учен. пап. и. р. Ул.-пап. л. 10. Тираж 500. Заяв. № 834

Печат. офсетная. Бумага офсетная. Габариты Тираж.

Подписано в печать 03.07.01. Формат 60x84 1/16

Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского
603950, Н. Новгород, пр. Таршин 23

Типография Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. В. Полевая, 37

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Трудовые отношения в свете советского законодательства на военное время.....	24
Глава II. Привлечение к труду и трудовая дисциплина на сезон- ных и оборонительных работах.....	62
Глава III. Трудовая мобилизация в промышленности и проблема дисциплины труда.....	102
Заключение.....	147
Сокращения.....	153

Владимир Александрович Сомов

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

*Очерки истории трудовой политики СССР
в годы Великой Отечественной войны
(1941-1945 гг.)*

Монография

Редактор *О.В. Широкова*
Компьютерная верстка и дизайн обложки *М. Зиминой*

Темплан 2001, поз. 103
Лицензия № 020235 от 20.01.97

Подписано в печать 03.07.01. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 10. Тираж 500. Заказ № 834.

Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского
603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Типография Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

СОМОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат исторических наук,
доцент кафедры современной
отечественной истории
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского.
Круг научных интересов -
проблемы внутренней политики СССР
и общественное сознание
гражданского населения
в годы Великой Отечественной войны.
Автор ряда публикаций по данной тематике